СОКРОВЕННОЕ СКАЗАНИЕ
МОНГОЛЬСКИЙ ОБЫДЕННЫЙ ИЗБОРНИК

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ....1
I. РОДОСЛОВНАЯ И ДЕТСТВО ТЕМУЧЖИНА (ЧИНГИСА) (1-68)....3
II. ЮНОСТЬ ЧИНГИСА.(69-103)....9
III РАЗГРОМ МЕРКИТОВ. НАРЕЧЕНИЕ ТЕМУЧЖИНА ЧИНГИС-ХАНОМ (104-126)..17
IV. БОРЬБА С ЧЖАМУХОЙ ТАЙЧИУДЦАМИ (127-147)....27
V. РАЗГРОМ ТАТАР. РАЗРЫВ С ВАН-ХАНОМ (148-169). 33
VI. КОНЕЦ КЕРЕИТСКОГО ЦАРСТВА (170-185)....40
VII. КЕРЕИТЫ И ИХ МОНГОЛЬСКИЕ СОЮЗНИКИ, ВО ГЛАВЕ С ЧЖАМУХОЙ ПЕРЕДАЮТСЯ НАЙМАНАМ. СМЕРТЬ ВАН-ХАНА. РАЗГРОМ НАЙМАНОВ И МЕРКИТОВ (186-197). 48
VIII. КУЧУЛУК БЕЖИТ К ГУР-ХАНУ ХАРА-КИТАДСКОМУ НА РЕКУ ЧУЙ, А ТОХТОА - К КИПЧАКАМ. ЧЖЕБЕ ПОСЛАН ПРЕСЛЕДОВАТЬ КУЧУЛУКА, А СУБЕЕТАЙ - ТОХТОАЯ. СМЕРТЬ ЧЖАМУХИ. ВОЦАРЕНИЕ ЧИНГИСА. НАГРАДЫ И ПОЖАЛОВАНИЯ СПОДВИЖНИКАМ.(198-208) 56
IX. ПРОДОЛЖЕНИЕ ПРЕДЫДУЩЕЙ. ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ГВАРДИИ (209-229).....65
X. ГВАРДИЯ ЧИНГИС-ХАНА. ПОХВАЛА ГВАРДИИ. ПОКОРЕНИЕ УЙГУРОВ И ЛЕСНЫХ НАРОДОВ. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ УДЕЛОВ. РАСПРАВА С ВОЛХВОМ ТЕБ-ТЕНГРИЕМ (230-246). 71
XI. ПОКОРЕНИЕ СЕВЕРНОГО КИТАЯ, СИ-СЯ, ТУРКЕСТАНА, БАГДАДСКОГО ХАЛИФАТА И РУСИ (247-264). 77
XII. СМЕРТЬ ЧИНГИС-ХАНА. ЦАРСТВОВАНИЕ ОГОДАЯ (265-282) 85

ПРЕДИСЛОВИЕ

На протяжении веков личность Чингисхана (1155 - 1227) привлекает неизменный интерес. Оценки его дел противоречивы. В отечественной историографии образ этого полководца и государственного деятеля в целом отрицателен: считается, что формирование его державы сопровождалось особой жестокостью, что "монголо-татарское иго" замедлило социально-экономическое развитие завоеванных стран, а рассеяние монголов по значительной территории привело к их ассимиляции другими народами, подрыву потенциала самой Монголии и ее слабости после распада империи. Отчасти эти оценки справедливы. В то же время, не следует забывать, что Средневековье (вообще) не отличалось гуманностью — ни в Европе, ни в Азии. Достаточно вспомнить историю арабского халифата, западноевропейскую инквизицию, княжеские междоусобицы в России и Японии периода феодальной раздробленности и т. д. На этом фоне жестокость монголов не была чем-то из ряда вон выходящим. Да и последующее "иго" вряд ли представляло собой что-то другое, нежели обычное феодальное господство, тем более, что оно не было направлено на разрушение общественных традиций и структур. Более того, монголы проявляли исключительную религиозную и национальную терпимость. В отличие от многих завоевателей, приходивших и до, и после, они не ставили целью огнем и мечом навязать свою религию или образ жизни, разрушая историческое и культурное наследие других народов. Ханы Монгольской империи покровительствовали всем религиям в равной мере, не навязывая ни одну из них. В этом они надолго опередили свое время. И, хотя верхушка

правящего класса государства формировалась из монголов, национализма или национального гнета не было.
Таким образом, даже столетия спустя, в наше время усиления религиозной и национальной нетерпимости есть в чем взять пример с Чингисхана и его преемников.
Не надо забывать и о том, что именно в недолгий период существования единой Монгольской империи, благодаря жесткому порядку пути с Запада на Восток стали безопасными, расширились торговые и миссионерские связи, что способствовало взаимопониманию и взаимообогащению культур. А одним из последствий "монголо-татарского ига" стали централизация и консолидация русских княжеств, без чего было бы невозможно образование Московского царства и, на его основе, великих евразийских государств — Российской империи и Советского Союза.
Вот некоторые моменты, которые следует вспомнить перед чтением этой книги. С XIII века появилась обширная литература, посвященная биографии Чингисхана и монгольским завоеваниям. Но важнейшим источником остается "Сокровенное сказание" (или "Тайная история"), написанное в 1240 г., вскоре после смерти полководца. Эта древняя хроника известна в России еще с XIX века, когда глава Русской духовной миссии в Пекине Палладий Кафаров впервые транскрибировал русскими буквами монгольский текст, написанный китайскими иероглифами и перевел китайский текст на русский язык, а также опубликовал перевод в 1866 г. Второй, более точный и комментированный перевод с монгольского с транскрипцией оригинала издал один из ведущих советских ориенталистов С.А. Козин (1879 - 1956). Первый том (Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием Mongrol-un Niruca tobciyan. Юань Чао Би Ши. Монгольский обыденный изборник. М.-Л., 1941), содержащий введение, перевод, тексты и глоссарии, вышел мизерным тиражом в 1000 экз. Планы выпуска второго тома с текстологическими и филологическими комментариями и общими замечаниями по сравнительной морфологии и синтаксису монгольского письменного языка древнего, среднего и нового переводов монгольской литературы и с алфавитным указателем, а также третьего тома — исследований о принципах китайско-монгольского письма, текста памятника в китайско-монгольском письме, комментариями, словарями и указателем, так и остались неосуществленными. Перевод С.А. Козина недавно был переиздан (Сокровенное сказание монголов. Улан-Удэ, 1990).
В 1962 г. было опубликовано факсимильное издание китайской рукописи памятника с ее описанием и некоторыми историческими, источниковедческими и лингвистическими соображениями (Панкратов Б.И. (издание и предисловие). Юань-чао би-ши (Секретная история монголов), т. 1. М., 1962). Предполагались последующая публикация перевода текста и примечаний (т. 2), глоссария (т. 3), а также реконструкции монгольского текста и транскрипции (т. 4). Как и в предыдущем случае, эти планы остались неосуществленными.
Тиражи существующих изданий явно не соответствуют уровню общественного интереса к памятнику. Поэтому все они давно стали библиографической редкостью и доступны даже не во всякой научной библиотеке. Нынешнее издание на русском языке направлено лишь на то, чтобы заполнить этот пробел. Поэтому оно только воспроизводит перевод С.А. Козина с подстрочными примечаниями (содержащими родоплеменные названия, параллели из других источников, ссылки на них и т.д.). Прозаический перевод стихов дан мелким шрифтом в квадратных скобках. Незначительные отличия в тексте связаны с исправлением опечаток в оригинале и расстановкой знаков препинания согласно современной пунктуации. Хочется надеяться, что настоящее издание послужит стимулом для будущей подготовки и публикации полного, обстоятельного и комментированного варианта перевода хроники на русский язык.
Текст воспроизведен по изданию: Сокровенное сказание монголов. 2002

СОКРОВЕННОЕ СКАЗАНИЕ
МОНГОЛЬСКИЙ ОБЫДЕННЫЙ ИЗБОРНИК

I. РОДОСЛОВНАЯ И ДЕТСТВО ТЕМУЧЖИНА (ЧИНГИСА).

(***Оглавления всех двенадцати разделов даны мной. Родо-племенные названия, следуя П. Кафарову и Б. Я. Владимирцову в тексте перевода пишутся с большой буквы, даже если они в форме прилагательных, соответствующих родительному падежу имен - С. А. К.***)

§ 1. Предком Чингис-хана был Борте-Чино, родившийся по изволению Вышнего Неба. Супругой его была Гоа-Марал. Явились они, переплыв Тенгис (внутреннее море). Кочевали у истоков Онон-реки, на Бурхан-халдуне, а потомком их был Бата-Чиган,

§ 2. Сын Бата-Чигана - Тамача. Сын Тамачи - Хоричар-Мерган. Сын Хоричар-Мергана - Аучжам-Бороул. Сын Аучжам-Бороула - Сали-Хачау. Сын Сали-Хачау - Еке-Нидун. Сын Еке-Нидуна - Сим-Сочи. Сим-Сочиев сын -Харчу.

§ 3. Сын Харчу - Борчжигидай-Мерган - был женат на Монголчжин-гоа. Сын Борчжигидай-Мергана - Тороголчжин-Баян-был женат на Борохчин-гоа, имел отрока-слугу, по имени Боролдай-Суялби, да двух скаковых меринов-Дайир и Боро. У Тороголчжина было двое сыновей: Дува-Сохор и Добун-Мерган.

§ 4. У Дува-Сохора был один-единственный глаз, посреди лба, которым он мог видеть на целых три кочевки.

§ 5. Однажды Дува-Сохор, вместе со своим младшим братом Добун-Мерганом, взобрался на Бурхан-халдун. Наблюдая с высоты Бурхан-халдуна, Дува-Сохор усмотрел, что вниз по течению речки Тенгелик подкочевывает какая-то группа людей.

§ 6. И говорит: "Хороша молодица в кибитке крытой повозки среди этих подкочевывающих людей!" И он послал своего младшего брата Добун-Мергана разузнать, намереваясь сосватать ее Добун-Мергану, если окажется, что она незамужняя.

§ 7. Добун-Мерган побывал у тех людей, и в самом деле там оказалась молодица, по имени Алан-гоа, красивая очень знатного рода и еще ни за кого не просватанная.

§ 8. А по поводу той племенной группы выяснилось так: Баргучжин-гоа, дочь Бархудай-Мергана, владетеля Кол-баргучжин-догумского, была выдана замуж за Хорилартай-Мергана, нойона Хори-Туматского. Названная же Алан-гоа и была дочерью, которая родилась у Хорилартай-Мергана от Баргучжин-гоа в Хори-Туматской земле, в местности Арих-усун.

§ 9. По той причине, что на родине, в Хори-Туматской земле шли взаимные пререкания и ссоры из-за пользования звероловными угодьями, Хорилартай-Мерган решил выделиться в отдельный род-обок, под названием Хорилар. Прослышав о знаменитых Бурхан-халдунских звероловлях и прекрасных землях, он теперь и пододвигался, оказывается, кочевьями своими к Шинчи-баян-урянхаю, на котором были поставлены божества, владетели Бурхан-халдуна. Здесь-то Добун-Мерган и просил руки Алан-гоа, дочери Хори-Туматского Хорилартай-Мергана, родившейся в Арих-усуне, и таким-то образом Добун-Мерган женился,

§ 10. Войдя в дом к Добун-Мергану, Алан-гоа родила двух сыновей. То были Бугунотай и Бельгунотай.

§ 11. У старшего же брата, Дува-Сохора, было четыре сына. Тем временем старший его брат Дува-Сохор скончался. После кончины Дува-Сохора, четверо его сыновей, не признавая даже за родственника своего дядю Добун-Мергана и всячески понося его, отделились, покинули его и откочевали. Образовалось особое поколение Дорбен. Отсюда-то и пошло четвероплемение Дорбен-ирген.

§ 12. Однажды, затем, Добун-Мерган взошел поохотиться на возвышенность Тогоцах-ундур. В лесу ему повстречался какой-то Урянхаец, который, зарезав трехлетку-оленя, готовил жаркое из его ребер, из верхних коротких ребер.
§ 13. Добун-Мерган и говорит: "Дружище, дай на жаркое!" "Дам и тебе!"-отвечал тот и, оставив себе шкуру и легочную часть животного, остальное мясо трехлетки-оленя отдал Добун-Мергану.
§ 14. Завьючив оленину Добун-Мерган уехал. По дороге встречается ему какой-то бедняк, который ведет за собою своего сынишку.
§ 15. На вопрос Добун-Мергана, кто он такой, тот отвечал: "Я - Маалих, Баяудаец ("богатей"), а живу, как нищий. Удели мне из этой дичины, а я отдам тебе вот этого своего паренька".
§ 16. Тогда Добун-Мерган отделил и отдал ему половину оленьего стегна, а того мальчика увел к себе домой; он-то и стал у него домашним работником.
§ 17. Долго-ли, коротко-ли - Добун-Мерган скончался. После смерти Добун-Мергана, Алан-гоа, будучи безмужней, родила трех сыновей. То были: Бугу-Хадаги, Бухату-Салчжи и Бодончар-простак.
§ 18. Бельгунотай и Бугунотай, старшие сыновья, родившиеся еще от Добун-Мергана, стали втихомолку говорить про свою мать Алан-гоа: "Вот наша мать родила троих сыновей, а между тем при ней нет ведь ни отцовых братьев, родных или двоюродных ни мужа. Единственный мужчина в доме - это Маалих, Баяудаец. От него-то, должно быть, и эти три сына". Алан-гоа узнала об этих их тайных пересудах.
§ 19. И вот однажды весной сварила дожелта провяленного впрок барана, посадила рядом своих пятерых сыновей, Бельгунотая, Бугунотая, Бугу-Хадаги, Бухату-Салчжи и Бодончара-простака, и дала всем им по одной хворостинке, чтоб они переломили. По одной без труда переломили. Тогда она опять дала им, с просьбой переломить, уже штук по пяти хворостинок, связанных вместе. Все пятеро и хватали сообща и зажимали в кулаках, а сломать все же не смогли.
§ 20. Тогда мать их, Алан-гоа, говорит: "Вы, двое сыновей моих, Бельгунотай да Бугунотай, осуждали меня и говорили между собой: "Родила мол, вот этих троих сыновей, а от кого эти дети?" Подозрения-то ваши основательны.
§ 21. "Но каждую ночь, бывало, через дымник юрты, в час, когда светило внутри (погасло), (***Солнце закатилось, а луна еще не взошла***) входит, бывало, ко мне светло-русый человек; он поглаживает мне чрево, и свет его проникает мне в чрево. А уходит так: в час; когда солнце с луной сходится (***Луна закатилась, а солнце еще не взошло***), процарапываясь, уходит, словно желтый пес. Что ж болтаете всякий вздор? Ведь если уразуметь все это, той выйдет, что эти сыновья отмечены печатью небесного происхождения. Как же вы могли болтать о них как о таких, которые под пару простым смертным? Когда станут они царями царей, ханами над всеми, вот тогда только и уразумеют все это простые люди!"
§ 22. И стала потом Алан-гоа так наставлять своих сыновей: "Вы все пятеро родились из единого чрева моего и подобны вы давешним пяти хворостинкам. Если будете поступать и действовать каждый сам лишь за себя, то легко можете быть сломлены всяким, подобно тем пяти хворостинкам. Если же будете согласны и единодушны, как те связанные в пучок хворостинки, то как можете стать чьей-либо легкой добычей?" Долго ли, коротко ли-мать их, Алан-гоа, скончалась.
§ 23. По смерти матери пятеро братьев стали делить между собою имущество. При этом вышло так, что четыре брата- Бельгунотай, Бугунотай, Бугу-Хадаги и Бухату-Салчжи забрали себе все, а Бодончару совсем не дали его доли, считая его глупым и неотесанным и не признавая даже за родственника.
§ 24. "Раз меня и родней не признают, что мне тут делать?"- сказал Бодончар. Оседлал он Орок-шинхула, со ссадинами на спине, с жидким хвостом, наподобие свистун-стрелы, и пустил его куда глаза глядят вниз по течению Онон-реки. "Умереть, так умереть! Живу

быть, так быть живу!"-сказал он. Ехал-ехал и добрался до урочища Балчжун-арал. Тут построил он себе из травы балаган и стал жить-поживать.
§ 25. Стал он тут примечать, как сизая самка сокола ловит и пожирает куропаток. Сделал ловушку из волос хвоста своего голохвостого, со ссадинами на спине, Орок-шинхула, заманил, поймал птицу и стал приручать.
§ 26. Не имея другого пропитания, он стрелял по ущельям загнанных туда волками зверей, а нет - так питался и волчьими объедками. Так он благополучно перезимовал тот год, прокормив и себя и своего сокола.
§ 27. Пришла весна. С прилетом уток он стал запускать на них своего сокола, сперва проморив его голодом. Диких уток и гусей понасадил он: на каждый пень - задние части (хоншиут), а на каждый сук - смрадные части (хуншиут), и столько понавешал, что запах шел (***Он — "гузнами на сучки, смердящими — на шестки, так что дух пошел"***).
§ 28. По северному склону гор, из-за темного бора, подкочевало, продвигаясь вниз по течению речки Тунгелик, какое-то родовое колено (***Положение народца (ср.: Б.Я. Владимирцов, Общественный строй, стр. 66)***) болюк. Днем Бодончар стал заходить к ним напиться кумысу, когда случалось пускать своего сокола в их сторону. Ночью же уходил, бывало, на ночлег к себе в травяной шалаш.
§ 29. Когда, случалось, люди те просили у Бодончара его сокола, он никак не давал. А жили между собою так, что у Бодончара не спрашивали, откуда и кто он, а тот взаимно не пытался узнавать, что они за люди.
§ 30. Старший брат его, Бугу-Хадаги, зная, что младший брат, Бодончар-простак, отправился вниз по течению реки Онона, пришед сюда поискать брата. Стал он расспрашивать тех людей, что прибыли сюда кочуя вниз по речке Тунгелик: не бывал-ли тут такой-то и такой-то человек, на таком-то и таком-то коне?
§ 31. Люди те отвечали: "Тут есть и человек и конь, как раз такие, как ты спрашиваешь. Он соколиный охотник. Каждый день заходит к нам: угостится кумысом и уходит. А ночами где-то ночует. При северо-западном ветре летят сюда, словно снежные хлопья по ветру, пух и перья гусей и уток, пойманных соколом. Должно быть, он здесь недалеко: сейчас подходит время его обычного прихода. Подожди минутку". Так говорили они.
§ 32. Тем часом подъезжает какой-то человек, следуя вверх по течению речки Тунгелик. То и был Бодончар. Как увидел, так сейчас же и признал его старший брат, Бугу-Хадаги. Забрал он брата с собою и пустился рысью вверх по реке Онону.
§ 33. Труся рысцой за братом своим, Бугу-Хадаги, говорит ему Бодончар: "Брат, а брат! Добро человеку быть с головой, а шубе-с воротником". Брат его, Бугу-Хадаги, не понял, к чему эти его слова.
§ 34. Когда он повторил те же самые слова, брат его все же ничего не понял и ничего не сказал ему в ответ. А Бодончар ехал и все повторял одно и то же. Тогда старший его брат говорит: "Что это ты все твердишь одно и то же?"
§ 35. Тогда Бодончар говорит: "Давешние-то люди, что стоят на речке Тунгелик, живут-все равны: нету них ни мужиков, ни господ; ни головы, ни копыта. Ничтожный народ. Давайте-ка мы их захватим!"
§ 36. "Ладно! - отвечал старший брат. -Но только сначала съездим домой да посоветуемся со всеми братьями, а тогда и пойдем полонить тех людей". Так они беседовали.
§ 37. Воротясь домой, посовещались они с братьями и выступили в поход. Передовым-наводчиком пустили самого же Бодончара.
§ 38. Идя лобовым, захватил Бодончар в половину беременную женщину: "Кто ты такая?"-спросил он. - "Я, - говорит она, - я из племени Чжарчиут, по имени Аданхан-Урянхачжина" (***Б.Я. Владимирцов. Общественный строй, стр. 68***).
§ 39. Тогда братья впятером полонили тех людей, и стали те у них слугами-холопами, при табуне и кухне.
§ 40. Бывшая в половине беременности женщина, войдя к Бодончару. родила сына. Так как его считали сыном чужого племени, то и назвали его Чжадарадай. Он и стал предком

рода Чжадаран. У того Чжадарана был сын, по имени Тухуудай. Сыном Тухуудая был Бури-Бульчиру, сын Бури-Будьчиру-Хара-Хадаан. Сыном Хара-Хадаана был Чжамуха. Таково происхождение рода Чжадаран.

§ 41. Эта женщина родила еще одного сына, уже от Бодончара. И оттого, что происходил он от пленницы,-и сына прозвали Бааридай. Он стал предком рода Бааринцев. Сын Бааридая-Чидухул-Боко: У Чидухул-Боко было много жен. Родилось у него и сынов что-то около этого. Они-то и стали родоначальниками племени Менен-Баарин.

§ 42. Бельгунотай стал родоначальником племени Бельгунот. Бугунотай стал родоначальником племени Бугунот. Бугу-Хатаги стал родоначальником племени Хатаги. Бухуту-Салчжи стал родоначальником племени Салчжиут. Бодончар стал родоначальником поколения Борчжигин.

§ 43. Тот потомок Бодончара, который родился от первой, старшей жены (***Б.Я. Владимирцов, op. cit., стр. 48, прим. 8***), носил имя Барин-Ширату-Хабичи. Бодончар же еще имел наложницу, которая вошла в его дом вместе с приданым матери этого самого Хабичи-Баатура. И она произвела на свет одного сына. Имя ему было Чжоуредай. Сначала Чжоуредай пользовался правом участия в родовом жертвоприношении чжугели.

§ 44. Однако по смерти Бодончара этого Чжоуредая отстранили от участия в родовых жертвоприношениях чжугели под тем предлогом, что-де некий Аданха-Урянхадаец был домашним завсегдатаем и что, должно быть, от него-то он и произошел. Он и образовал особое родовое подразделение-обох, под наименованием Чжоуреид и таким образом стал родоначальником Чжоуредцев.

§ 45. Сын Хабичи-Баатура был Менен-Тудун. У Менен-Тудуна было семеро сыновей: Хачи-Кулюк, Хачин, Хачиу, Хачула, Хачиун, Харандай и Начин-Баатур.

§ 46. Сын Хачи-Кулюка, Хайду, по матери происходил от Намолуны. Хачинову же сыну дали имя Ноягидай. Из-за его крайнего чванства (noyansiy aburity) (***Б.Я. Владимирцов, op. cit., стр. 78***) и род его стал прозываться Ноякин. Сына Хачиу звали Барулатай. Ростом он был велик и горазд до еды. Род его прозвали Барулас. Сыновья Хачулы также образовали род Барулас, и из-за жадности обоих братьев к еде пошли родовые прозвища Еке-Барула и Учуган-Барула, а отсюда пошли уже и родовые подразделения Баруласов: Эрдемту Барулас, Тодоен-Барулас и др. Дети Харандая стали родоначальниками племени Будаад-кашников, которое назвали так по той причине, что у них, наподобие перемешанной каши, не было ни старшего, ни главы. У Хачиуна был сын, по имени Адаркидай. Он стал родоначальником племени, прозванного Адаркин-сутяги из-за тех распрей, которые он заводил между братьями. Сыновья Начин-Баатура прозывались Урууддай и Мангутай. От них пошли племена Урууд и Мангуд. У Начин-Баатура от первой, старшей жены родились еще Шичжуудай и Дохолодай.

§ 47. У Хайду было три сына: Байшингор-Докшин, Чарахай-Линху и Чаочжин-Ортегай. Сын Байшингор-Докшина - Тумбинай-Сечен. Сыновья Чарахай-Линху-Сенгун-Билге, Амбагай и другие-образовали племя Тайчиудов. Потомка Чарахай Линху, происшедшего от его снохи, звали Бесутай. Отсюда вдет род Бесуд. От сыновей Чаочжин-Ортегая пошли племена: Оронар, Хонхотан, Арулад, Сонид, Хабтурхас и Генигес.

§ 48. У Тумбинай-Сечена было два сына: Хабул-хаган и Сим-Сечуле. Сим-Сечулеев сын-Бультегу-Баатур. А у Хабул-хагана было семеро сыновей, а именно: самый старший-Окин-Бархаг, далее Бартан-Баатур, Хутухту-Мунгур, Хутула-хаган, Хулан, Хадаан и самый младший- Тодоен-отчигин.

§ 49. У Окин-Бархага--сын Хутухту-Юрки. У Хутухту-Юрки было два сына: Сече-беки и Тайчу. От них пошло поколение Юркинцев.

§ 50. У Бартан-Баатура было четверо сыновей: Мангету-Киян. Некун-тайчжи, Есугай-Баатур, Даритай-отчигин. Хутухту-Мангуров сын был Бури-Боко. Это он-то и рассек Бельгутаю плечо на пиру в Ононской Дубраве.

§ 51. Сыновья Хутула-хагана-Чжочи, Гирмау и Алтай. У Хулан-Баатура-сын Еке-Церен. Это он был нойоном Бадая и Кишлика (сделавшихся впоследствии свободными из рабов), дарханами. Ни Хадаан, ни Тодоен потомства не имели.
§ 52. Всеми Монголами ведал Хабул-хаган. После Хабул-хагана, имевшего семерых сыновей, всеми Монголами стал ведать, по слову Хабул-хагана., сын Сенгун-Бильгея, Амбагай-хаган, хотя Хабул-хаган имел собственных семь сыновей.
§ 53. Однажды Амбагай-хаган лично отправился провожать свою дочь, которую он выдавал в замужество к Татарам из племени Айриуд-Буйрууд, что на реке Уршиун между озерами Буюр-наур и Колен-наур. В это-то время Амбагай-хагана и схватили Татары Чжуинского племени и повезли к Алтан-хагану Китадскому. Тогда Амбагай через посланника своего Балагачи, человека из Бесудского рода, велел передать среднему из семи сыновей Хабул-хагана, Хутуле, с тем, чтобы он, в свою очередь. передал следующее Хадаан-тайчжию из всех десятерых сыновей: "Отомстите за меня, который самолично провожал свою дочь, как всенародный каган и государь народа. Мстите и неустанно воздавайте за меня не только до той поры, что с пяти пальцев ногти потеряете, но и пока всех десяти пальцев не станет".
§ 54. В ту пору, охотясь однажды по реке Онону за птицей, Есугай-Баатур повстречал Меркитского Эке-Чиледу, который ехал со свадьбы, взяв себе девушку из Олхонутского племени. Заглянув в возок и поразившись редкой красотой девушки, он поспешно вернулся домой и привел с собой старшего своего брата, Некун-танчжия, п младшего-Даритай-отчигина.
§ 55. В виду их приближения, Чиледу испугался, но под ним был скакун Хурдун-хуба. Хлещет он. своего хуба по ляжкам, старается скрыться от них за холмами, но те втроем неотступно следуют за ним по пятам. В то время когда Чиледу, объехав мыс, вернулся к своему возку, Оэлун-учжин говорит ему: "Разве ты не разгадал умысла этих людей? По лицам их видно, что дело идет о твоей жизни. Но ведь был бы ты жив-здоров, девушки же в каждом возке найдутся, жены в каждой кибитке найдутся. Был бы ты жив-здоров, а девицу-жену найдешь. Придется видно, тебе тем же именем Оэлун назвать девушку с другим именем. Спасайся, поцелуй меня и езжай!" С этими словами она сняла свою рубаху, и когда он, не слезая с коня, потянулся и принял ее, то из-за мыса уже подлетели те трое. Пришпорив своего Хурдун-хуба, Чиледу помчался, убегая от преследования вверх по реке Онону.
§ 56. Трое бросились за ним, но, прогнав его за семь увалов, вернулись. Есугай-Баатур повел за поводья лошадь Оэлун-учжин, старший его брат, Некун-тайчжи, ехал впереди, а младший, Даритай-отчигин, ехал вплотную рядом с ней. Едут они так, а Оэлун-учжин приговаривает:
"Батюшка мой, Чиледу!
Кудрей твоих встречный ветер никогда не развевал
В пустынной земле никогда ты не голодал.
Каково-то теперь?" И роняя обе косы свои то на спину, то на грудь, то вперед, то назад так громко она причитала "каково-то теперь уезжаешь?" так громко, что
Онон-река волновалась
В перелесье эхо отдавалось.
Уж близко к дому, стал унимать ее плач Даритай-отчигин:
"Лобызаемый твой много перевалов перевалил,
Оплакиваемый твой много вод перебродил.
Сколько ни голоси, - он не бросится взглянуть на тебя,
Сколько ни ищи, - его и след простыл.
Замолчи уже". Так унимал он ее. Тут же Есугай и взял Оэлун-учжин к дом свой. Вот как произошло умыкание Есугаем Оэлун-учжины.
§ 57. Так как Амбагай-хаган в присланном известии назвал имена Хадаана и Хутулы, то все Монгол-Тайчиуды, собравшись на Ононском урочище Хорхонах-чжубур, поставили

хаганом Хутулу. И пошло у Монголов веселие с пирами и плясками. Возведя Хутулу на хаганский стол, плясали вокруг развесистого дерева на Хорховахе. До того доплясались, что, как говорится, "выбоины образовались по бедро, а кучи пыли- по колено".
§ 58. Когда Хутула стал хаганом, Хадаан-тайчжи пошел на обоих Татар. Тринадцать раз он бился у обоих, у Котон-Бараха и у Чжили-Буха, но не мог все же за Амбагай-хагана отмщением отметить, воздаянием воздать.
§ 59. Тогда-то Есугай-Баатур воротился домой, захватав в плен Татарских Темучжин-Уге, Хори-Буха и других. Тогда-то ходила на последах беременности Оэлун-учжин, и именно тогда родился Чингис-хаган в урочище Делиун-балдах, на Ононе. А как пришло родиться ему, то родился он, сжимая в правой руке своей запекшийся сгусток крови, величиною в альчик. Соображаясь с тем, что рождение его совпало с приводом Татарского Темучжин-Уге, его и нарекли поэтому Темучжином.
§ 60. От Оэлун-учжины родилось у Есугай-Баатура четверо сыновей: Темучжин, Хасар, Хачиун и Темуге. Родилась и одна дочь, по имени Темулун. Когда Темучжину было девять лет, то Чжочи-Хасару в это время было семь лет, Хачиун-Эльчию - пять лет, Темуге-отчигин был по третьему году, а Темулун -еще в люльке.
§ 61. Когда Темучжину было девять лет, Есугай-Баатур собрался сватать ему невесту у дядей по матери его Оэлун, у ее родни из Олхонутского рода, куда и отправился вместе со своим сыном Темучжином. По дороге, между урочищами Цекцер и Чихургу, повстречал он Хонхирадского Дэй-Сечена.
§ 62. "Куда держишь путь" сват Есугай?" - спрашивает его Дэй-Сечен.-"Я еду,-говорит Есугай-Баатур,-еду сватать невесту вот этому своему сыну у его дядей по матери, у Олхонутского племени". Дэй-Сечен и говорит: "У твоего сынка взгляд-что огонь, а лицо-что заря".
§ 63. "Снился мне, сват Есугай, снился мне этою ночью сон, будто снисшел ко мне на руку белый сокол, зажавший в когтях солнце и луну. По поводу этого своего сна я говорил людям: Солнце и луну можно ведь видеть только лишь взглядом своим; а тут вот прилетел с солнцем и луной в когтях этот сокол и снисшел ко мне на руку, белый спустился. Что-то он предвещает? - подумал лишь я, как вижу: подъезжаешь, сват Есугай, ты со своим сыном. Как случиться такому сну? Не иначе, что это вы - духом своего Киятского племени--являлись во сне моем и предрекали!
§ 64. Мы, Унгиратское племя,
С древних времен знамениты,
Красою и статностью дев от жены-унгиратки.
Брани не любим, но дев своих милых
К вашим ханам в подруги везем.
В одноколку казачью (***Казачья телега — арба***) верблюд вороной
Запряжен, и рысью пустили его...
К вам на царское место усадим ее.
Браней не ищем мы. Только,
Вырастив славных девиц,
В крытый возок уместим,
С сивым верблюдом в упряжке...
Замуж проводим. К вам на высокое место
Дорогой половиной усадим.
Искони унгиратские жены
Как щит неприступны, а девы - смиренны.
Красотою же дев от жены-унгиратки
Издревле мы знамениты.
§ 65. Отроки наши за степью глядят,
Девы у нас красотой взор пленят.
["Унгиратское племя, с давних времен мы славимся, не имея в том соперников, красотою наших внучек и пригожестью дочерей. Мы к вашему царственному роду своих прекрасноланитных девиц, поместивши в

арбу (казачью телегу), запряженную черно-бурым верблюдом и пуская его рысью, доставляем к вам, на ханское ложе. С племенами-народами не спорим. Прекраснолицых дев своих вырастив, в крытый возок поместив и увозя на запряженном сизом верблюде, пристраиваем на высокое ложе, (дражайшей) половиною пристраиваем. С давних времен у нас, Унгиратского племени, жены славны щитом, а девы - кротостью. Славны мы прелестью внучек и красою дочерей. Ребята у нас за кочевьем глядят, а девушки наши на свою красу обращают взоры всех..."]
Зайди ко мне, сват Есугай. Девочка моя - малютка, да свату надо посмотреть". С этими словами Дэй-Сечен проводил его к себе и под локоть ссадил с коня.
§ 66. Взглянул он на дочь его, а лицо у нее - заря, очи - огонь. Увидал он девочку, и запала она ему в душу. Десятилетняя на один год была она старше Темучжина. Звали Борте. Переночевали ночь. На утро стал он сватать дочь. Тогда Дэй-Сечен говорит: "В том ли честь, чтоб отдать после долгих сговоров, да и бесчестье ль в том, чтоб по первому слову отдать? То не женская доля - состариться у родительского порога. Дочку свою согласен отдать. Оставляй своего сынка в зятьях-женихах". Когда дело покончили, Есугай-Баатур говорит: "Страсть боится собак мой малыш! Ты уж, сват, побереги моего мальчика от собак!" С этими словами подарил ему Есугай своего заводного коня, оставил Темучжина в зятьях и поехал.
§ 67. По дороге, в Цекцерской степи - Шира-кеере, пировали Татары. Повстречавшись с ними, Есугай-Баатур решил задержаться на празднике, так как томился жаждой. Татары же, оказывается, его знали. "Это Есугай-Киян явился", - рассуждали они и вспомнили свои старые обиды и счеты. И вот, с умыслом тайно его извести отравой, они подмешали ему яду. Уезжая от них он почувствовал себя дурно, и через трое суток, добравшись домой, сильно занемог.
§ 68. Говорит тогда Есугай-Баатур: "Мне дурно. Есть тут поблизости кто-нибудь?" Ему сказали, что неподалеку находится Мунлик, сын Хонхотанского старца Чарахая. Позвав его к себе, Есугай-Баатур сказал ему: "Дитя мое, Мунлик! Ведь у меня малые ребята. Извели меня тайно Татары, когда я заехал к ним по дороге, устроив в зятья своего Темучжина. Дурно мне. Прими же ты под свое попечение всех своих: и малюток и покидаемых младших братьев, и вдову, и невестку. Дитя мое, Мунлик! Привези ты поскорей моего Темучжина!" Тут он и скончался.

II. ЮНОСТЬ ЧИНГИСА.

§ 69. В точности исполняя распоряжение Есугай-Баатура; Мунлик отправился и сказал Дэй-Сечену: "Старший брат Есугай-Баатур очень болеет душой и тоскует по Темучжину. Приехал взять его!" Дэй-Сечен отвечал: "Раз сват так горюет по своем мальчике, то пусть себе съездит, повидается, да и скорехонько сюда". Тогда отец-Мунлик и доставил Темучжина домой.
§ 70. В ту весну обе супруги Амбагай-хагана, Орбай и Сохатай ездили на кладбище, в "Землю Предков". Оэлун-учжин тоже поехала, но приехала поздно, опоздав при этом не по своей вине. Тогда Оэлун-учжин, обращаясь к Орбай и Сохатай, сказала: "Почему вы заставили меня пропустить и жертвоприношение предкам и тризну с мясом и вином? Не потому ли; что Есугай-Баатур умер, рассуждаете вы, а дети его и вырасти не смогут? Да, видно, вы способны есть на глазах у людей, способны и укочевать без предупреждения!"
§ 71. Ханши же Орбай и Сохатай ей ответили так:
"Хоть бы и позвали, так не стоит давать:
Ешь, что найдется!
Хоть бы и просила, так не стоит давать:
Ешь, что придется!
["Ты и заслуживаешь того, чтобы тебя не: звали (или позвав, ничего не дали). Тебе и следует есть то, что найдешь (что попадется). Ты и заслуживаешь того, чтобы тебе отказывали даже в просимом. Видно, из-за того, что умер Амбагай-хаган, нас может оговаривать даже Оэлун".]
Не потому ли, что скончался Амбагай-хаган, даже и Оэлун смеет с нами так говорить?"

§ 72. Согласно уговору - откочевать, бросив в нутуке этих (Есугаевских) матерей с детьми и уйти, никого из них не взяв с собой, - Таргутай-Кирилтух, Тодоен-Гиртай и прочие Тайчиудцы на другой же день тронулись вниз по реке Онону. Когда они покинули, таким образом, Оэлун-учжин, матерей с детьми и откочевали, Хонхотанский Чарха-ебуген поехал их уговаривать. Но Тодоен отвечал ему: "Тут
Ключевые воды пропали,
Бел-камень треснул!
А ты-то как смеешь отговаривать людей ?" - сказал ему Тодоен-Гиртай и при этом сзади кольнул его в спину копьем.
§ 73. Тяжело раненый Чарха-ебуген лежал у себя дома. Когда Темучжин приехал его проведать, Хонхотанский Чарха-ебуген сказал ему: "Я подвергся такой напасти, уговаривая людей, когда те откочевали, захватив с собою весь наш улус, улус собранный твоим благородным родителем". Темучжин уехал от него в слезах, Оэлун-учжин, покинутая народом, сама подняла знамя и выступила. Многих ей удалось воротить, однако и тот возвращенный народ не устоял и снова ушел вслед за Тайчиудцами.
§ 74. Когда же укочевали Тайчиудские братья, покинув в старом кочевье вдову Оэлун-учжин с малыми детьми, вот как пошло:
Мудрой женой родилась Оэлун.
Малых детей своих вот как растила:
Буденную шапочку покрепче приладит,
Поясом платье повыше подберет,
По Онон-реке вниз и вверх пробежит,
По зернышку с черемухи да яблонь-дичков сберет
И день и ночь своих деток пестует.
* * *
Смелой родилась наша мать-Учжин.
Чад своих благословенных вот как растила:
С лыковым лукошком в степь уйдет,
На варево деткам корней накопает,
Корней судун да корней кичигина.
* * *
Черемухой да луком вскормленные
Доросли до ханского величия.
Корнем чжаухасуна вспоенные
Праведной матери дети
Стали правосудными и мудрыми.
* * *
§ 75. Голым чесноком у матери вскормлены
Поднялись отважными сынами,
Вознеслись высокими сайдами,
Из всех выдались и мужеством и отвагою.
* * *
А обетом себе поставили - мать кормить.
На крутом берегу матушки Онон-реки
Вместе усядутся, друг для друга крючья ладят,
На крючья рыбешку негожую притравливают,
Ленков да хайрюзов выуживают,
Невода ли сплетут, плотву неводят.
С сыновней любовию матушку напитают.
[Оэлун-Фужень мудрой женой родилась. Воспитывая своих малых детей, крепка прилаживала рабочую вдовью шапочку, коротко поясом платье подбирала, бегала по Онон-реке и вниз и вверх, по зернышку собирала с диких яблонь и с черемухи, день и ночь кормила,

Смелая (возможно и счастливая, не простая, причастная миру духов) от роду мать-Учжин, пестуя своих благословенных (счастливо-блаженных, августейших) детей, брала с собой лыковое лукошко, копала коренья судуна и кичигине и кормила.
У матери-Учжин черемухой да луком вскормленные дети доросли до ханского достоинства. У праведной матери-Учжин корнями растений вскормленные дети стали и справедливыми, и мудрыми.
Те, которых голым чесноком вскормила прекрасная Учжин, стали отважными сынами, стали высоко вознесенными сайдами-сановниками. А как стали мужами-сайдами. выдавались они мужеством и отвагою. И дали друг другу слово прокармливать свою мать. Стали сиживать на крутом берегу Онон-матушки, друг для друга стали ладить крючья-удочки. Наживляя негодную рыбешку, стали удить. Притравляя игольные крючья-удочки, стали выуживать ленков да хайрюзов. Сплетая сети-невода, стали выдавливать рыбку-плотвичку. В знак сыновней почтительности стали и сами кормить свою мать.].

§ 76. Таким-то образом сидели однажды на берегу Онона Темучжин, Хасар, Бектер и Бельгутай. И вот на один из закинутых крючьев попалась блестящая рыбка-сохосун. Бектер с Бельгутаем отняли ее у Темучжина с Хасаром. Те пошли домой и стали жаловаться матери, Учжин-эхе: "Братья Бектер с Бельгутаем насильно отобрали у нас блестящую рыбку, которая клюнула на крюк". - "Ах, что мне с вами делать? - говорит им мать Учжин-эхе. -Что это так неладно живете вы со своими братьями! Ведь у нас, как говорится,

Нет друзей, кроме своих теней,
Нет хлыста, кроме скотского хвоста.

Нам надо думать о том, как бы отплатить за обиду Тайчиудским братьям, а вы в это время так же не согласны между собою, как некогда пятеро сыновей праматери вашей Алан-эхэ. Не смейте так поступать!"

§ 77. Не по вкусу пришлись эти слова Темучжину с Хасаром, и стали они роптать: "Ведь совсем недавно они точно таким же образом отняли у нас жаворонка, подстреленного детской стрелой-годоли, а теперь вот опять отняли! Как же нам быть в согласии?" И, хлопнув дверью, они поспешно ушли. Бектер в это время стерег на холме девять соловых меринов. Темучжин подкрался к нему сзади, а Хасар - спереди. Когда они приблизились, держа наготове свои стрелы, Бектер обратился к ним с такими словами: "Думаете ли вы о том, с чьей помощью можно исполнить непосильную для вас месть за обиды, нанесенные Тайчиудскими братьями? Зачем вы смотрите на меня, будто я у вас

Ресница в глазу
Иль заноза в зубах.

Чего же стоят такие рассуждения, когда у нас

"Нет друзей, кроме своих теней,
Нет хлыста, кроме скотского хвоста.

Не разоряйте же моего очага, не губите Бельгутая!" С этими словами он покорно присел на корточки. Темучжин же с Хасаром тут же в упор пронзили его выстрелами спереди и сзади и ушли.

§ 78. Как только они вернулись домой, мать-Учжин сразу же поняла все по лицам обоих своих сыновей: "Душегубцы! -сказала она. -Не даром этот-вот яростно из утробы моей появился на свет, сжимая в руке своей комок запекшейся крови!

Этот-вот видно не даром,
Из чрева яростно вырвавшись,
Сгусток кровавый в руке зажимая,
На свет появился!
Темное дело свое вы свершили
Словно дикие псы,
Что лоно у матки своей прогрызают.
Словно свирепый хаблан,
На скалу налетающий.
Львам вы подобны,
Чью ярость ничто не уймет.

Демонам-змеям, мангусам (***П. Кафаров переводит: удав. (р. 16) — исполинский змей***)

Живьем, говорят, пожирающим.
Или же - кречеты вы:
Те свою тень поражают.
Щуки коварные вы:
Засады вы жертву глотаете.
Или - верблюжьи самцы:
Верблюжонку лодыжки грызете.
Волкам подобны голодным:
Те за добычей в ненастье следят.
Птица турпан пожирает птенцов своих,
Если увлечь за собой их не может.
Смел на защиту трусливый шакал,
Если гнездо его кто потревожит.
Барс не замедлит схватить.
Зря нападает дворняга.
Вот с кем вы сходны в злодействе своем!
["Вы сгубили его, словно дикие псы, прогрызающие материнскую утробу; словно хаблан (птица ?), бросающийся на скалы даже; словно львы, не могущие унять свою ярость; словно демон-мангус, глотающий живьем; словно кречет, бросающийся на свою собственную тень; словно щука, хватающая исподтишка; словно верблюд, кусающий сгиб задней ноги у своего же одногодовалого верблюжонка; словно волк, заглядывающий в ненастный день; словно турпан, пожирающий своих птенцов, когда он не в силах увести их за собой; словно обороняющийся шакал, когда потревожили его логово; словно тигр, не мешкающий в своей хватке; словно дворняга, кидающаяся без разбору... Нет у вас друзей, кроме собственной тени; нет у вас плети, кроме (конского) хвоста..."]
Речь ведь о том, кто вам поможет отметить Тайчйудцам, раз вы не в силах сами с обидой покончить. У вас же сейчас
Нет дружеской сени, кроме собственной тени,
Нет другого хлыста, кроме хвоста.
О чем же вы думаете, так поступая?" И долго она с великим гневом говорила им,
Древние речи распускала,
Старые слова развивала.
[Вскрывала она, разъясняла (распарывала) старые слова, распространяла древние слова.]
§ 79. Тогда является во главе своей охранной (турхаут) стражи Таргутай-Кирилтух. Он сообразил теперь:
Видно овечки-то, кургашки облиняли,
Слюни свои подобрали.
Тут матери с детьми и все братья в ужасе бросились прятаться в тайгу. Бельгутай построил укрепление из поваленных деревьев, а Хасар перестреливался с неприятелем. Хачиуна, Темугея и Темулуну спрятали в ущелье, а сами вступили в бой. Тогда Тайчиудцы стали громко кричать им: "Выдайте нам своего старшего брата, Темучжина! Другого нам ничего не надо!" Этим они и побудили Темучжина обратиться в бегство. Заметив" что Темучжин пустился в лес, Тайчиудцы бросились за ним в погоню, но он уже успел пробраться в густую чащу на вершине Тергуне. Не умея туда проникнуть, Тайчиудцы окружили этот бор и стали его сторожить.
§ 80. Проночевал Темучжин трое суток в тайге и решил, наконец. выходить. Взял свою лошадь под уздцы и пошел. Вдруг - неожиданная задержка: с лошади сползло седло. Стал он рассматривать - и видит: седло сползло при туго подтянутой подпруге и нагруднике. Вот так причина задержки. Тогда стал он раздумывать: "Подпруга еще туда-сюда, но как могла сползти также и подгрудная шлея? Не иначе, что само небо меня удерживает". И он вернулся назад и провел в лесу еще трое суток. Решил было опять выходить, как смотрит: у самого выхода из тайги, у самого выхода лежит белый валун-кремень, величиной с походную юрту, и вплотную закрывает выход. "Не ясно ли,-подумал он, -не ясно ли, что само небо меня удерживает". Провел он в лесу еще девять суток, без всякой пищи, и думает: "Ужели довести себя до бесславной смерти? Выйду теперь!" И принялся срезать

своим ножом для очинки стрел, срезать деревья, которые не давали прохода, окружая тот белый валун, величиной с юрту, 'что свалился откуда-то и заслонил проход. Кое-как провел он свою спотыкавшуюся лошадь и уже стад было выходить на прогалину. А Тайчиудцы тут-как-тут, сторожат. Схватили его и повели с собой.
§ 81. Таргутай-Кирилтух привез Темучжина к себе в улус и там подверг его законному наказанию. На ночлег при этом он должен был скитаться из юрты в юрту. 16-го числа Первого летнего месяца, по случаю праздничного дня полнолуния, Тайчиудцы праздновали веселым пиршеством на крутом берегу Онона и расходились, когда уже заходило солнце. На это празднество Темучжина привел какой-то слабосильный парень. Выждав время, когда все праздновавшие разошлись, Темучжин бежал от этого слабосильного парня, вырвавшись у него из рук и всего раз ударив его по голове шейной своей колодкой. Он прилег было в Ононской дубраве, но, опасаясь, как бы его не заметили, скрылся в воду. Он лежал в заводи лицом вверх, а шейную колодку свою пустил плыть вниз по течению.
§ 82. Между тем упустивший его человек громко вопил: "Упустил. колодника!" На его крики со всех сторон стали собираться Тайчиудцы. Они тотчас же принялись обыскивать рощу Ононскую: светил месяц, и было светло, как днем. Сулдусский Сорган-Шира проходил как раз мимо того места, где Темучжин лежал в заводи. Он заметил его и говорит: "Вот это дело! За то, видно, ты и не мил своим братцам, что так хитер; что
Во взгляде - огонь,
А лицо - что заря.
Но не робей, так и лежи, а я не выдам!" и проехал дальше. Когда стали уговариваться о дальнейших поисках, Сорган-Шира посоветовал: "Давайте снова хорошенько обыщем каждый свой участок обратным путем". Все согласились и пошли каждый обратно тем же своим путем, снова тщательно его обыскивая. Вторично проезжая мимо него, говорит Сорган-Шира: "Лежи себе. Неподалеку тут твои братцы точат на тебя свои зубы и языки. Но не робей!", - и поехал дальше.
§ 83. И опять уговариваются они о новых поисках, и опять советует Сорган-Шира: "Сынки Тайчиудцы! (***У Б.Я. Владимирцова — "Сыновья Тайчиудские" (Общественный строй стр. 70)***) Среди белого дня вы потеряли целого человека, как же можем мы найти его темною ночью? Давайте напоследок хорошенько просмотрим, на обратном пути, каждый свою долю, да и по домам; а завтра утром опять сойдемся на поиски. Куда может уйти этот человек, с колодкой на шее?" Все согласились и пошли снова повторным поиском. Опять подъехал к нему Сорган-Шира и говорит: "Уговорились кончать поиски, утром будем искать. Теперь ты выжди, когда мы разойдемся, да и беги домой. Если же тебя кто увидит, смотри не проговорись, что я тебя видел". И с этими словами уехал.
§ 84. Выждав пока они разошлись, Темучжин пошел вниз по Онону разыскивать юрту Сорган-Ширая. Он размышлял так: "Еще позавчера, когда мне пришла очередь ночевать тут, ночую я в юрте Сорган-Ширая. Сыновья его Чимбай с Чилауном жалеют меня. Ночью, видя мои мученья, ослабляютколодку и дают возможность прилечь. А теперь вот и Сорган-Шира хоть и заметил меня, а проехал мимо. Не донес. Не спасут ли они меня также и в настоящем положении?"
§ 85. Юрта Сорган-Ширая была приметная: все время переливали молоко и всю ночь до самого рассвета пахтали кумыс. Примета - на слух. Идя поэтому на стук мутовки, он и добрался до юрты. Только он вошел, как Сорган-Шира говорит: "Разве я не велел тебе убираться восвояси? Чего ты пришел?" Тогда оба его сына, Чимбай и Чилаун стали говорить: "Когда хищник загонит малую пташку в чащу, то ведь и чаща сама ее спасает. Как же ты можешь говорить подобные слова человеку, который к нам пришел?" Не одобряя слов своего отца, они сняли с него колодку и сожгли ее на огне, а самого поместили в телегу, нагруженнуюовечьей шерстью и стоявшую за юртой. Они поручили его заботам своей младшей сестры, по имени Хадаан, строго наказав ей не проговориться об этом деле ни одной живой душе.

§ 86. На третий день, подозревая, что его скрывает кто-нибудь из своих же, стали всех обыскивать. У Сорган-Ширая обыскивали в юрте, в повозках и всюду вплоть до исподов сидений. Забрались потом и в телегу, загруженную овечьей шерстью, позади юрты. Разобрали шерсть сверху и стали уж добираться до дна, как Сорган-Шира говорит: "В такую-то жару как можно усидеть под шерстью?" Тогда люди, производившие обыск, слезли и ушли.
§ 87. Когда обыск окончился, Сорган-Шира говорит Темучжину: "Чуть было не развеял ты меня прахом. Ступай-ка теперь и разыскивай свою мать и братьев!" Он дал Темучжину беломордую рыжую яловую кобылу, сварил двухгодовалого барана, снабдил его бурдюком и бочонком, но не дал ни седла, ни огнива. Дал только лук да пару стрел. С таким снаряжением он его отпустил.
§ 88. Так выступивши, Темучжин добрался до тех мест, где они скрывались в устроенных заграждениях. Следом, по примятой траве, пошел дальше вверх по течению реки Онона. След привел к речке Кимурха, впадающей в Онон с запада. Идя далее тем же следом, он нашел своих в урочище Хорчухуй-болдак, у Кимурхинского мыса Бедер.
§ 89. Соединившись там, они тронулись дальше и расположились кочевьем в Хара-чжируханском Коконуре, у речки Сангур, в глубине урочища Гуледьгу, по южному склону Бурхан-халдуна. Там промышляли ловлей тарбаганов и горной крысы-кучугур, чем и кормились.
§ 90. Однажды явились грабители и, на глазах у всех, угнали восемь соловых меринов, находившихся недалеко от юрты. И видели, да ничего не могли поделать: на куцом бегунце савраске Бельгутай уехал на охоту за тарбаганами. После заката солнца приходит Бельгутай, шажком ведя за собой куцего бегунца савраску, с навьюченными на нем тарбаганами. Когда ему рассказали об угоне соловых меринов, Бельгутай говорит: "Я еду в погоню". А Хасар говорит: "Ты не справишься, в погоню отправлюсь я". - "Вам не справиться, - говорит Темучжин, -Погонюсь-ка я". И с этими словами Темучжин сел на саврасого бегунца и поехал по следу, оставленному на траве соловыми меринами. Трижды он ночевал в пути и вот рано утром встречает на следу, в шалаше при табуне, какого-то молодца, который в это время доил кобылу. На вопросы о соловых меринах парень отвечал: "Сегодня, рано утром, перед восходом солнца, тут действительно прогоняли восемь соловых меринов. След я отведу" (***Специальный термин "отводить след", см. примечание в томе II***). И с этими словами он пустил в табун куцого савраску, а Темучжина посадил на бело-спинного вороного, Орох-шинхула. Сам же сел на буланого бегунца, Хурдун-хуби. Не заехав даже к себе домой, он бросил в степи свои подойники и бурдюки, кое-как их прикрыв, и говорит: "Друг, ты ведь сильно измаялся в пути, а у добрых молодцев горе-то общее. Поеду-ка я с тобой в товарищах. Мой отец прозывается Наху-Баяном. Я его единственный сын, зовусь Боорчу". И поехали они по следу. На четвертый день пути их, вечером, в ту пору, когда солнце начинает скрываться за горизонтом, они подъехали к куреню какого-то племени и тут увидели восьмерых соловых, которые паслись на краю этого большого куреня. Темучжин и говорит: "Ты, друг, постой здесь, пока я угоню вон тех соловых". - "Я, - отвечал Боорчу, - я ведь пошел с тобой в товарищах. Чего же это я буду стоять тут?" И они бросились вместе и угнали соловых меринов.
§ 91. Вслед за ними один за другим бросаются в погоню люди. Кто-то на белом коне, с укрюком в руке, уже настигает их в одиночку. "Товарищ, -говорит Боорчу, -давай мне лук и стрелы, я буду отстреливаться!" - "Нет, - отвечает Темучжин. -Недоставало, чтобы ты еще из-за меня и погиб. Я сам буду отстреливаться!" И он, обернувшись, начал пускать стрелы назад. Всадник на белом коне приостановился и стал своим укрюком подавать знаки. Тогда задние бросились было к нему вскачь. Но к этому времени солнце уже закатилось и стало темнеть. Застигнутые темнотою, задние приостановились, и отстали все.

§ 92. Ехали они напролет всю ту ночь, ехали потом напролет еще три дня и три ночи, пока наконец не доехали. "Друг,--говорит Темучжин. - Разве я без тебя вернул бы этих своих лошадей? Давай разочтемся. Сколько ты хотел бы?" Но Боорчу отвечал на это: "Ведь я почему поехал с тобой? Потому что видел, как страдает мой добрый товарищ; потому что хотел оказать услугу своему доброму товарищу. Разве я за барышом гнался? Ведь мой отец не зря зовется Наху-Баяном. И я не даром его единственный сын. Я ничего не возьму. Иначе моя услуга - что же это была бы за услуга? Ничего не возьму!"
§ 93. За этим разговором подъехали к юрте Наху-Баяна. А тот уже проливал слезы по своем пропавшем сыне Боорчу. Вдруг тот является Глядя на своего сына, то плачет он, то бранится. А Боорчу говорит: "В чем дело? С горем приехал добрый товарищ, я и съездил с ним в товарищах. А вот и вернулся". С этими словами он слетал в степь и привез припрятанные там бурдюки и подойники. Затем они как следует снарядили Темучжина в дорогу: зарезали на харчи ягненка-кургашку, дали полный бурдюк питья, и говорит тогда Наху-Баян: "Вы оба - молодые ребята. Любите же друг друга и никогда друг друга не покидайте!" Простившись с ними, Темучжин в три ночи и в три дня доехал домой, на речку Сангур. Тем временем и мать Оэлун и Хасар с прочими братьями горевали, не находя себе места. За то и обрадовались, увидав теперь Темучжина.
§ 94. Потом Темучжин, вместе с Бельгутаем поехал вниз по Келурену разыскивать Дэй-Сеченову Борте-учжину: он не видал ее с тех пор, как побывал у них еще девятилетним мальчиком. Дэй-Сечен, как и все Унгираты, по-прежнему оказался между урочищами Чекчер и Чихурху. Увидав Темучжина, Дэй-Сечен очень обрадовался и говорит: "Наконец-то вижу тебя. Я уж совсем было потерял надежду и загоревал, зная, как ненавидят тебя Тайчиудские братцы". Потом, обручив его с Борте-учжин, стал снаряжать проводы. Поехал провожать и сам, воротясь домой с Келуренских Урах-чжолнудов. А жена его, мать Борте-учжины, по имени Цотан, та, провожая свою дочь, доставила ее прямо в семью мужа, когда кочевали на речке Сангур, в глубине урочища Гурельгу.
§ 95. Когда пришло время провожать домой Цотан, то он послал Бельгутая позвать в товарищи и Боорчу. Выслушав Бельгутая, Боорчу даже отцу своему не сказался: сел на своего горбатого савраску, бросил через седло свой серый армяк и явился вместе в Бельгутаем. Вот какие услуги он оказал и вот как стал другом.
§ 96. В то время когда уезжали с речки Сангур и расположились кочевьем на Келурене у подмытого водоворотом яра Бурги-ерги, то Цотан подарила черного соболя доху, в качестве свадебного подношения ее - шидкуль, свекрови своей. Эту свою доху Темучжин, вместе с Хасаром и Бельгутаем, повез к Ван-хану, рассудив так: "Ведь когда-то Ван-хан Кереитский побратался, стал андой с батюшкой Есугай-ханом. А тот, кто доводится андой моему батюшке, он все равно что отец мне". И он поехал к Тульскому Темному Бору - Хара-тун, узнав, что Ван-хан находится там. Приехав к Ван-хану, Темучжин сказал: "Когда-то вы с родителем моим побратались, а стало быть, вместо отца мне; в таком рассуждении я и женился, поэтому л тебе привез свадебный подарок -- одежду". И с этими словами он поднес ему соболью доху. Растроганный Ван-хан дал такой ответ:
"За соболью доху отплачу,
Твой разбитый народ сколочу,
Соберу, ворочу!
За соболью доху отплачу,
Разбежавшийся люд ворочу,
Полным счетом вручу,
Пусть все станет по местам:
Здесь - почетный; челядь - там".
["В благодарность за черную соболью доху объединю твой разъединенный улус. В благодарность за соболью доху соберу твой рассеянный улус. Пусть лопатка пойдет к передней части (почетной), а почки - к задней части".]
§ 97. Когда, возвратись оттуда, находились у подмытых Яров, Бурги-эрги, приходит с Бурхан-халдуна старт; Урянхадаец, Чжарчиудай, с раздувальным мехом за плечами, и

приводит своего сынишку, по имени Чжелме. "Я когда-то поднес вам, -говорил Чжарчиудай, -поднес вам в Делиун-болдохе собольи пеленки по случаю рождения Темучжина. Тогда же я отдавал вам и вот этого сынка своего, Чжелме, но увел обратно, потому что сказали: маловат. Теперь же отдаю своего Чжелме вот для чего:
Вели ему коней седлать,
Вели ему дверь открывать".
§ 98. Однажды, во время кочевки у Бурги-эрги, в истоках реки Келурена, чуть свет, в ту пору, когда начинает только желтеть воздух, поднялась Хоахчин-эмген, служанка в юрте матери Оэлун, поднялась и говорит: "Поскорее вставай, мать. Слышен топот конский, земля дрожит. Уж не едут ли опять эти неотвязные Тайчиудцы? Тотчас вставай, мать!"
§ 99. Тотчас же встала и мать Оэлун, встала и велит поскорей разбудить ребят. Темучжин и другие ребята тоже не замедлили встать. Поймали лошадей и сели верхом: на одной лошади - Темучжин, на другой- Оэлун-эке, на третьей -Хасар, на четвертой -Хачиун, на пятой - Темуге-отчигин, на шестой -Бельгутай, на седьмой -Боорчу и на восьмой- Чжелме. Темулуну же мать Оэлун держала у себя на руках, у груди. Одну лошадь приспособили в качестве заводной, так что для Борте-учжины не оставалось лошади.
§ 100. Темучжин с братьями тронулись и еще до зари поднялись на Бурхан. Спасая Борте-учжину, Хоахчин-эмген усадила ее в крытый возок, запрягла рябую в почках корову и тронулась вверх по речке Тенгели. Еще темнел бор по северным склонам. Светало. Вдруг навстречу им скачут, озираясь кругом, ратные люди. Подъехали к старухе и спрашивают: "Ты кто такая?" -"Я темучжиновская!"-говорит старуха Хоахчин.-"Езжу в большую юрту стричь овец. А сейчас еду домой".- "А Темучжин-то дома? Далеко ль до его юрты?" - спрашивают те. - "Юрта-то его близко, - говорит Хоахчин, - а дома ли он, нет ли, - того не знаю: я выехала с заднего двора".
§ 101. Ратники тотчас ускакали. Тут старуха Хоахчин принялась хлестать, подгонять свою рябобокую корову, да от спешки-то ось тележная и сломалась. Оставшись со сломанной осью, давай они уговариваться пешком пробраться в лес. Как вдруг подлетают к ним вскачь те самые, что и давеча ратники, а с ними Бельгутаева мать, которую вдвоем с одним из них посадили за седло: ноги ее свисали без опоры в стременах. Подлетают: "А в телеге у тебя что?" -спрашивают. -"Везу овечью шерсть!"- отвечает старуха Хоахчин. Тогда военные начальники говорят: "Слезай-ка, ребята, да посмотри!" Ребята слезли и приоткрыли дверцу крытого возка: "Да тут сама госпожа!" - говорят они и выволокли ее. Они посадили ее на коня сундлатом, вдвоем с Хоахчин, и поднялись на Бурхан, идя по следу Темучжина, по примятой траве.
§ 102. По следам Темучжина трижды они обошли Бурхан-халдун, но -не могли его поймать. Метались туда и сюда, шли по его следу по таким болотам, по такой чаще, что сытому змею и не проползти. Однако изловить его все же не смогли. Оказывается, то были люди из трех Меркитских родов: Тохтоа из Удууд-Меркитского рода, Даир-Усун из Увас-Меркитского рода и Хаатай-Дармала из Хаат-Меркитского рода.За то, что когда-то у Чиледу была отнята Оэлун-эке, теперь они, в свою очередь, пришли отомстить. "Ну, теперь мы взяли пеню за Оэлун, забрали у них жен. Взяли-таки мы свое!"-сказали Меркиты и, спустившись с Бурхан-халдуна, тронулись по направлению к своим домам.
§ 103. Тогда Темучжин велел Бельгутаю, Боорчу и Чжелме трое суток следовать по пятам за тремя Меркитами, чтобы убедиться, действительно ли они возвращаются домой, или хотят устроить ловушку. Сам же, дав Меркитам подальше углубиться в степь, сошел с Бурхана и, ударяя себя в грудь, сказал:
"А все оттого, что у доброй Хохчин
Кротовые уши видать,
У матушки доброй Хохчин
Хорьковое зренье подстать.
* * *

На тяжко-подъемном коне,
Кляня свою тяжесть вдвойне,
Бродами изюбрей бредя,
Из ивы шалаш городя,
Взошел я на гору Бурхан.
* * *
Но жизнь моя -прах ей цена!
Бурханом изблевана, мне отдана,
Бурханом одним спасена.
* * *
С одним лишь, единым конем
Одну только жизнь возлюбя,
Бродами сохатых бредя,
Из прутьев шалаш возводя,
Взошел я на гору Халдун.
* * *
Но жизнь моя - капля она!
Халдуна щитом хранена,
Халдуном одним спасена.
* * *
Заутра хваления жертв,
По вся дни молитв он достоин
Во веки и в роды родов".
* * *
Сказал, и на солнце смотря,
С кропленьем молитву творя,
На шею он пояс, как четки, привесил,
А на руку шапку поддел,
И грудь широко распахнув,
Он трижды три крат до земли поклонился.
["Благодаря тому, что у матушки Хоахчин слух такой, будто она обращается в крота, а зрение такое, будто она обращается в хорька, я, в бегстве ища спасенья своему грузному телу, верхом на неуклюжем коне, бредя оленьими бродами, отдыхая (сооружая) в шалаше из ивовых ветвей, взобрался на (гору) Бурхан.
"На Бурхан-халдуне спас я (отсрочил) вместе с вами жизнь свою, подобную (жизни) вши (или: Бурхан-халдуном изблевана ...]
Жалея одну лишь (единственно) жизнь свою, на одном-единственном коне, бредя лосиными бродами, отдыхая (городя) в шалаше из ветвей, взобрался я на Халдун. Бурхан-халдуном защищена (как щитом) жизнь моя, подобная (жизни) ласточки. Великий ужас я испытал. Будем же каждое утро поклоняться (ползком взбираясь) ей и каждодневно возносить молитвы. Да разумеют потомки потомков моих!" И сказав так, он обернулся лицом к солнцу, как четки повязал на шею свой пояс, за тесьму повесил на руку шапку свою и, расстегнув (обнажив) свою грудь, девятикратно поклонился солнцу (в сторону солнца) и совершил (дал) кропленье и молитву.

III РАЗГРОМ МЕРКИТОВ. НАРЕЧЕНИЕ ТЕМУЧЖИНА ЧИНГИС-ХАНОМ.

§ 104. Вскоре после этого Темучжин, вместе с Хасаром и Бельгутаем, отправился в Темный Бор на реке Тууле, к Кереитскому Тоорил Ван-хану и сказал ему: "Внезапно напали на нас три Меркита и полонили жен и детей. Я пришел просить тебя, хан и отец, спасти моих жен и детей". - "Разве же я, - говорит Тоорил Ван-хан, - разве я в прошлом году не говорил тебе? Вот что сказал я тебе, помнишь, тогда, когда ты, в знак сыновней

любви, облачал меня в соболью доху и говорил, что отцовской поры побратим-анда -все равно что отец тебе. Вот что сказал я тогда:
За соболью доху отплачу:
Твой разбитый народ сколочу,
Соберу, ворочу.
За соболью доху отплачу:
Разбежавшийся люд ворочу,
Полным счетом вручу.
Пусть все станет по местам:
Здесь-почетный; челядь -там".
Не так ли я сказал? А теперь и сдержу свое слово.
За соболью доху отплачу,
Всех Меркитов мечу я предам,
А Учжину твою ворочу.
За соболью доху отплачу:
Супостатов предам я огню и мечу,
А царицу твою ворочу.
["За твою соболью доху я соберу для тебя твой рассеянный улус. За черную твою соболью доху я соединю для тебя разлученных людей твоих. Так я говорил и прибавил: пусть же почечная часть идет к заду, а лопаточная (почетная) - к переду. Теперь же, по этим словам своим, в благодарность за соболью доху, я истреблю для тебя всех Меркитов дотла и спасу для тебя твою Борте-учжин. За черную соболью доху, предав огню всех без исключения Меркитов, доставим мы тебе твою Борте, возвратим ее тебе..."]
Пошли ты известие Чжамухе. Младший брат Чжамуха находится сейчас в Хорхонах-чжубуре. Я с двумя тьмами выступлю отсюда и буду правым крылом, а Чжамуха со своими двумя тьмами пусть будет левым крылом. Место и время встречи назначает Чжамуха!"-Так он сказал.
§ 105. От Тоорил-хана Темучжин, Хасар и Бельгутай вернулись домой, и уже из дому Темучжин послал к Чжамухе Хасара и Бельгутая, наказав им: "Вот как скажите анде моему Чжамухе:
"Ложе мое - воздух пустой,
Мы ль не единого рода с тобой?
Как же мы кровную месть совершим?
В сердце зияет глубокая рана.
Нам ли с тобою родство не охрана?
Как же свою мы обиду отмстим?".
["Ложе мое обращено в пустой воздух. Принадлежа к одной большой семье (родства), разве мы чужие с тобой? Как выместим свою месть? Лоно (грудь) мое ущерблено. Будучи кровной родней, чужие ли мы (друг другу)? Как же воздадим воздаяние свое?"]
Не только это наказывал он передать своему анде Чжамухе, но также и собственные слова Кереитского Тоорил-хана: "Памятуя, что л в свое время был облагодетельствован отцом Есугай-ханом, я буду блюсти дружбу. Со своими двумя тьмами я выступаю правым крылом. Пошли переговорить с младшим братом Чжамухой, не поднимется ли он со своими двумя тьмами. Место же и время встречи пусть назначит сам брат Чжамуха".
Выслушав все это, Чжамуха сказал так: "Только услышал я про Темучжина,
Только услышал про друга-анду,
Что воздух пустой - его ложе,
Сердце мое заскорбело.
Только услышал про рану в груди,
Печень моя заболела.
Кровную месть мы свою совершим,
Меркит-Удуит и Увас истребим,
Милую сердцу Борте возвратим.
Правою местью своей отомстим:
Хаат-Меркитов огню предадим,

Ханшу спасем и домой возвратим.
Плещут чуть слышно попоны коней,
Гром барабанный на бой нас зовет
На Тохтоа, на зачинщика, в Бура-кеере.
Длиннотетивные луки волнуются рея.
На супостата, на Даир-усуна,-скорее.
Орхон с Селенгой где слилися, на остров Талхун.
Катится по ветру желтый бурьян. (***Перекати-поле - трава***)
Чуть что - в тайгу, Хаатай-Дармала.
Ныне в степи Харачжи должен быть.
Двинемся ж дружно кратчайшим путем,
Бурный Хилок напрямки перейдем!
Пусть себе знатные бороды гладят...
Наши тем часом плоты свои ладят.. (***Или иная трактовка:***
Пусть только чакан (камыш) будет высок -
Свяжем плоты, перейдем мы Хилок)
На Тохтоа, на зачинщика-труса,
Бурей внезапною грянем.
В прах обратим и высоких и знатных, (***Разом почетный заслон сокрушим***)
Жен и детей полоним.
Мы их святыни растопчем ногами, (***Разом священный заслон разобьем***)
Целым народом в полон уведем".
["Когда я услыхал, что ложе его обратилось в пустой воздух, сердце (внутри) у меня заболело. Когда узнал я, что лоно его ущербили, печень у меня заболела. Отмщая жесть свою и истребив Удуитских и Увасских Меркитов, освободим свою Учжин-Борте. -Воздавая свое возмездие, предадим огню всех Хаат-Меркитов и ханшу Борте свою возвратим-спасем. Теперь, когда у нас похлопывают чепраки (попоны), когда гремят у нас барабаны, задира и трус Тогтога находится, должно быть, в степи Буура. Теперь, когда у нас волнуются длиннотетивные луки, вояка Даир-Усун находится,. должно быть, на острове Талхун-арал, у слиянья Орхона и Селенги. Теперь, когда но ветру развевается желтый полынь (перекати-поле), поскорее поспешающий в лес, Хаатай-Дармала находится, должно быть, в степи Харачжи. Теперь, когда напрямик мы пойдем поперек реки Килхо-пусть в это время будут богаты и благополучны их бороды! - Мы, связав плоты, перейдем. У того беспечного Тогтогая, обрушившись на него прямо через дымовое отверстие, на самое почетное у него налетим и впрах сокрушим. Женщин и детей в полон всех заберем; самое святое у него ногами потопчем, весь народ до конца истребим".]

§ 106. Чжамуха продолжал: "Вот что еще прошу вас передать анде Темучжину и старшему брату Тоорил-хану: "А обо мне скажите, что я
Издали видное знамя свое окропил,
В громко рокочущий свой барабан я ударил,
Кожей обтянут он крепкой,
Кожей быка вороного.
И вороного коня-скакуна оседлал я,
Жесткий походный тулуп свой одел,
Поднял стальное копье высоко,
Дикого персика стрелы наладил.
В битву - скажите - готов я теперь.
В битву с Меркитом-Хаатай.
Издали видное знамя свое окропил,
В густо ревущий ударил я свой барабан,
Кожей коровьей обтянут он.
С черною гривой скакун мой оседлан.
Панцырь ремнями прошитый на мне,
Меч с рукоятью высоко я поднял,
Стрелы свои зарубные наладил.

К смертному бою готов я - скажите
К бою с Меркит-Удуитом.
["Я уже окропил издали видное знамя свое, я ударил уже в свой барабан, обтянутый кожей черного вола и" издающий рассыпчатый звук. Я оседлал своего вороного-скакуна, одел свой жесткий тулуп, поднял свое стальное копье. Приладил я свои дикого персика стрелы, и готов я выступить в поход на Хаатай-Меркитов-сразиться. Так скажите. Издали видное длиннодревковое знамя свое окропил я, ударил я в свой густоголосый барабан, обтянутый воловьей кожей. Черноспинного скакуна своего оседлал я, прошитый ремнями свой панцырь одел. С рукоятью "меч свой я поднял, приладил я свои стрелы с зарубинами и готов смертным боем биться с Удуит-Меркитами. Так передайте..."]
Пусть Тоорил-хан, мой старший брат, следуя южным склоном Бурхан-халдуна, заедет к анде Темучжину. Местом нашего соединения пусть будет Ботоган-бооручжи, в истоках реки Онона. На пути отсюда, вверх по Онону, есть люди, принадлежащие к улусу анды. Из улуса анды составится одна тьма. Да одна тьма отсюда, всего будет две тьмы. Пойдем вверх по Онону и соединимся в условленном месте, на Ботоган-бооручжи".
§ 107. Когда, возвратясь домой, Хасар с Бельгутаем пересказали эти слова Чжамухи Темучжину, он послал уведомление Тоорил-хану. Тоорил-хан двинулся в поход. Темучжин в это время находился в урочище Бурги-эрги, но рассчитав, что он окажется как раз на пути его следования, так как, двигаясь южным склоном Бурхан-халдуна, неминуемо попадет к Бурги-эрги, Темучжин отошел в сторону с дороги (***Разминулся с ним***) и, пройдя вверх по течению речки Тунгелик, расположился по речке Тана, на южном склоне Бурхан-халдуна. Отсюда Темучжин начал поход, и в то время когда одна тьма Тоорил-хана да одна тьма его младшего брата Чжаха-Гамбу, всего две тьмы, стояли лагерем в Аил-хара-голе, на речке Кимурха, он присоединился к ним.
§ 108. Отсюда Темучжин, Тоорил-хан и Чжаха-Гамбу двинулись соединенными силами к истокам реки Онона, в Ботоган-бооручжи. Когда они прибыли туда, оказалось, что Чжамуха прибыл в условленное место тремя днями раньше. При виде этих войск Темучжина, Тоорила и Чжаха-Гамбу, он выстроил в боевой порядок свои две тьмы. Тогда Темучжин, Тоорил-хан и Чжаха-Гамбу так же выстроили и свои войска. Когда сблизились и распознали друг друга, Чжамуха стал говорить: "Разве не было у нас такого уговора, чтоб
И в бурю на свидание
И в дождь на собрание
Приходить без опоздания.
Разве отличается чем от клятвы монгольское "да"? И разве мы не уговаривались также, что за опоздание
Из строя вон,
Кто бы ни был он".
На эти слова Чжамухи ответил Тоорил-хан: "Волен нас судить и взыскивать с нас младший брат, Чжамуха, за то, что опоздали явкой на три дня!" Тем и покончили пререкания по поводу срока прибытия.
§ 109. Они выступили из Ботоган-бооручжи и достигли реки Килхо. На связанных плотах переправились через реку, и в степи Буура-кеере ударили на Тохтоа-беки.
Бурей внезапной нагрянули.
Разом заставу почетную сбили,
Жен и детей у него полонили.
Разом святую заставу смели, -
Для Тохтоа будет много ли, мало ли-
Целый народ мы в полон уведи.
[Вторгнувшись через дымник (как снег на голову) и сокрушив главные ворота (запоры, заставы), жен и детей до последнего полонили. Священные врата (запоры, заставы) у него прочь мы снесли, весь улус его дочиста (досуха) полонили.]
Оказалось, что Тохтоа-беки мог быть захвачен во время сна, но его успели предупредить о приближении неприятеля. Предупредили же его, проскакав всю ночь напролет, находившиеся на работе его люди, которые занимались кто рыбной ловлей в реке Килхо,

кто ловлей соболей или звериной охотой. Будучи, таким образом, предупрежден, Тохтоа, вместе с Увас-Меркитским Даир-Усуном и небольшим числом людей, поспешно бежал вниз по реке Селенге в страну Баргучжинскую.

§ 110. Тою же ночью и весь Меркитский улус в панике бросился бежать вниз по течению реки Селенги, а наши войска ночью же гнали, губили и забирали в плен беглецов. Темучжин же, забегая навстречу бежавшим, все время громко окликал: "Борте, Борте!" А Борте как раз и оказалась среди этих беглецов. Прислушавшись, она узнала голос Темучжина, соскочила с возка и подбегает. Обе женщины, Борте и няня Хоахчин, сразу ухватились за знакомые оброть и поводья Темучжинова коня. Было месячно. Взглянул он на Борте-учжину-и узнал. Обняли они друг друга (***Другое чтение: "Обняли они и озарили друг друга"***). В ту же ночь Темучжин' послал сказать Тоорил-хану и анде Чжамухе: "Я нашел, что искал. Прекратим же ночное преследование и остановимся здесь". А относительно Меркитских беглецов надобно добавить, что и заночевали они на тех же местах, где ночь застигла их беспорядочное бегство. Вот как произошла встреча. Темучжина с Борте-учжин и освобождение ее из Меркитского плена.

§ 111. Как перед тем было рассказано, Меркитский Тохтоа, Увас-Меркитский Даир-Усун и Хаатайский Дармала, эти трое Меркитских вождей, с тремястами людей совершили поход с целью отомстить за то, что некогда Есугай-Баатур отбил Оэлун-эке у Еке-Чиледу, который доводился младшим братом Тохтоа-беки. Тогда они трижды облагали гору Бурхан-халдун для поимки Темучжина и тогда же захватили в плен Борте-учжин. Ее они передали на волю младшего брата Чиледуя, по имени Чильгир-Боко. В его-то воле она все время и находилась. А теперь, спасаясь бегством; он говорил так:

"Черной бы вороне падаль и клевать,
Вздумалось же черной гуся пощипать.
Дурень я, Чильгир, дурнем уродился,
К благородной, к ханше зря я прицепился:
Весь Меркитский род ликом помрачился.
Дурень я, холоп, холопом родился,
Холопской башкою своей поплатился.
Лишь бы только жизнь мне как-нибудь спасти,
Убегу в ущелья - тесные пути.
Где же мне защиту иначе найти?
* * *
Птице-мышелову мышей бы трепать.
Вздумала ж поганая лебедя щипать.
Дурень мешковатый-таким я родился-
К пресветлейшей ханше зря я прилепился:
Весь Меркитский род лицом помрачился.
Дурень я, Чильгир никчемным родился,
Пустою башкою своей поплатился.
Жизнь моя не краше, чем овечий кал,
Но и ту бы надо как-нибудь спасти:
В темные ущелья! Иначе пропал!
Другое убежище где же мне найти?"

["Черной вороне положено кормиться дерном да корой, а она вздумала покушать гусей да журавлей. Грубый я мужик, Чильгир! Подцепил себе ханшу Учжин - навлек беду на все Меркитское племя. Простоволосый я мужик, Чильгир! Не поплатиться бы мне своею простоволосой головой. Только бы мне спасти свою жизнь: проберусь-ка в темные ущелья. Где же еще мне найти убежище?

"Поганой птице мышелову-хулду положено кормиться мышами да полевыми грызунами, а она вздумала покушать гусей да журавлей. Смердящий я, Чильгир! Прибрав к рукам священную Учжин, на всех Меркитов навлек я беду. Захудалый я (дрянь мужиченко), Чильгир. Придется, видно, мне поплатиться засохшей своей головой (засохнет). Спасая свою жизнь, такую (по цене, как) овечий помет, заберусь-ка я в зубчатые, мрачные ущелья. Где же еще мне найти убежище?"]

Так приговаривал он, озираясь и убегая во всю прыть.

§ 112. Хаатай-Дармалу поймали, надели ему шейную колодку и повезли к Бурхан-халдуну.

Из досок на шее колоду замкнули,
На гору Халдун молодца потянули.

[Колодки из досок на него надели, в Халдун-бурхан отправили.]

Бельгутаю указали аул, в котором находилась его мать, и он отправился за нею. Но она, в рваном овчинном тулупе ушла через левую половинку двери, в то время как сын входил через правую. Вышла на двор и, обращаясь к посторонним людям, говорит: "Мои сыновья поделались, говорят, ханами, а я тут маюсь около мужика. Как же мне теперь смотреть в глаза своим сыновьям?" И с этими словами она убежала и скрылась в тайге. Сколько ни искали ее, так и не нашли. Тогда Бельгутай возложил возвращение своей матери на ответственность именитых Меркитов, пригрозив костяною стрелою, а тех триста Меркитов, которые совершили внезапный налет на Бурхан, он предал полному истреблению со всей их родней. Оставшихся же после них жен и детей: миловидных и подходящих-забрали в наложницы, а годных стоять при дверях - поставили прислугой, дверниками.

Детей их и жен, после них что остались,
К утехе пригодных в подруги забрали;
Другим же - за дверью сидеть наказали
Затем, что к тому лишь пригодны казались.

[Оставшихся после них жен и детей: миловидных (подходящих для лона) забрали в наложницы (поместили на лоно), а годных только в привратницы поделали привратницами.]

§ 113. И сказал Темучжин благодарственное слово Тоорил-хану и Чжамухе:

"Хан Тоорил и анда Чжамуха дружбу свою доказали.
Небо с землею нам мощь умножали,
Тенгрий могучий призвал, (***Нарек***) а Земля -
Мать-Этуген-на груди пронесла.
Мужам Меркитским как должно воздав,
В руки свои их наследье прияв,
Лона их в воздух пустой обратя,
Печень и им глубоко ущербили;
Ложа и им в пустоту обратя,
Род мы их весь до конца разорили".

["При дружественной помощи моего хана-отца и Джамухи-анды, умножаемые в силе Небом и Землей, нареченные могучим Тенгрием и споспешествуемые (доставляемые Матерью Землей (Эке-Этуген), мы, мужам Меркитским в возмездие, в воздух обратили лоно их, ущербили печень у них; в воздух обратили и доже их, искоренили и родню их мы. А именье их мы сберегли себе".]

Затем, полагая, что довольно покарали Меркитский народ, они порешили возвращаться домой.

§ 114. Когда бежали Удуит-Меркиты, то наши ратники подобрали брошенного в их кочевье пятилетнего мальчика, по имени Кучу.' Он был в собольей шапочке, в сапогах из маральих лапок и в шубке, подобранной из беленых обрезков соболиных шкурок. Взгляд у него был, как огонь. Ратники увезли его и поднесли в подарок Оэлун-экэ.

§ 115. Соединенными силами Темучжин, Тоорил-хан и Чжамуха у Меркитов

Крутоверхие юрты разбили,
Знатных красавиц пленили

[Клином сшибли замки у юрт, красавиц для себя забрали знаменитых... (Иначе: снесли их крутоверхие юрты).]

и тронулись с острова Талхун-арала, что у слияния рек Орхона и Селенги. Тоорил-хан взял направление к Тульскому Черному Бору, по северным лесистым склонам Бурхан-халдуна, через урочище Хачаурату-субчит и Уляту-субчит, попутно совершая звериные облавы.

§ 116. Темучжин с Чжамухою сообща расположились на Хорхонах-чжубуре. Стали они вспоминать про свою старую дружбу-побратимство и уговорились еще сильнее углубить

свою взаимную любовь. В первый раз ведь они поклялись друг другу быть андами еще когда Темучжину было 11 лет. Чжамуха подарил тогда Темучжину альчик от козули, а Темучжин ему в знак дружбы-свинчатку, и они вместе играли в альчики на льду реки Онона. После этого, когда они весною стреляли из детских луков-алангир, Чжамуха подарил Темучжину свою свистун-стрелу-йори, сделанную из двух склеенных рогов бычка двухлетки, с просверленными дырочками, а Темучжин отдарил его детской стрелой-годоли с кипарисовым лобком, и они поклялись друг другу в верности, как анды. Так-то они побратались вторично.

§ 117. Они слышали от старших, что закон побратимства состоит в том, что анды, названные братья,-как одна душа: никогда не оставляя, спасают друг друга в смертельной опасности. Уговорившись теперь еще раз подтвердить свое побратимство, они обменялись подарками. Темучжин опоясал Чжамуху золотым поясом, захваченным у Меркитского Тохтоа, и посадил его на Тохтоаеву кобылу, по прозвищу Эсхель-халиун - (Выдра). А Чжамуха опоясал анду Темучжина золотым поясом, добытым у Меркитского Даир-Усуна, и посадил Темучжина на Даир-Усунова же коня Эберту-унгун (Рогатый жеребчик). Затем, на южном склоне Хулдахаркуна, что на урочище Хорхонах-чжубур, под развесистым деревом, они устроили пир по случаю побратимства. Плясали и веселились, а ночью по обычаю спади под одним одеялом.

§ 118. В полном мире и согласии прожил Темучжин с Чжамухой один год и половину другого. И уговорились они откочевать из того нутука" в котором жили, в один и тот же день. Тронулись они 16-го числа, в день полнолуния первого летнего месяца. Темучжин с Чжамухою вместе ехали впереди телег. И говорит Чжамуха: "Друг, друг Темучжин!
Иди в горы покочуем? Там
Будет нашим конюхам
Даровой приют!
Или станем у реки?
Тут овечьи пастухи
Вдоволь корм найдут!"
["Покочуем-ка возле гор-для табунщиков наших шалаш готов. Покочуем-ка возле реки-для овчаров наших в глотку (еда) готова!"]
Не понимая этих слов Чжамухи, Темучжин незаметно поотстал от него и стал поджидать телег, шедших в центре кочевого круга. Как только те подошли, он и говорит матери Оэлун: "Вот что мне сказал анда Чжамуха:
"В горы что ли покочуем? Там
Будет нашим конюхам
Даровой приют!
Или станем у реки?
Тут овечьи пастухи
Вдоволь корм найдут!"
Не понимая, что он хочет этим сказать, я ему ничего не ответил и себе, спрошу-ка у матушки?" Не успела еще Оэлун-эке слова молвить, как говорит Борте-учжин: "Не даром про анду Чжамуху говорят, что он человек, которому все скоро приедается! Ясно, что давешние слова Чжамухи намекают на нас. Теперь ему стало скучно с нами! Раз так, то нечего останавливаться. Давайте ехать поскорее, отделимся от него и будем ехать "ею ночь напролет! Так-то будет лучше".

§ 119. Одобрив совет Борте-учжины, ехали всю ночь без сна. По пути проезжали через Тайчиудские кочевья. Те перепугались и, в ту же ночь поднявшись, откочевали в сторону Чжамухи. В покинутых кочевьях Тайчиудцев и Бесудцев наши подобрали маленького мальчика, по имени Кокочу, п представили его матушке Оэлун, а та приняла его на воспитание.

§ 120. Проехали без сна всю ночь. Рассвело. Осмотрелись - и видим, что к нам подошли следующие племена: из Чжалаиров - три брата Тохурауны: Хачиун-Тохураун, Харахай-Тохураун и Харалдай-Тохураун. Тархудский Хадаан-Далдурхан с братьями, всего пять

Тархудов. Сын Мунгету-Кияна-Унгур со своими Чаншиутами и Баяудцами. Из племени Барулас - Хубилай-Худус с братьями. Из племени Манхуд - братья Чжетай и Дохолху-черби. Из племени Арулад выделился и пришел к своему брату, Боорчу, младший его брат, Огелен-черби. Из племени Урянхан выделился п пришел к своему брату, Чжельме, младший его брат, Чаурхан-Субеетай-Баатур. Из племени Бесуд пришли братья Дегай и Кучугур. Пришли также и принадлежавшие Тайчиудцам люди из племени Сульдус, а именно Чильгутай-Таки со своими братьями. Еще из Чжалаиров: Сеце-Домох и Архай-Хасар-Бала со своими сыновьями. Из племени Хонхотан - Сюйкету-черби. Из племени Сукеген - Сукегай-Чжаун, сын Чжегай-Хонгодора. Неудаец Цахаан-Ува. Из племени Олхонут-Кингиядай. Изплемени Горлос - Сечиур. Из племени Дорбен-Мочи-Бедуун. Из племени Икирес- Буту, который состоял здесь в зятьях. Из племени Ноякин - Чжунсо. Из племени Оронар-Харачар со своими сыновьями. Кроме того, прибыли одним куреней и Бааринцы: старец Хорчи-Усун и Коко-Цос со своими Менен-Бааринцами.

§ 121. Хорчи сказал: "Мы с Чжамухой происходим от жены, которую имел священный предок Бодончар. Стало быть, у нас, как говорится,

Чрево одно
И сорочка одна.

Мне никак не следовало бы отделяться от Чжамухи. Но было мне ясное откровение. Вот вижу светлорыжая корова. Всё ходит кругом Чжамухи. Рогами раскидала у него юрты на колесах. Хочет забодать и самого Чжамуху, да один рог у нее сломался. Роет и мечет она землю на него и мычит на него-мычит, говорит-приговаривает: "Отдай мой рог!" А вот вижу комолый рябой вол. Везет он главную юрту на колесах, идет позади Темучжин, идет по большому шляху, (***Проторенной дороге***) а бык ревет-ревет, приговаривает: "Небо с землей сговорились, нарекли Темучжина царем царства. Пусть, говорит, возьмет в управление царство! Вот какое откровение явлено глазам моим! Чем же ты, Темучжин, порадуешь меня за откровение, когда станешь государем народа?" - "Если в самом деле мне будет вверен этот народ,:-ответил Темучжин,-то поставлю тебя нойоном-темником!"- "Что за счастье стать нойоном-темником для меня, который теперь предрек тебе столь высокий сан! Мало поставить нойоном-темником, ты разреши мне по своей воле набирать первых красавиц в царстве да сделай меня мужем тридцати жен. А кроме того, преклоняй ухо к моим речам". Так он сказал.

§ 122. Пришли к Темучжину еще и следующие. Один курень Генигесцев - Хунан и прочие, одним же куренем - Даритай-отчигин, один курень Унчжин-Сахаитов. В ту пору, когда, отделившись и уйдя от Чжамухи, стояли в Аил-харагана, на речке Кимурха, отделились также от Чжамухи и пришли на соединение с нами еще и следующие: одним куренем-Сача-беки и Тайчу, сыновья Чжуркинского Соорхату-Чжурки; одним куренем-Хучар-беки, сын Некун-тайчжия; одним куренем-Алтан-отчигин, сын Хутала-хана. Оттуда передвинулись кочевьем в глубь Гурельгу и расположились близ Коко-наура, по речке Сангур и Хара-чжуркену.

§ 123. Посоветовались между собою Алтан, Хучар, Сача-беки и все прочие и сказали Темучжину: "Мы решили поставить тебя ханом. Когда же станет у нас ханом Темучжин, вот как будем мы поступать:

На врагов передовым отрядом мчаться,
Для тебя всегда стараться
Жен и дев прекрасных добывать,
Юрт, вещей вельмож высоких,
Дев и жен прекраснощеких,
Меринов статьями знаменитых брать
И тебе их тотчас доставлять.
* * *
От охоты на зверей в горах
Половину для тебя мы станем выделять.

Тех зверей, что водятся в степях,
Брюхо к брюху будем мы сдавать.
А в норах которые живут,
Те стегно к стегну тебе пойдут.
* * *
Кто твоей руки хоть мановенья
На войне ослушаться дерзнет,
Не давай и тени снисхожденья -
От детей и жен им отлученье!
Пусть, как смерд, как твой холоп,
От тебя опалы дальней ждет.
* * *
Кто из нас твой мир нарушит,
Хоть бы мир кругом царил, -
Значит, тем очаг не мил:
От дружины их, от смердов,
От семьи нещадно отрывай,
В земли чуждые далеко отсылай!"
* * *
["Когда же Темучжин станет ханом, то мы, передовым отрядом преследуя врагов, будем доставлять ему, пригонять ему прекрасных дев и жен, дворцы-палаты, холопов, прекрасноланитных жен и девиц, прекрасных статей меринов.
"При облавах на горного зверя будем выделять тебе половину, брюхо к брюху. Одиночного зверя тоже будем сдавать тебе брюхо к брюху (сполна), сдавать стянувши стегна.
В дни сечи, если мы в чем нарушим твой устав, отлучай нас от наших стойбищ, жен и женщин, черные (холопские) головы наши разбросай по земле, по полу.
В мирные дни, если нарушим твой мир-покой, отлучай нас от наших мужей-холопов, от жен и детей, бросай нас в безхозяйной (безбожной) земле!"]
Так они высказались, такую присягу приняли. Темучжина же нарекли Чингисхаганом и поставили ханом над собою.
§ 124. По воцарении Чингис-хана приняли обязанность носить колчан: Оголай-черби, младший брат Боорчу, и братья Чжетай и Дохолху-черби. Онгур же, Сюйкету-черби и Хадаан-Далдурхан были поставлены кравчими-бавурчинами, так как они говорили:
"Что утром пить-не заставим ждать,
Что в обед испить-не будем зевать!"
["Утреннего питья на заставим ждать, об обеденном питье не позабудем!"]
Дегай же сказал:
"Жирного барашка
Супу наварить
Утром не замедлю,
В ужин не забуду.
Не вместить в загоне -
Пестрого барана столько разведу.
Не вместить в хотоне -
Желтого барана столько распложу.
На еду не горд я!
Требухою сыт!"
["Поутру не упущу я сварить [супу из отборного барана, к ужину (с едой) не опоздаю. Так буду пасти пестрых овец, что все промежутки заполню, так буду пасти бело-желтых овец, что весь загон переполню. Я ведь плохой обжора (лакомка): на попасе овец буду кормиться и требухой!"]
Поэтому Дегаю он поручил заведывать овечьим хозяйством. Младший его брат Гучугур сказал:
"У коляски с замком
И чеке потеряться не дам я.

Я коляску искусной работы
На шляху проведу без изъяна".
["У замочной телеги-чеки ее не запропащу; телегу с осью на большой дороге (на шаяху) не растрясу".]
Ему и было поручено заведывать кочевыми колясками. Додай-черби получил в свое ведение всех домочадцев и слуг. Мечниками, под командой Хасара, были назначены Хубилай, Чилгутай и Харгай-Тохураун. И сказал им хан:
"Тем, кто на шею другому садится,
Шею наотмашь рубите!
Тем, кто не в меру кичлив,
Напрочь ключицу смахните!"
["Облегчайте шею тем, кто будет насильничать, рубите, ключицы тем, кто будет зазнаваться!"]
Бельгутею и Харалдай-Тохурауну было повелено:
"Вы меринов принимайте,
Актачинами ханскими будьте!"
["Пусть эти двое примут меринов, пусть будут конюшими-актачинами]
Тайчиудцев Хуту, Моричи и Мулхалху он назначил заведовать табуном. Архай-Хасару, Тахаю, Сукегаю и Чаурхану повелел: "Вы же будьте моими разведчиками, будьте моими
Дальними стрелами-хоорцах,
Ближними стрелами-одора!"
["Вы будьте дальними стрелами-хоорцах, да ближними-одора!"]
А Субеетай-Баатур сказал так:
"Для тебя обернуся я мышкой -
Буду в дом собирать-запасать.
Обернувшися черной вороной -
Все, что под руку, в дом загребать.
Обернуся я теплой попоной -
Буду тело твое согревать.
Обернусь я покровной кошмою -
Буду юрту твою покрывать".
["Обернувшись мышью, буду собирать-запасать вместе с тобою. Обернувшись черным вороном, буду вместе с тобою подчищать все, что снаружи. Обернувшись войлоком-нембе, попробую вместе с тобой укрываться им; обернувшись юртовым войлоком-герисге, попробую вместе с тобой им укрыться".]
§ 125. Взойдя на ханский престол, так сказал Чингис-хан, обращаясь со словом к этим двоим, к Боорчу и к Чжельме:
"Было ведь время, что кроме теней
Не имели иных мы друзей.
Тут-то вы тенью моею и стали!
Думам моим вы покой принесли,
Быть же вам в думах моих навсегда!
Было ведь время, что, кроме хвоста,
Не имел я другого хлыста.
Тут-то хвостом у меня вы и стали!
Сердцу вы дали тихий покой,
В сердце и быть вам всегда у меня!
["Да пребудете вы в сердце моем, ибо когда у меня не было иных друзей, кроме (собственной) тени, вы оба стали тенью моей и успокоили мою душу. Да пребудете вы на лоне моем, ибо когда у меня не было иной плети, кроме (конского) хвоста, хвостом моим стали вы и успокоили мое сердце".]
Вы пришли ко мне и пребывали со мной прежде всех. Не вам ли и подобает быть старшими над всеми здесь находящимися". И затем, обратясь ко всем, Чингис-хан продолжал: "Благоволением Неба и Земли, умножающих мою силу, вы отошли он анды Чжамухи, душою стремясь ко мне и вступая в мои дружины. И разве не положено судьбою быть вам старой счастливой дружиной моей? Потому я назначил каждого из вас на свое место!"

§ 126. К Кереитскому Тоорил-хану были отправлены послами Тахай и Сукегай, чтобы уведомить его об избрании Чингис-хана на ханский престол. И пришел от Тоорил-хана такой ответ: "Зело справедливо, что-посадили на ханство сына моего, Темучжина! Как можно монголам быть без хана?
Мир учредивши взаимный,
Никому не давайте нарушить!
Мира свой узел надежный
Никому не давайте распутать!
Так воротник своей шубы
Никому не дают оборвать".
["Не разрушайте же этого своего согласия, не развязывайте того узла единодушия;,. который вы завязали; не обрезайте своего собственного ворота".]

IV. БОРЬБА С ЧЖАМУХОЙ ТАЙЧИУДЦАМИ.

§ 127. С таким же сообщением к Чжамухе были посланы Архай-Хасар и Чаурхан. Чжамуха дал такой ответ: "Передайте от меня Алтану и Хучару: "Зачем вы, Алтай и Хучар, разлучили нас с андой, вмешиваясь в наши дела,
Одного в живот бодая,
А другого - под ребро.
И почему это вы не возводили в ханы моего друга-анду Темучжина в ту пору, когда мы были с ним неразлучны? И с каким умыслом поставили егона ханство теперь? Блюдите ж теперь, Алтан и Хучар, блюдите данное вами слово покрепче! Да получше служите другу моему, анде моему!".
§ 128. Вскоре после того вышло такое дело. Младший брат Чжамухи, Тайчар, находясь в Олегай-булахе, что по южному склону Чжалама, вздумал отогнать у нашего Чжочи-Дармалы табун с урочища Саари-кеере. Он отправился туда и действительно угнал у Чжочи-Дармалы табун. Ограбленный Чжочи-Дармала вынужден был отправиться в погоню один, так как его товарищи не осмеливались. Ночью же он догнал свой табун. Затем. припав к луке своего коня, он настиг Тайчара и наповал убил его, прострелив ему спину. Захватив свой табун, Чжочи-Дармала тою же ночью вернулся домой.
§ 129. Затем к Чингис-хану на урочище Гулелгу пришло такое известие от Мулке-Тотаха и Боролдая из племени Икирес: "За убийство своего младшего брата Тайчара Чжамуха решил воевать с Чингис-ханом. Чжадаранцы, во главе с Чжамухою, объединили вокруг себя тринадцать племен и составили три тьмы войска, которое переправляется через перевал Алаут-турхаут и собирается напасть на Чингис-хана". При получении этого известия с Чингис-ханом было тоже тринадцать куреней, и он так же составил три тьмы войска и пошел навстречу Чжамухе. Сражение произошло при Далан-балчжутах, причем Чжамуха опрокинул и потеснил-Чингис-хана, который укрылся в Цзереновом ущелье при Ононе. "Ну, мы крепко заперли его в Ононском Цзерене!"-сказал Чжамуха, и прежде, чем вернуться домой, он приказал сварить в семидесяти котлах княжичей из рода Чонос, (***Юношей царской крови из рода Чонос. Ср.: у ойратов кость Чонос и Чарос***) а Неудайскому Чахаан-Ува отрубил голову и уволок ее, привязав к конскому хвосту.
§ 130. Тогда Уруудский Чжурчедай и Мангудский Хуюлдар, выждав время, когда Чжамуха отступил оттуда, отстали от него и явились к Чингисхану во главе своих Уруудцев и Мангудцев. Тогда же отстал от Чжамухи и присоединился со своими семью сыновьями к Чингис-хану и Хонхотанский Мунлик-эциге, который в это время, оказывается, был с Чжамухой. На радостях, что к нему добровольно перешло столько народа, Чингисхан, вместе с Оэлун-учжин, Хасаром, Чжуркинскими Сача-беки и Тайчу и со всеми прочими, решил устроить пир в Ононской дубраве. На пиру первую чару наливали, по порядку, Чингис-хану, Оэлун-учжине, Хасару, Сача-беки с его родными. Затем кравчий стал наливать чару но очереди, начиная с молодой жены (***См.: П. Кафаров.***

Старинное сказание, стр. 65) Сача-беки по имени Эбегай. Тогда ханши Хорочжин-хатун и Хуурчин-хатун нанесли оскорбление действием кравчему Шикиуру со словами: "Как ты смел начинать не с нас, а с Эбегай?" Побитый кравчий громко заплакал, причитая: "Не потому ли меня, и бьют так вот, что не осталось в живых ни Есугай-Баатура, ни Некун-тайчжия?"

§ 131. От нас на этом пиру был распорядителем Бельгутай. Он находился при Чингис-хановых конях. А от Чжуркинцев был распорядителем празднества Бури-Боко. Какой-то Хадагидаец покушался украсть оброть с нашей коновязи. Вора задержали. Бури-Боко стал вступаться за этого своего человека, а Бельгутай, по привычке к борьбе, спустил правый рукав и обнажил плечо. Тут Бури-Боко и рубнул его мечом по голому плечу, А Бельгутай никак не ответил на этот удар и не обратил внимания на рану, хотя истекал кровью. Все это видел Чингис-хан из-под сени деревьев, где он сидел, пируя с гостями. Он выскакивает из-за стола, подходит к Бельгутаю и говорит: "Как мы можем допустить подобные поступки?"- "Пустяки! - говорит Бельгутай. - Сущие пустяки! Опасного ничего со мной нет, и я сохраняю хладнокровие и дружелюбие. Одного только и боюсь, как бы из-за меня не перессорились младшие и старшие братья, которые только что примирились и соединились. Братец, подожди-же, оставь, удержись!"-просил он.

§ 132. Сколько ни уговаривал его Бельгутай, Чингис-хан остался непреклонен. Обе стороны наломали дубин, похватали бурдюки и колотушки, и началась драка. Чжуркинцев одолели и захватили обеих ханш, Хоричжин-хатун и Хуурчин-хатун. После того Чжуркинцы просили нас о примирении, и мы, возвратив им обеих ханш, Хоричжин-хатун и Хуурчин-хатун, известили их о своем согласии помириться. Как раз в это время Алтан-хан Китадский, как о том стало известно, приказал Вангин-чинсяну немедленно выступить с войском против Мегучжин-Сеульту с его союзниками за то, что те не соблюдали мирных договоров. В виду этого Вангин-чинсян наступал вверх по Ульчже, гоня перед собою Мегучжин-Сеульту и прочих Татар, уходивших вместе со своим скотом и домашним скарбом. Осведомившись об этом,

§ 133. Чингис-хан сказал: "Татары - наши старые враги. Они губили наших дедов и отцов. Поэтому и нам следует принять участие в настоящем кровопролитии". И он послал Тоорил-хану следующее оповещение: "По имеющимся сведениям, Алтан-ханов Вангин-чинсян гонит перед собою, вверх по Ульчже, Мегучжина-Сеульту и прочих Татар. Давай присоединимся к нему и мы против Татар, этих убийц наших дедов и отцов. Поскорее приходи, хан и отец мой, Тоорил". На это известие, Тоорил-хан отвечал: "Твоя правда, сын мой. Соединимся!" На третий же день Тоорил-хан собрал войско и поспешно вышел навстречу Чингис-хану. Затем Чингис-хан с Тоорил-ханом послали извещение Чжуркинцам Сача-беки, Тайчу и всем Чжуркинцам: "Приглашаем вас ополчиться вместе с нами для истребления Татар, которые испокон века были убийцами наших дедов и отцов". И они прождали Чжуркинцев лишние шесть дней против того срока, в который тем следовало явиться. Более не имея возможности ждать, Чингис-хан с Тоорил-ханом соединенными силами двинулись вниз по Ульчже. В виду продвижения Чингис-хана и Тоорил-хана на соединение с Вангин-чинсяном, Мегучжин и прочие Татары укрепились в урочищах Хусуту-шитуен и Нарату-шитуен. Чингис-хан с Тоорил-ханом выбили Мегучжина с его Татарами из этих укреплений, причем Мегучжина-Сеулту тут же и убили. В этом деле Чингис-хан взял у Мегучжина серебряную зыбку и одеяло, расшитое перламутрами.

§ 134. Чингис-хан и Тоорил-хан послали известие о том, что Мегучжин-Сеульту ими убит. Узнав о смерти Мегучжин-Сеульту, Вангин-чинсян очень обрадовался и пожаловал Чингис-хану титул чаутхури, а Кереитскому Тоорилу - титул вана. Со времени этого пожалования он и стал именоваться Ван-ханом. Вангин-чинсян говорил при этом: "Вы оказали Алтан-хану величайшую услугу тем, что присоединились ко мне против Мегучжин-Сеульту и убили его. Об этой вашей услуге я доложу Алтан-хану, так как еяу одному принадлежит право дать Чингис-хану еще более высокий титул-титул чжао-тао".

После того Вангин-чинсян Отбыл, весьма довольный. А Чингис-хан с Ван-ханом, поделив между собою полоненных Татар, воротились домой, в свои кочевья.
§ 135. Когда наши воины громили и опустошали татарские стойбища в укреплении Нарату-шитуен, они нашли брошенного в стойбище маленького мальчика. На нем была надета подбитая соболем телогрейка штофной парчи, с золотыми кольцами на шнурах. Чингис-хан подарил его матери Оэлун, которая сказала: "Это, должно быть, ребенок благородных родителей, видно сразу, что он благородной крови!" И она взяла его к себе на воспитание в качестве младшего, шестого по счету, к пятерым детям своим. А назвала она его именем Шикнкан-Хутуху.
§ 136. Старики и дети Чингис-ханова куреня, так называемый Ауруха находились в ту пору при озере Харилту-наур. Так вот, из этих людей, оставленных в Аурухе, Чжуркинцы донага обобрали пятьдесят человек, а десятерых при этом еще и убили. Чингис-хану доложили о том, как Чжуркинцы поступили с нашими людьми, оставленными в Аурухе. Выслушав донесение, Чингис-хан пришел в великий гнев и сказал: (Мыслимо ли простить Чжуркинцам их дела? Ведь никто, как они же, на пиру в Ононской дубраве, избили кравчего Шикиура. Они же рассекли плечо Бельгутею. Потом мы, в виду их извинения, любомудре вернули им обеих ханш их, Хоричжин-хатун и Хуурчин. Когда же мы предложили им участвовать в походе на Татар, этих исконных врагов и убийц наших отцов и дедов, то они не явились, и мы напрасно прождали их шесть дней. Ныне же, на глазах у врагов, они сами стали нашими врагами". С этими словами Чингис-хан выступил в поход против Чжуркинцев и совершенно разгромил вх при КелуренскомДолон-болдаут. Сача-беки и Тайчу с небольшим числом людей бежали, но оба были пойманы посланной им вслед погоней при устье Телету. У схваченных Сача и Тайчу Чингис-хан спросил: "Помните, что вы говорили когда-то?"-"Если мы в чем не сдержали своего слова, то докажи!"-отвечали те. Тогда он напомнил им их речи и, уличив их, тут же с ними покончил.
§ 137. Когда он возвращался домой, покончив с Сача и Тайчу и гоня перед собою пленных Чжуркинцев, то среди них оказались сыновья Чжалаирского Тергету-Баяна: Гуун-Ува, Чилаун-Хайчи и Чжебке. Гуув-Ува представил тогда Чингис-хану двух своих сыновей, Мухали и Буха, и сказал так:
"У царских ступеней твоих
Рабами пусть будут они.
Шалить-непоседничать станут -
Ты ноги им в сгибе подрежь.
Побег-ли замыслят-беда! -
Им печени вырви тогда.
У врат твоих царских они
Рабами пусть будут навек".
["Да будут они рабами у порога твоего. Если отстанут от порога твоего, пусть перережут им подколенники. Пусть будут они собственными твоими рабами у порога твоего. Если нерадиво отлучатся от порога твоего, выброс ь их вон, вырвав печень".]
А Чилаун-Хайчи также представил Чингис-хану своих двух сыновей, Тунке и Хаши с такими словами:
"Золотой твой порог
Повели им стеречь.
Золотой твой порог
Коль покинут они,
Смертью лютой казни.
* * *
Им широкие врата твои
Повели открывать.
От широких от врат твоих

Если б к кому отошли, -
Сердце вырвать вели".
["Я отдаю их с тем, чтобы они были стражей у золотого порога твоего. Если отстанут от золотого порога твоего, выброс ь их вон, лишив жизни.
"Я отдаю их для того, чтоб они поднимали (открывали) для тебя твои широкие двери. Если самовольно уйдут от широких дверей твоих, выброс ь их, вырвав сердце (раздавив внутренности?)".]
Чжебкея же отдали Хасару. Представляясь Оэлун-эке, Чжебке подарил ей маленького мальчика, Бороула, которого он захватил в Чжуркинских стойбищах.
§ 138. Итак, Оэлун-экэ воспитывала в своем доме четверых ребят: 1) Кучу, подобранного в кочевьях у Меркитов; 2) Кокочу, взятого в кочевьях Бесудцев, находившихся у Тайчиудцев; 3) взятого из Татарских стойбищ мальчика, прозванного Шикикан-Хутуху, и 4) найденыша из Чжуркинских кочевий-Бороула. Воспитывала их она и говорила: "Кто же вам заменит ту, которая
Днем -
Недреманное око,
Ночью -
Вся внемлющий слух?"
["Кто же будет им оком смотрения - днем, ухом слышания - ночью?"]
И потому воспитывала их, как мать.
§ 139. Название же Чжуркинцы и образование рода-племени Чжуркин пошло вот как. Старшим из семерых сыновей Хабул-хана был Окин-Бархах. У него был сын Сорхату-Чжурки. Когда образовывалось особое Чжуркинское колено, то отец его, как старший сын Хабул-хана, отобрал из своего улуса и отдал ему вот каких людей:
Каждый из мужей искусен,
Силой-могучий борец.
Печень их желчью полна,
Пальцы далеко стрелой поражают,
Сердце их ярость съедает,
Гневом их дышат уста.
[Выбрал и отдал ему людей с печенью, полной желчи; мастеров владеть большим пальцем руки (искусных стрелков); яростных (с полными гнева легкими); отважных сердцем; с устами, исполненными гнева; во всех искусствах сведущих, силою могучих.]
Одним словом, это были все люди действительно неукротимые, мужественные и предприимчивые. Вот почему их и прозвали Чжуркинцами. Таких-то знаменитых людей сокрушил Чингис-хан и уничтожил самое имя и род их. Чжуркинцев и народ их Чингис-хан сделал своими наследственными рабами.
§ 140. Однажды Чингис-хан назначил борьбу Бури-Боко с Бельгутаем. Бури-Боко был между Чжуркинцами. Он обладал такою силой, что мог повалить Бельгутая, действуя только одною рукою и одной ногой. Был он борец на весь улус. И вот Бельгутаю ведено бороться с Бури-Боко. Бури-Боко, притворяясь, будто не в силах сладить с Бедьгутаем, упал. Бельгутай же, будучи не в силах его притиснуть к земле и держа его за плечи, взобрался на кожаную повязку на его крупе и дал условный знак Чингис-хану, а тот взглянул на него и прикусил нижнюю губу. Бельгутай понял. Он оседлал Бури-Боко, перехватил и зажал оба его ворота, изо всей силы рванул, упираясь коленями, и переломил ему позвонок. Уже с переломленной спиной, Бури-Боко успел сказать перед тем как испустил последний вздох: "Нет, не Бельгутай меня победил! Я боялся ханского гнева, я нарочно, в шутку упал, и вот поплатился за это жизнью". Переломив противнику позвонок, Бельгутай уволок его труп и выбросил. Из семи сыновей Хабул-хана старший был Окин-Бархах. Следующий за ним по старшинству-Бартан-Баатур, у которого сын-Есугай-Баатур. А следующим по старшинству был Хутухту-Мунлер. Его-то сыном и был Бури-Боко. Вборьбе он далеко превосходил сыновей Бартан-Баатура и был в содружестве с отважными сыновьями Бархаха. Так Бельгутай погубил улусного борца Бури-Боко, переломив ему позвонок.

§ 141. После того, в год Курицы (1201), в урочище Алхуй-будах, собрались (на сейм) следующие племена: Хадагинцы и Сальчжиуты совместно; Баху-Чороги Хадагйнский со своими; Хадагин-Сальчжиутский Чиргидай-Баатур со своими; договорившись с Дорбен-Татарами, Дорбенский Хачжиул-беки со своими; татарин Алчи и татарин Чжалик-Буха со своими; Икиресский Туге-Маха со своими; Унгиратский Дергек-Эмель-Алхуй со своими; Горлосский Чоёх-Чахаан со своими; из Наймана - Гучуут: Найманский Буирух-хан; Хуту, сын Меркитского Тохтоа-беки; Худуха-беки Ойратский; Таргутай-Кирилтух Тайчиудский, Ходун-Орчан, Аучу-Баатур, и прочие Тайчиудцы. Уговорившись возвести Чжачжирадайского Чжамуху вханы, они приняли присягу, рассекая при этом с разбега жеребца и кобылу. Оттуда все они покочевали вниз по течению реки Эргуне и совершили обряд возведения Чжамухи в Гур-ханы на вершине поросшей лесом горы при впадении в Эргуне реки Кан-мурен. По окончании обряда возведения в Гур-ханы они уговорились выступить в поход против Чингис-хана и Ван-хана. Чингис-хан находился в Гурельгу в то время, когда прибыл Горлосский Хоридай и сообщил ему об их уговоре воевать. Получив это известие, Чингис-хан передал его Ван-хану, а тот немедля поднял войско и прибыл к Чингис-хану.

§ 142. По прибытии Ван-хана решили соединенными силами итти навстречу Чжамухе и тронулись вниз по течению реки Келурена. В передовую разведку Чингис-хан отрядил Алтана, Хучара и Даритая, а Ван-хан - Сангума, Чжаха-Гамбу и Билге-беки. Эти разведчики выставили от себя постоянный караул, подальше вперед, на урочище Энегенгуйлету. Еще дальше - другой постоянный караул на Гекчере. И еще дальше, на урочище Чихурху, - третий постоянный караул. Как только ваши разведчики Алтан, Хучар, Сангум и прочие, дойдя до урочища Уткия, собрались было здесь расположиться, с караула на урочище Чихурху прибежал вестовой и сообщил о приближении неприятеля. Тогда наши решили не останавливаясь ехать навстречу, чтобы взять языка. Сблизившись, захватив языка и допросив его, узнали, что у Чжамухи передовой разведкой идут четверо: Монгольский Аучу-Баатур, Найманский Буирух-хан, сын Меркитского Тохтоа-беки, Хуту, и Ойратский Худуха-Секи. Пока наши разведчики перекликались с неприятельскими, наступил вечер, и наши, в ожидании завтрашнего боя, отступили на ночлег к главным силам.

§ 143. Утром наше войско двинулось и, сблизившись с неприятелем, вступило в бой при урочище Койтен. Теснили друг друга, поднимаясь в гору и спускаясь в долину. С боем перестраивались. Тут оказалось, что эти самые Буирух и Худуха могут волшебством вызывать ненастье. Принялись они за свое волшебство, но ненастье-то обернулось наоборот и разразилось над ними самими ливнем и ураганом. Стали они тут сами, спотыкаясь и скользя, валиться в пропасти. И рассыпались все кто куда, говоря: "Видно мы прогневали небеса".

§ 144. Найманский Буирух-хан отделился от Чжамухи и направился по южному Алтаю к Улух-таху. Хуту, сын Меркитского Тохтоа-беки, двинулся к Селенге, а Ойратский Худуху-беки поспешил к лесам в направлении Шисгиса. Тайчиудский Аучу-Баатур пошел вниз по реке Онону. А Чжамуха, разграбив его же возводивший в ханы народ, стал отступать вниз по течению Эргуне. При таком их разброде Ван-хан обратился к преследованию Чжамухи вниз по течению Эргуне, а Чингис-хан к Онону, на Аучу-Баатура. Тайчиудцы Аучу-Баатур и Ходун-Орчин, построив на другой стороне Онона своих отборных смельчаков, ждали готовые к бою. Подойдя к ним, Чингис-хан вступил в бой. Сражались с переменным успехом и с наступлением темноты заночевали на месте боя. Бежавший народ расположился на ночлег тут же в куренях, вместе со своими ратными людьми.

§ 145. В этом сражении Чингис-хан получил ранение в шейную артерию. (***Далее (§ 147) говорится о саврасом беломордом, который был в этой битве ранен Чжебеем в шейный позвонок. Очевидно, эпизод ранения Чингиса скрывают***) Кровь невозможно было остановить, и его трясла лихорадка. С заходом солнца расположились на ночлег на

виду у неприятеля, на месте боя. Чжельме все время отсасывал запекавшуюся кровь. С окровавленным ртом он сидел при больном, никому не доверяя сменить его. Набрав полон рот, он то глотал кровь, то отплевывал. Уж за полночь Чингис-хан пришел в себя и говорит: "Пить хочу, совсем пересохла кровь". Тогда Чжельме сбрасывает с себя все: и шапку и сапоги, и верхнюю одежду. Оставаясь в одних исподниках, он почти голый пускается бегом прямо в неприятельский стан, напротив. В напрасных поисках кумыса он взбирается на телеги Тайчиудцев, окружавших лагерь своими становьями. Убегая второпях, они бросили своих кобыл недоенными. Не найдя кумыса, он снял, однако, с какой-то телеги огромный рог кислого молока и притащил его. Само небо хранило его: никто не заметил ни того, как он уходил, ни того, как он вернулся. Принеся рог с кислым молоком, тот же Чжельме сам бежит за водой, приносит, разбавляет кислое молоко и дает испить хану. Трижды переводя дух, испил он и говорит: "Прозрело мое внутреннее око!" Между тем стало светло, и осмотревшись, Чингис-хан обратил внимание на грязную мокроту, которая получилась оттого, что Чжельме во все стороны отхаркивал отсосанную кровь. "Что это такое? Разве нельзя было ходить плевать подальше?" - сказал он. Тогда Чжельме говорит ему: "Тебя сильно знобило, и я боялся отходить от тебя, боялся, как бы тебе не стало хуже. Второпях всяко приходилось: глотать - так сглотнешь, плевать - так сплюнешь. От волнения изрядно попало мне и в брюхо". - "А зачем это ты, - продолжал Чингис-хан, - зачем это ты, голый, побежал к неприятелю, в то время как я лежал в таком состоянии? Будучи схвачен, разве ты не выдал бы, что я нахожусь в таком вот положении?)) - "Вот что я придумал, - говорит Чжельме. - Вот что я придумал, голый убегая к неприятелю. Если меня поймают, то я им (врагам) скажу: "Я задумал бежать к вам. Но те (наши) догадались, схватили меня и собирались убить. Они раздели меня и уже стали было стягивать последние штаны, как мне удалось бежать к вам. Так я сказал бы им. Я уверен, что они поверили бы мне, дали бы одежду и приняли к себе. Но разве я не вернулся бы к тебе на первой попавшейся верховой лошади? "Только так я смогу утолить жажду моего государя!" - подумал я. Подумал и во мгновенье ока решился". Тогда говорит ему Чингис-хан: "Что скажу я теперь? Некогда, когда нагрянувшие Меркиты трижды облагали Бурхан, ты в первый раз тогда спас мою жизнь. Теперь снова ты спас мою жизнь, отсасывая засыхавшую кровь, и снова, когда томили меня озноб и жажда, ты, пренебрегая опасностью для своей жизни, во мгновение ока проник в неприятельский стан и, утолив мою жажду, вернул меня к жизни. Пусть же пребудут в душе моей три эти твои заслуги!" Так он соизволил сказать.

§ 146. С наступлением дня оказалось, что противостоявшее нам войско разбежалось за ночь. А стоявший возле него народ не тронулся еще с места, не будучи, видимо, в состоянии поспеть за войском, бежавшим налегке. Чингис-хан выступил из места кочевки, чтобы задержать беглецов. В это время Чингис-хан заметил какую-то женщину в красном халате, которая стояла на перевале и громким голосом, со слезами, вопила: "Сюда, Темучжин!" Сам слыша ее вопли, Чингис-хан послал человека спросить, что это за женщина так голосит. Посланный отправился, и на его вопросы женщину эта сказала: "Я дочь Сорган-Ширая - Хадаан. Ратники схватили моего мужа и хотели убить. В такой опасности я громко звала Темучжина, чтобы он спас моего мужа". Когда посланный вернулся и передал ее слова Темучжин, тот поскакал к ней. Около Хадаан Чингис-хан слез с коня, и они обнялись. Оказалось же, что ее мужа наши ратники перед тем уже убили, Возвратив беженцев, Чингис-хан с главными силами расположился на ночлег в том же самом месте. Он пригласил к себе Хадаану и посадил ее рядом с собою. На следующее утро является Сорган-Шира и Чжебе, которые состояли крепостными у Тайчиудского Тодоге. Тогда, обратясь к Сорган-Шира, Чингис-хан говорит:

"С шеи моей
Тяжкое древо
Под ноги сбросили вы.
С ворота ж

Древо позорное
Прочь удалили.
Ваше добро -
Благость отцов иль детей.
Что же так поздно пришли?"
["Вы те, кто сбросил наземь шейное тяжкое древо (мое), кто удалил на вороте висевшее древо- джарбиял (колодку). Такой добрый поступок свойствен лишь отцам или детям. Но почему же так поздно пришли ко мне?"]
На это Сорган-Шира ответил: "Уж давно я втайне был предан тебе. Но как мне было спешить? Поторопись я перейти к тебе раньше, Тайчиудские нойоны непременно прахом пустили бы по ветру все, что осталось бы после меня: и семью и скот, и имущество мое. Вот почему я не мог торопиться. Да вот теперь-то я поторопился наверстать упущенное, и вот являюсь воссоединиться со своим ханом". Чингис-хан одобрил его речь.
§ 147. Потом Чингис-хан говорит: "Во время сражения при Койтене, когда мы, тесня друг друга, перестраивались, с горного кряжа летели в нас стрелы. Не знаете ли, кто это прострелил тогда шейный позвонок моему беломордому саврасому боевому коню? С горы-то". На эти слова так отвечал Чжебе: "Это я стрелял с горы! Если хан повелит казнить меня, то останется от меня только мокрое место в ладонь. Если же хан на то соизволит, то вот как послужу ему:
Трясины и топи пройду,
С налету бел-камень пробью,
Мне молвишь: громи, на врага!
Синь-камень я в прах сокрушу.
Назад-ли прикажешь подать,
Я черный кремень разнесу".
["Перескочу тинистые воды, с налету разобью бел-камень. По приказу "вперед" - синь-камень сокрушу. По приказу "отбой" - черный камень в прах разнесу".]
Тогда Чингис-хан сказал: "Подлинный враг всегда таит про себя свое душегубство и свою враждебность. Он придерживает свой язык. Что же сказать об этом вот? Он не только не запирается в своем душегубстве и вражде своей, но еще и сам себя выдает головой. Он достоин быть товарищем. Прозывался он Чжиргоадай, а мы прозовем его Чжебе за то, что он прострелил моего Чжебельгу, моего саврасого, беломордого. Ну, Чжебе, мы еще повоюем пиками-чжебе! Называйся ты теперь Чжебе и будь при мне!" Вот как перешел к нам от Тайчиудцев Чжебе и вступил в Чингис-ханову дружину.

V. РАЗГРОМ ТАТАР. РАЗРЫВ С ВАН-ХАНОМ.

§ 148. Чингис-хан покарал Тайчиудцев: перебил и пеплом развеял он Аучу-Баатура, Ходан-Орчана, Худуудара и прочих именитых Тайчиудцев вплоть даже до детей и внуков их, а весь их улус пригнал к себе и зазимовал на урочище Хубаха,
§ 149. Ничугут-Бааринец Ширгуету-эбуген, со своими сыновьями Алахом и Нала, поймали Тайчиудского нойона Таргутай-Кирилтуха, который не мог ездить верхом и, по их мнению, собирался скрыться в лесах, чтобы спастись от возмездия; поймали они Таргутая Толстого и посадили в телегу. Когда же Ширгуету-эбуген со своими сыновьями Алахом и Яаяа повезли Таргутай-Кирилтуха, то их стали нагонять дети и младшие братья Таргутай-Кирилтуха, с намерением его отбить. Вот настигают они, а Таргутай Толстый, не сумевши соскочить, растянулся на телеге ничком. Тогда Ширгуету-эбуген вскочил на него сзади и, оседлав, выхватил нож и говорит: "Твои сыновья и братья- собираются отбить тебя. Мне все равно пропадать. Не убью тебя из страха поднять руку на своего природного хана, так меня убьют все же за поднятие руки на своего хана. А убью - так мне тоже смерть. А раз все равно умирать, так умру-ка лучше на подушке!" И с этими словами он, продолжая сидеть верхом на Толстом, приставил нож к его горлу, собравшись полоснуть. Тогда Таргутай-Кирилтух громким голосом закричал своим братьям и сыновьям: "Ширгуету зарежет меня? Для чего вы собираетесь отбивать мое мертвое,

бездыханное тело? Сейчас же поворачивайте назад! Ведь Темучжин не может, не должен меня убить! Когда он был малышом, я привозил его к себе, зная, что он остался сиротой, без отца, и что у него
Во взгляде - огонь, А лицо - как заря.
Привез я его к себе
К науке способен - я знал.
И вот пестовал, обучал.
Так учат у нас жеребят,
Двухлеток, коль стоят того.
Меня он сгубить не решится,
Хотя бы сгубить и хотел.
Ведь слышно, что в разум он входит,
И мыслию крепнет своей.
["Полагая, что он в состоянии выучиться, если его учить, я и учил-наставлял его, наподобие того, как обучают породистых жеребят. Убьет ли он меня? Нет, он не может, не должен убить меня: говорят, ныне он входит в разум и мысль его проясняется..."]
Нет, Темучжин не погубит меня. Поворачивайте, же детки и братцы, поворачивайте сейчас же назад, а то не убил бы меня Ширгуету!" Стали тогда они совещаться: "Ведь мы затем и поехали, что бы спасти жизнь отцу. Если же Ширгуету лишит его жизни, то к чему нам одно лишь его бездыханное тело? Не лучше ли поскорее повернуть назад/пока его еще не убили?" И они вернулись домой. Тогда подъезжают и сыновья Ширгуету-эбугена - Алах и Наяа, которые убежали было, настигаемые Тайчиуд-цами. Когда же они подъехали, все тронулись дальше своею дорогой. Доехали до Хутхулноутов. Тут Наяа и говорит: "Если мы приедем с этим захваченным нами Таргутаем-Толстым, то Чингис-хан присудит нас к смертной казни. "Они - скажет он - наложили руки на своего природного хана. Какое может быть доверие, скажет он, какое может быть доверие к холопам, которые наложили руки на своего природного государя? Такими же верными друзьями будут они и нам! Холопов же, нарушивших верность, холопов, наложивших руки на своего природного хана, только и следует, что укорачивать на голову!" - скажет он. И вы думаете он не снесет нам головы? Давайте-ка лучше поступим не так. Давайте отпустим отсюда Таргутая, поедем и скажем, что мы пришли с тем, чтобы отдать себя целиком на служение Чингис-хану. Что мы схватили было Таргутая и везли сюда, но видим, что не в силах погубить своего природного государя. И мы отпустили его. Как могли мы предать его на смерть? И вот мы, с полною верой в тебя, пришли отдать свои силы. Вот как давайте мы скажем!" Родные согласились с предложением Наяа, и с Хутхулноутов же отпустили Таргутай-Кирилтуха. Когда этот самый Ширгуету-эбуген прибыл со своими сыновьями к Чингис-хану и тот спросил его, зачем он прибыл. Ширгуету-эбуген говорит Чингис-хану: "Захватили мы и везли сюда Таргутай-Кирилтуха. Но, памятуя, что он нам природный государь, и не решаясь предать его на смерть и погубить, мы отпустили его и пришли отдать свои силы Чингис-хану". - "Правильно вы поступили, что не предали своего природного хана! - сказал Чингис-хан. - Ибо я должен бы был вас казнить, со всем родом вашим, как холопов, наложивших руки на своего природного хана, т. е. еслиб вы вздумали явиться ко мне после того, как наложили руки на Таргутая". И он принял с особою милостью Наяа.

§ 150. После того, когда Чингис-хан находился в урочище Терсут, к нему в сотоварищи прибыл Кереитский Чжаха-Гамбу. Общими силами они отразили нападение Меркитов. Тогда они привели в покорность Чингисхану Тумен-Тубеган, Дунхаит, а также и бывший в расселении Кереитский народ. Что же касается до Кереитского Ван-хана, то необходимо пояснить следующее. Прежде, во времена Есугай-хана, живя с ним во взаимном мире, Ван-хан побратался с Есугай-ханом, и они стали андами. И вот по какому случаю они сделались андами. Ван-хан убил младших братьев отца своего Хурчахус-Буируха. Из-за этого он вступил в борьбу со своим дядей Гур-ханом, который принудил его бежать и скрываться в ущелье Хараун-хабчал. Он выбрался оттуда с сотнею людей и явился к

Есугай-Баатуру. Есугай-Баатур, по его личной просьбе, сам выступил в поход и прогнал Гур-хана в Хашин, а отбитых людей и имущество его отдал Ван-хану. Это и было поводом для заключения ими договора о братстве.

§ 151. После этого Ван-ханов младший брат Эрке-Хара, под угрозой убийства со стороны Ван-хана, бежал и передался на сторону Найманского Инанча-хана. А когда тот послал против Ван-хана свое войско, Ван-хан ушел к Хара-Китадскому Гур-хану, пробравшись к нему через Гурбан-балахат (Троеградие). Оттуда, из-за неурядиц, он пошел через Уйгурские и Тангутские города, и в полном оскудении пришел к озеру Гусеур-наур, так как всю дорогу кормился тем, что кое-как держал у себя пять коз для подоя да точил на еду кровь верблюда. Чингис-хан же, в силу братского договора с Есугай-ханом, выслал к нему двух послов, Тахай-Баатура и Сукегай-Чжеуна, а потом и сам вышел к нему навстречу с истоков Келу-рена. Видя, что Ван-хан прибыл в полном изнеможении от голода, он произвел для него особую разверстку по улусу, ввел его в свой курень и содержал на свой счет. На эту зиму Чингис-хан расположился в урочище Хубахая, куда постепенно подкочевывал.

§ 152. Между тем Ван-хановы младшие братья и нойоны рассуждали так: "Этот наш хан и старший брат - негодный человек, бродяга, он поступает как человек со смердящею печенью. (***Злобен и злопамятен***) Погубил своих братьев. То переметывается к Харакитадам, то истязает свой народ. Что нам с ним делать теперь? Если же поминать прошлое, то вот он каков. В семилетнем возрасте его угнали в плен Меркиты, и там он, в кожухе из черно-рябого козленка, в Селенгинской пустыне Буури-кеере толок ведь просо в Меркитских ступах. Хурчахус-Буирух хан, отец его, разгромил, однако, Меркитов и спас из плена своего сына. Но вскоре же, когда ему минуло тринадцать лет, его опять увел в плен, вместе с его матерью, Татарский хан Ачжа, увел и заставил пасти своих верблюдов. Прихватив с собой Ачжа-ханова чабана, пастуха овец, он спасся оттуда бегством и вернулся домой. Потом опять должен был бежать из страха перед Найманцами. Бежал же он к Гур-хану Хара-Китадскому, на реку Чуй, в Сартаульскую землю. Там он не усидел и года, как поднял смуту и ушел. Скитался он по Уйгурским и Тангутским землям, пришел в совершенное убожество и кормился только тем, что кое-как выдаивал досуха пять штук коз да вытачивал верблюжью кровь. Является он к сынку Темучжину, как нищий, на единственном своем чернохвостом буланом коне. Тот собрал для него оброк и содержит на свой счет. Но он и теперь позабудет о том, как к нему отнесся сынок Темучжин, и поступит обязательно так, как поступает человек со смердящей печенью. Что нам делать?" - совещались они. Обо всех этих разговорах взял да и доложил Ван-хану Алтун-Ашух. Он сказал также: "Я и сам был участником этих совещаний, но не решился на измену тебе, своему хану". По причине этого доноса Ван-хан тотчас взял под стражу участников этих разговоров Эльхутура, Хулбари, Арин-тайчжия и других младших своих братьев и нойонов. При этом оказалось, что из всех его младших братьев один только Чжаха-Гамбу успел бежать и передаться на сторону Найманцев. Ван-хан приказал привести к себе взятых под стражу, в кандалах, и говорит им: "А что мы говорили друг другу, когда шли по Тангутским землям? И что мне после этого думать о таких, как вы?" И с этими словами, наплевав им в лицо, приказал снять с них кандалы. Тогда, по примеру хана, поднялись и все находившиеся в юрте араты и стали плевать им в лицо.

§ 153. Перезимовали ту зиму, а на осень в год Собаки Чингис-хан положил воевать с Татарами: Чаaан-Татар, Алчи-Татар, Дутаут-Татар и Алухай-Татар. Прежде чем вступить в битву при урочшце Далан-нэмургес, Чингис-хан, с общего согласия, установил такое правило: "Если мы потесним неприятеля, не задерживаться у добычи. Ведь после окончательного разгрома неприятеля добыча эта от нас не уйдет. Сумеем, поди, поделиться. В случае же отступления (***Если (не) приятель вынудит к отступлению***) все мы обязаны немедленно возвращаться в строй и занимать свое прежнее место. Голову с плеч долой тому, кто не вернется в строй и не займет своего первоначального места!" В сражении при Далан-нэмургесе мы погнали Татар. Тесня их, мы вынудили Татар

соединиться в их улусе при урочище Улхуй-шилугельчжит и там полонили их. Мы истребили тут Татарских главарей поколений Чаган-Татар, Алчи-Татар, Дутаут-Татар и Алухай-Татар. В нарушение указа задержались, оказывается, у добычи трое: Алтан, Хучар и Даритай. За несоблюдение приказа у них отобрано, через посланных для этого Чжебе и Хубилая, отобрано все, что они успели захватить, как то: отогнанные в добычу табуны и всякие захваченные вещи.

§ 154. Покончив с казнями главарей и сбором пленных Татар, Чингисхан созвал в уединенной юрте Великий семейный совет, для решения вопроса о том, как поступить с полоненным Татарским народом. На совете поговорили и покончили с этим делом так:

Искони был Татарский народ
Палачом наших дедов-отцов.
Отомстим же мы кровью за кровь.
Всех мечом до конца истребим:
Примеряя к тележной оси,
Всех, кто выше, мечу предадим,
Остальных же рабами навек
Мы по всем сторонам раздарим.

[Татарское племя - это исконные губители дедов и отцов (наших). Истребим же их полностью, равняя ростом к тележной чеке, в отмщение и в воздаяние за дедов и отцов. Дотла истребим их, а остающихся (малых детей, ростом ниже тележной чеки) обратим в рабство и раздадим по разным местам.]

Когда, по окончании совета, выходили из юрты, татарин Еке-Церен спросил у Бельгутая: "На чем же порешил совет?" А Бельгутай говорит: "Решено всех вас предать мечу, равняя по концу тележной оси". Оказалось потом, что Еке-Церен оповестил об этих словах Бельгутая всех своих Татар, и те собрались в возведенном ими укреплении. При взятии этих укреплений наши войска понесли очень большие потери. Перед тем же как наши войска, с трудом взяв Татарские укрепления, приступили к уничтожению Татар, примеривая их по росту к концу тележной оси, - перед тем Татары уговорились между собою так: "Пусть каждый спрячет в рукаве нож. Умирать, так умрем по крайней мере на подушках (из вражеских тел)". Вследствие этого наши опять понесли очень много потерь. Тогда, по окончании расправы с Татарами, которых примерили-таки к тележной оси и перерезали, Чингис-хан распорядился так: "Вследствие того, что Бельгутей разгласил постановление Великого семейного совета, наши войска понесли очень большие потери. А потому в дальнейшем он лишается права участия в Великом совете. Вплоть до окончания заседаний совета он обязуется наблюдать за порядком близ места заседаний, а именно: улаживать ссоры и драки, разбирать дела о воровстве, обманах и т. п. Бельгутай с Даритаем имеют право доступа в совет лишь по окончании его заседаний, после того как выпита чара-оток".

§ 155. В ту именно пору Чингис-хан принял к себе Есуган-хатуну, дочь татарина Еке-Церена. Войдя у него в милость, Есуган-хатун говорила" ему: "Каган может почтить и меня своим попечением и сделать настоящей ханшей, если будет на то его каганская милость. (***Ханское величество, соизволяете возводить меня в (ханскую) особу для хана***) Но ведь более меня достойна быть ханшей моя старшая сестра, по имени Есуй. Она только что вышла замуж. Куда ей деваться теперь, при настоящей-то суматохе?" На эти слова Чингис-хан заметил: "Если уж твоя сестра еще краше, чем ты, то я велю ее сыскать. Но уступишь ли ты ей место, когда она явится?" - "С каганского дозволения, - отвечала Есуган-хатун - с каганского дозволения, я тотчас же уступлю сестре, как только ее увижу". Тогда Чингисхан отдал приказ о розыске, и ее, вместе с нареченным зятем, наши ратники перехватили при попытке скрыться в лесах и доставили. Есуган-хатун, увидав свою сестру, тотчас же встала и, как и сказала хану раньше, посадила ее на свое место, а сама села ниже. Она очень понравилась Чингисхану, так как была именно такой, как ее описала Есуган-хатун, и он принял к себе Есуй-хатуну и возвел ее в супружеский сан.

§ 156. Однажды, уже после окончания Татарской кампании, Чингисхан сидел на дворе за выпивкой. Тут же, по обе стороны, сидели ханши Есуй и Есуган. Вдруг Есуй-хатун

глубоко со стоном вздохнула. Чингисхан сообразил в чем дело и тотчас вызвал Боорчу и Мухали. "Расставьте-ка, - приказал он, - расставьте-ка по аймакам всех вот этих собравшихся здесь аратов. Людей, посторонних для своего аймака, выделяйте особо". Все стали по своим аймакам, а отдельно от аймаков остался стоять всего один человек. Это был молодой человек с волосами, заплетенными в косу, как у благородных людей. Когда этого человека спросили, кто он такой, он отвечал: "Я нареченный зять дочери Татарского Еке-Церена, по имени Есуй. Враги громили нас, и я в страхе бежал. Сейчас же ведь, как будто бы, успокоилось, и я - пришел. Я был уверен, что меня не опознают среди такой массы народа". Когда Чингис-хану доложили эти его слова, он сказал: "Что ему еще здесь шпионить, этому непримиримому врагу и бродяге? Ведь подобных ему мы уже примерили к тележной оси. Чего тут судить да рядить? Уберите его с глаз долой!" И ему не замедлили снести голову.

§ 157. Пока Чингис-хан был занят Татарским походом, Ван-хан ходил на Меркитов, причем прогнал Тохтоа-беки в сторону Баргучжин-токума, убил его старшего сыва Тогус-беки, захватил двух его дочерей и жен его, а двух его сыновей, Хуту и Чилауна, полонил вместе с народом их. Из этой добычи он не дал Чингис-хану ничего.

§ 158. Потом Чингис-хан с Ван-ханом вдвоем пошли на Гучугудун-Буируха Найманского. Не будучи в силах им противостоять, Буирух-хан двинулся через Алтай из местности Сохох-усун на Улух-тахе, где они его настигли. Отсюда они и начади его преследовать. Дали перевалить через Алтай и погнали вниз по течению Хумшигирской реки Урунгу. Здесь наши захватили его нойона, Едитубдуха, который шел в караульном охранении. Теснимый нашим караульным отрядом, он пытался было бежать в горы, но у коня его лопнула подпруга. Прогнав Буирух-хана вниз по Урунгу, настигли его у озера Кишилбаш-наур и тут прикончили его.

§ 159. Когда Чингис-хан с Ван-ханом тронулись в обратный путь, то оказалось, что Найманский храбрец Коксеу-Сабрах на урочище Байдарах-бельчир приготовил войско и готовится дать им бой. Решив принять бой, Чингис-хан с Ван-ханом построили войско и подошли к расположению противника, но так как уже наступил вечер, они условились переночевать в строю, чтобы утром вступить в бой. Тогда Ван-хан приказал зажечь на своей стоянке огни, а сам в ту же ночь, как это потом выяснилось, ушел вверх по Хара-сеулу.

§ 160. Тогда вместе с Ван-ханом двинулся и Чжамуха. По дороге он стал говорить Ван-хану: "Известное дело, что анда мой, Темучжин, издавна обменивается послами с Найманом. Вот почему он не подтянулся к нам теперь.

О хан, о добрейший мой хан!

Выходит, что верная чайка-то я.

Зато перелетная пташка - (***Жалующийся небесам жаворонок (кит.)***)

Мой друг, мой анда.

["Хан, хан! Я-то вот оказываюсь постоянно пребывающей чайкой, а мой анда - перелетной пташкой-жаворонком".]

Ясно, что он переметнулся к Найману. Вот и опоздал!" На эти слова Чжамухи возразил Убчихтаев Гурин-Баатур: "Зачем же ты из угодничества так бесчестишь и поносишь своих честных братьев?"

§ 161. А Чингис-хан переночевал ночь на том самом месте. Рано утром, готовый уже к бою, он увидел, что Ван-хана нет на его стоянке. Тогда Чингис-хан тоже двинулся оттуда, сказав только: "Оказывается, они-то задумали вовлечь нас в беду-пожарище". Он перешел через Эдер-Алтайский расстанок-бельчир и, все время двигаясь в этом направлении, остановился и расположился лагерем в Саари-кеере. Вскоре Чингис-хан с Хасаром узнали, каких хлопот наделали Найманцы, но никому об этом не говорили.

§ 162. Дело в том, что Коксеу-Сабрах пустился преследовать Ван-хана. Он захватил Сангумову семью вместе с народом и юртом их, а также угнал с собою и добрую половину тех Ван-хановых людей и скота, которые находились в падях Телегету. Пользуясь таким их несчастьем, сыновья Меркитского Тохтоа, Хуту и Чилаун, забрав

людей, отделились от Ван-хана и пошли вниз по течению Селенги на соединение со своим отцом.

§ 163. Разоренный Коксеу-Сабрахом, Ван-хан отправил г Чингисхану посла, сообщая: "Найманы полонили у меня жен и детей. Почему и посылаю просить у тебя, сына своего, твоих богатырей-кулюков. Да спасут они мой народ!" Тогда Чингис-хан снарядил войско и послал четырех своих богатырей-кудюков: Боорчу, Мухали, Борохуда и Чилауна. Но еще до прибытия этих четырех кулюков Сангум уже вступил в битву при Удаан-хуте. Под ним уже пала его лошадь с простреленной голенью, когда подоспели четыре кулюка и спасли его. Спасли они и народ Ван-ханов и Сангумов и семьи их. Тогда Ван-хар сказал: "Некогда его благородный родитель точно так же вот спас мне мой окончательно потерянный было народ. Теперь я снова принимаю дар от своего сына, который послал своих четырех богатырей-кулюков и спас мой утраченный было навсегда народ. Да помогут же мне Небо и Земля воздать ему долг моей благодарности!"

§ 164. И еще говорил Ван-хан: "Итак, один раз мой утраченный улус спас мне мой анда Есугай-Баатур, а в другой раз погибший улус спас мне сын Темучждн. Эти отец с сыном, собирая мне утраченный улус, для кого же трудились они собирать и отдавать? Ведь я уже стар. Я до того одряхлел, что пора мне восходить на вершины. Когда же я в преклонных летах взойду на горы, на скалы, кто же примет в управление весь мой улус? Младшие братья мои - негодные люди. Сыновей у меня все равно что нет: один-единственный Сангум. Сделать бы мне сына моего Темучжина старшим братом Сангума! Вот тогда бы и стало у меня два сына, и тогда - на покой". После этих речей Ван-хан сошелся с Чингис-ханом в Тульском Темном Бору, и они дали друг другу обеты отцовства и сыновства. Наподобие того, какие слова произносились некогда при обряде братания Ван-хана с отцом Есугай-ханом, так же и теперь обряд усыновления состоял в произнесении таких слов:

На врага ли поспешно ударить -
Как один, общей силой ударим.
Или дикого зверя облавить -
Как один общей лавой облавим.

[Ратуя с многочисленным врагом, будем ратовать вместе, как один. Ведя облаву на дикого зверя, будем вести облаву вместе, как один.]

Затем Чингис-хан и Ван-хан дали друг другу вот какое слово: Будем уповать только друг на друга, а потому

Змеи ль зубастые
Нам клеветою шипят, -
Мы клевете не поверим.
С другом увидимся,
Другу мы веру дадим.
Змеи ль клыкастые
Злобу внушают нам, -
Злобу отбросим мы,
Друга послушаем,
Другу лишь веру дадим.

[Когда будет терзать нас зубастая змея клеветы, не будем доверять клевете: будем верить только тогда, когда лицом к лицу объяснимся. Когда будет терзать вас кль:кастая змея злобы, не будем предаваться злобе: будем верить только тогда, когда в личной беседе удостоверимся.]

Произнеся эти обрядные речи, стали жить они во взаимном дружелюбии.

§ 165. Чингис-хан же задумал еще усугубить их взаимную приязнь. Для этого он решил попросить для Чжочи руки Сангумовой младшей сестры, Чаур-беки, и в свою очередь, выдать нашу Хочжин-беки за Тусаху, сына Сангума. С этим предложением он и обратился. Тут Сангум, вздумав повеличаться своею знатностью, сказал такие слова: "Ведь нашей-то родне придется, пожалуй, сидеть у вас около порога, да только невзначай поглядывать в передний угол. А ваша родня должна у нас сидеть в переднем углу да

глядеть в сторону порога". Эти слова говорил он с явным умыслом почваниться собой и унизить нас. Видимо, вовсе не соглашаясь на брак Чаур-беки, они не хотели связать себя словом. Во время этих переговоров Чингис-хан внутренне охладел и к Ван-хану и к Нилха-Сангуму.

§ 166. Об этом охлаждении Чингис-хана проведал Чжамуха, и вот, в год Свиньи (1202), отправились к Нилха-Сангуму на урочище Берке-эдет, что на лесистом склоне Чжечжеерских высот, отправились следующие. лица: Чжамуха, Адтан, Хучар, Харакидаец Эбугечжин-Ноякин, Сюйгеетай-Тоорил и Хачиун-беки. Тут Чжамуха первый повел хулительные речи. Он говорил: "Мой анда Темучжин явно и постоянно обменивается послами с Найманским Таян-ханом.

На словах Темучжин
Все отцом вас честит
На душе ж у него
Знать, иное лежит.

["С языка у него не сходят слова отец и сын, но в душе у него - совсем другое,. он таков только на словах.]

Ужели вы доверяете ему? Что с вами станется, если только вы не опередите его? Если же вы пойдете на анду Темучжина, то я присоединюсь к вам и ударю ему наперерез" (***Во фланг***).

Алтан же с Хучаром высказались так: "а мы для вас - Оэлуновых сынков:
Старших -
Перебьем,
Младших -
Изведем".

[А мы для вас убьем старших, прикончим младших сыновей Оэлен-эхэ".]

Эбугечжин-Ноякин Хартаат говорил: "Для тебя я ему
Руки руками заплету,
Ноги ногами пригнету".

Сказал тогда Тоорил: "Пойдем лучше и захватим у Темучжина его улус. Что ему делать, когда улус его будет отобран и останется он без улуса?" Так, оказываете, говорили эти люди. Наконец, Хачиун-беки говорил;

"Что бы ты ни задумал, сын мой, Нилха-Сангум, а я пойду с тобой
До края далекого,
До дна глубокого".

§ 167. Ван-хан же, известясь об этом, прислал такой неодобрительный ответ: "Зачем вы так судите-рядите о моем сыне, Темучжине? Ведь он доселе служит нам опорой, и не будет к нам благоволения Неба за подобные злые умыслы на сына моего. Чжамуха ведь - перелетный болтун. Правду да, небылицы ли плетет он- - не разобрать!" Тогда Сангум опять послал сказать ему: "Как можно не верить тому, о чемболтает уже теперь всякий, у кого только есть рот и язык?" В таком роде еще и еще посылал он к отцу, но все безуспешно. Тогда он самолично, без свидетелей, отправился к отцу и говорит ему: "Уже и теперь, когда ты таков, каков есть, нам ничего не позволяется. Когда же на самом деле ты, государь мой и родитель белому покропишь, черному запретишь", нам ли будет вверен улус твой - улус, с такими трудами собранный твоим родителем, Хурчахус-Буирух-ханом? Кому же и как будет передан улус?" На это Ван-хан ответил: "Как могу я покинуть своего сына, свое родное детище? Но ведь в нем доселе была опора наша, возможно ли злоумышлять на него? Ведь мы заслужим гнев небесный". Рассерженный этими его словами, сын его Нилха-Сангум, хлопнул дверьми и вышел вон. Тогда стало ему жаль Сангума, и Ван-хан велел его опять позвать и говорит: "Я ведь думаю только о том, как бы чего доброго не прогневить нам Неба, но сына-то своего, как же мне оставить своего сына? Это - ваше дело: делайте что только вам под силу!"

§ 168. Тогда Сангум говорит: "Они же ведь просят у нас руки Чаур-беки. Теперь и надобно послать им приглашение на сговорную пирушку, под этим предлогом заманить сюда в назначенный день да и схватить". На этом решении они и остановились и послали

извещение о своем согласии на брак Чаур-беки, вместе с приглашением на сговорный пир. Получив приглашение, Чингис-хан поехал к ним с десятком людей. На дороге остановились переночевать у отца Мунлика; отец Мунлик и говорит: "Сами же они только что нас унижали и отказывались выдавать Чаур-беки. Как же это могло случиться, что теперь, наоборот, они сами приглашают на сговорный пир? Как это может быть, чтобы люди, которые только что так чванились, теперь вдруг соглашались отдавать и сами еще и приглашали? Чистое ли тут дело? Вникнув в это дело, неужели ты, сын, поедешь? Давай-ка лучше пошлем извинение в таком роде, что, мол, кони отощали, надо подкормить коней". В виду этих советов, Чингис-хан сам не поехал, а послал присутствовать на угощении Бухатая и Киртая. Сам же из дому отца Мунлика повернул назад. Как только Бухатай и Киртай приехали, у Ван-хана решили: "Мы провалились! Давайте завтра же, рано утром, окружим и схватим его!"

§ 169. Пришел к себе домой Алтанов младший брат, Еке-Церен, и стад рассказывать о принятом, таким образом, решении окружить и схватить. "Решено, - говорил он, - решено завтра рано утром окружить его и схватить. Воображаю, чего бы только не дал Темучжин тому человеку, который отправился бы да передал ему эту весть?" Тогда жена его Алахчит, и говорит: "К чему ведет эта твоя вздорная болтовня? Ведь крепостные, чего доброго, примут твою болтовню за правду". Как раз при этом разговоре заходил в юрту подать молоко их табунщик Бадай, который, уходя, слышал эти слова. Бадай пошел сейчас же к своему товарищу, табунщику Кишлиху, и передал ему Цереновы слова. "Пойду-ка и я! - сказал тот. - Авось что-нибудь смекну!" И он пошел к господской юрте. На дворе у дверей сидел Церенов сын, Нарин-Кеень, и терпугом очищал свои стрелы. Сидит он и говорит: "О чем давеча шла у нас речь? Кому бы ото завязать болтливый язык?" После этого он обратился к Кишлиху: "Поймай-ка да приведи сюда обоих Меркитских коней: Беломордого и Бело-гнедого. Привяжите их, ночью чуть свет надо ехать". Кишлих пошел "тотчас и говорит Бадаю: "А ведь твоя правда, все подтвердилось. Теперь давай-ка мы поедем дать знать Темучжину!" Так они и уговорились. Поймали они, привели и привязали Меркитских Беломордого и Белогнедого, поздно вечером зарезали у себя в хеше ягненка-кургашку, сварили его на дровах из своей кровати, оседлали стоявших на привязи и готовых к езде Меркитских коней Беломордого и Белогнедого и ночью же уехали. Тою же ночью прибыли они к Чингис-хану. Стоя у задней стены юрты, (***По правилу***) Бадай с Кишлихом по-порядку рассказали ему все: и слова Еке-Церена и разговор его сына, Нарин-Кееня, за правкой стрел, и приказ его поймать и держать на привязи Меркитских меринов Беломордого и Белогнедого. Речь свою Бадай с Кишлихом кончили так: "С позволения Чингис-хана, тут нечего сомневаться и раздумывать: они порешили окружить и схватить!"

VI. КОНЕЦ КЕРЕИТСКОГО ЦАРСТВА

§ 170. Так он был предупрежден. Вполне доверяя Бадаю с Кишдихом, он в ту же ночь спешно поставил в известность самых надежных и близких людей своих, а сам в эту же ночь бежал, побросав все, что было при себе тяжелого. Направился он северным лесистым склоном Мау-ундурских гор. В Мау-ундурском бору он оставил позади себя заслон и расположил караул под начальством Урянхадайского Чжедьме-гоа, на которого полагался вполне, а сам двинулся далее. Идя все в том же направлении, на другой день, когда солнце склонялось уже за полдень, он доехал до Харахалчжив-элет, где и остановился отдохнуть и покормить лошадей. На стоянке табунщик при Алчидайских меринах, Чикитай-Ядир, выпасывая своих меринов, бродил с места на место в поисках лучших кормов. Он-то и заметил пыль неприятеля, который подходил следуя через урочище Улаан-бурхат. Убежденный, что это подходит неприятель, он тотчас пригнал своих меринов. Узнав от него о приближении неприятеля, стали всматриваться. (***Послали разведку***) Оказалось, что это за ними по пятам следует с погоней Ван-хан, стеля пыль по северному лесистому склону Мау-ундурских высот, через урочище Улаан-бурхат. Чингис-хан же, едва увидав

пыль, поймал своего мерина, завьючил и уехал. Еще немного - и было бы поздно. Подъехал, оказывается, Чжамуха, который успел присоединиться к Ван-хану. Тут Ван-хан спросил Чжамуху: "А кто у сынка Темучжина в состоянии принять с нами бой?" Чжамуха и говорит: "У него, говорят, Уруудцы с Манхудцами. Эти, пожалуй что, примут бой.

Окружить-забрать
Им одним подстать.
А подстилку слать -
В пору пометь звать.
Привыкать ли им?
С малых лет друзья
Для меча, копья.
Береженый сам,
Чорно-пестрый стяг
Их хранит в боях".

["Окружить кого - это им как раз подобает; подстилку стлать - помощь им подобает. Люди - с малых лет привычные к мечу да копью. Знамена у них - черно-пестрые. Этих, пожалуй, не взять врасплох: осторожны.]

"В таком случае, - говорит Ван-хан, - мы бросим против них Хадаги с его Чжиргинскими богатырями. В помощь (***В затылок***) Чжиргинцам бросим Тумен-Тубегенского Ачих-Шируна. В помощь Тубегенцам бросим Олан-Дун-хаитов. В помощь Дунхаитам пусть скачет Хоришилемун-тайчжи, во главе тысячи Ван-хановских гвардейцев-турхаудов. А в помощь тысяче турхаудов пойдем уж мы, Великий средний полк". Потом Ван-хан говорит: "Управляй ты, брат Чжамуха, нашим войском!" Чжамуха отъехал немного в сторону и, обращаясь к своим товарищам, говорит: "Ван-хан просит меня управлять этим своим войском. Я ведь не могу сражаться с андой, а он велит мне управлять этим войском. Как ни прыток был Ван-хан, а оказался-то позади меня. Значит, и друг-то он на час. Давай-ка я подам весть анде - пусть анда воспрянет духом!" И Чжамуха тайно послал Чингисхану такое уведомление: "Спрашивал меня Ван-хан, кто у сынка Темучжина в состоянии принять бой. А я ответил ему, что передовым отрядом "туму" пойдут Уруудцы и Манхудцы. В виду этого и они тоже порешили сделать передовым отрядом своих Чжиргинцев и пустить их впереди всех. За Чжиргинцами по уговору назначили Тумен-Тубегенского Ачих-Шируна. В помощь к Дунхайтам назначили Хорншилемун-тайчжия, начальника Ван-хановской тысячи турхаудов. В тылу же его будет стоять, согласно этому уговору, Ван-ханов Великий средний полк. Потом Ван-хан сказал мне: "Управляй этим войском ты, брат Чжамуха!" и таким образом возлагал управление на меня. Если в это дело вникнуть, то выходит, что друг-то он на час. Как можно вместе с ним править своим войском? Я и раньше не мог сражаться с андой. Но Ван-хан, пошел, видно, дальше меня. Не бойся же, анда, дерзай!"

§ 171. Получив это известие, Чингис-хан оказал: "Что скажешь ты, дядюшка Чжурчедай Уруудский, если тебя назначим передовым?" Не успел еще Чжурчедай и рта раскрыть, как Манхудский Хуилдар-Сечен говорит: "Я сражусь перед очами анды! Воля анды - позаботиться потом о моих сиротах!" - "Нет, - говорит Чжурчедай, - перед лицом Чингисхана будем сражаться мы оба: и Урууд и Манхуд!" И с этими словами Чжурчедай иХуилдар выстроили перед лицом Чингис-хана своих Уруудцев и Манхудцев. Не успели они выстроиться, как подошел неприятель, имея во главе Чжуркинцев. Подошел он, и Урууд с Манхудом ударили на него и смяли Чжуркинцев. Смяли и несутся вперед. Тут ударил на них Тумен-Тубегенский Ачих-Ширун. Ударил и сбил копьем Хуилдара Ачих-Ширун. Отступили Манхудцы и окружили Хуилдара. Чжурчедай же со своим Уруудом несется вперед и сбивает Тумен-Тубегенцев. Сбивает и, устремившись, далее, встречает встречный удар Олан-Дунхаита. Поразил Чжурчедай и Дунхаитов. Поразил и принимает встречный удар Хоришилемунова полка турхаудов. Потеснил Чжурчедай и Хоришилемун-тайчжия, потеснил, разбил - и вперед. Тут Сангум, не посоветовавшись даже с Ван-ханом, ударил, было, навстречу, но, пораженный в румяную щеку, тут же упал Сангум. Видя паденье Сангума, повернули назад все Кереиты и обступили Сангума. Мы

все продолжаем теснить, а солнце уже заходит за горные кряжи. Тогда наши повернули назад, взяли Хуилдара, упавшего страны Хуилдара, и отступили на прежние места. Когда наши отошли от Ван-хана, с места боя, Чингис-хан, продвинувшись несколько в темноте, заночевал на новых местах.

§ 172. Стали и расположились на ночлег. С наступлением дня стали считать своих. Оказалось, что нет Огодая, нет Борохула, нет Боорчу. "Вместе с Огодаем, - говорит Чингисхан, - вместе с Огодаем остались и верные Боорчу и Борохул. Почему же все они отстали: живы ли, иди погибли?" Наши провели ночь при своих конях, и Чингисхан, стоя в боевой готовности, сказал: "Если вздумают преследовать, примем бой". Вдруг, при полном свете дня, видим, подъезжает какой-то человек с тыла. Подъехал - и видим Боорчу. "О, Вечное Небо, твоя воля!" (***Да будет воля Вечного Неба***) воскликнул Чингисхан, подозвав Боорчу и обнажая грудь свою. Тут Боорчу стал рассказывать: "Во время боя подо мною был убит конь, и я бежал пеший. Как раз в это время Кереиты обступили Сангума. Тут в суматохе вижу вьючную лошадь, которая стоит с покосившимся своим вьюком. Я срезал у нее вьюк, вскочил на ее вьючное седло и выбрался. Долго я шел по следу нашего отходившего войска. Наконец-то нашел вот!"

§ 173. Прошло немного времени, как опять подъезжает какой-то человек; едет, а ноги у него навесу болтаются. Издали глядеть - будто один, а как подъехали близко, оказывается это - Борохул, а сзади него "сундлатом" (вдвоем) сидит и Огодай. Подъехали. У Борохула по углам рта струится кровь. Оказывается, Огодай ранен стрелою в шейный позвонок, а Борохул все время отсасывал у него запекавшуюся кровь, и оттого-то но углам его рта стекала спертая кровь. Как увидал все это Чингис-хан, заскорбел душой и слезы полились из глаз его. Он приказал тотчас же развести огонь, прижечь рану и напоить Огодая. Сам же стоял наготове на случай наступления врага. Тут Борохул и говорит ему: "А неприятельская-то пыль назад стелется. Далеко назад расстилается его пыль по южному склону Мау-удурских высот, в сторону Улаан-бурхатов, Он подался туда!" Когда Борохул дошел до этих слов, он все продолжал стоять наготове к бою. Потом он тронулся, говоря: "Раз неприятель бежит, мы нападем на него в обход!" Двинулись затем, пошли вверх по Улхуй-шилугельчжит и вступили в Далан-нэмургес.

§ 174. Но тут с тылу, от Ван-хана, в половину перешел к нам, т. е.без жены и детей, перешел на нашу сторону Хадаан-Далдурхан. Он сейчас же рассказал о Ван-хане вот что: "Когда Ван-ханов сын Сангум упал, пораженный стрелой в румяную щеку, и войско обступило его, Ван-хан и говорит:

Большого задиру
Много и дерут.
Зачинщику в драке
Первый кнут дают!
За то и сыночку
В румяную щечку
Вбили-таки гвоздь!

["Тем, кто чересчур занозист, - чересчур и попадает. Тем, кто занозист, - заноза и попала: вот и милому сынку моему в щеку занозу (гвоздь) загнали".]

Кинемся же выручать сынка!" Тут Ачих-Ширун и говорит ему: "Полно-те хан, государь мой!

Втайне о сыне - ты помнишь? - мечтал,
Жертвы-курения духам ты слал,
Слезно молитвы святые творил
Да неотступно ты "Авва" твердил.

["Все мы, втайне домогаясь сына, моления и жертвы приносим, "абай-бабай4 твердим, вознося усердные молитвы..."]

Будь же ты милостив к Сангуму. Ведь по молитвам твоим он родился на свет. При том же ведь с нами большинство Монголов, с Чжамухойу с Алтаном и Хучаром. А те, Темучжиновцы - в леса ведь загнали мы их; и потому вот каковы они теперь:

Вся их тяга - конь,
Вся защита - лес!
["Средством передвижения у них - конь; покровом-плащом - лес... "]
Покажись только они нам на глаза, так мы загребем их в полы халатову словно скотский помет. Мы им покажем!" После этих слов Ачих-Шируна Ван-хан молвил: "Ладно. Пусть будет так! Усердно ухаживайте за сыном да смотрите, чтобы его не растрясло!" Сказал и начал отступать с поля сражения.

§ 175. Между тем Чингис-хан, двинувшись с Далан-Нэмургеса вниз по течению Халхи, произвел подсчет войска. По подсчету оказалось всего 2600 человек. Тогда 1300 человек он отрядил по западному берегу Халхи, а 1300 человек Уруудцев и Манхудцев - по восточному берегу реки. По дороге продовольствовались облавами на дикого зверя. У Хуил-дара еще не зажила рана, и сколько Чингис-хан его не удерживал, он все продолжал скакать за зверем. Тут рана его снова открылась, и он скончался. Тогда Чингис-хан тут же и предал его прах погребению при реке Халхе на Орнаунском полугорье, в скалах.

§ 176. Зная, что в низовьях Халхи, в том месте, где она впадает в Буюр-наур, кочует племя Терге-Амельтен-Унгират, он отрядил к ним Чжурчедая с Уруудцами и дал такой наказ: "Если они помнят свою песнь:
Мы Унгиратское племя
С давних времен знамениты
Красою и статностью дев...
если помнят, то обойдемся с ними по-хорошему. Если же они выкажут непокорство, то будем биться!" Мирно вступил к ним Чжурчедай и мирно был принят. А потому Чингис-хан никого и ничего у них не тронул.

§ 177. После замирения Унгиратов Чингис-хан ушел и расположился стойбищем по восточному берегу речки Тунге. Здесь он стал готовить нижеследующие посольские речи для послов своих Архай-Хасара и Сукегай-Чжеуна: "Стою на восточном берегу речки Тунге. Травы здесь. - прекрасные. Кони наши блаженствуют. А хану, отцу моему, говорите так:
Что это ты, хан и отец мой, вздумал пугать нас во гневе своем? Если уж нужно было кого напугать, так что бы тебе не потревожить сладких снов у дурных ребят своих да у дурных невесток? С чего это ты так пугаешь, что под сиденьем скамьи оседают, а кверху идущий дым в стороны разлетается?
Под сиденьем скамейка разселася,
Кверху дым шел - по ветру развеялся.
Что с тобою, батюшка мой, хан?
Иль мутят тебя лукавые,
Иль расстроили неправые?
Иль мутят тебя неистовые,
Иль науськали завистливые?
Помнишь ли, о чем мы говорили с тобой, хан и отец мой?
Змеи ль зубастые
Нам клеветою шипят, -
Мы клевете не поверим,
С другом увидимся,
Другу мы веру дадим.
Разве не было такого уговора? А ныне, хан и отец мой, разве ты объяснился со мною лицом к лицу, прежде чем разойтись вот так?
Змеи ль клыкастые Злобу внушают нам, - Злобу отбросим мы, Друга послушаем, Другу лишь веру дадим.
Разве не было такого уговора? А теперь разве, хан и отец мой, разве ты переговорил со мною с глазу на глаз прежде, чем расходиться со мною? Хан и отец мой! Тебе ведь известен я:

Как ни мал я числом,
Многолюдных не стану молить.
Как я родом ни худ,
Благородных не буду просить.
["Хоть я и мал числом, а не занимать мне многолюдства. Хоть и низок я родом, а не занимать мне благородства ... "]
Когда у повозки о двух оглоблях сломается одна оглобля, - и волу ее не свезти. Не так ли и я был твоею второю оглоблей? Когда у двухколесной телеги сломается одно колесо, - нельзя на ней ехать. Не так ли и я был у тебя вторым колесом? Начнем с самого начала нашу повесть. После родителя твоего, хана Хурчахус-Буируха, ты, как старший из его сорока сыновей, стал [ханом, и утвердившись на ханстве, ты убил двух своих младших братьев, Тай-Темур-тайчжия и Буха-Темура. Опасаясь за жизнь свою от руки твоей, брат твой Эрхе-Хара бежал и поддался Найманскому Инанча-Билге-хану. Дядя твой Гур-хан ополчился на тебя за твое братоубийство и подошел к твоим пределам. Тогда ты, с сотнею своих людей, искал спасения в бегстве. Ты бросился убегать вниз по Селенге и схоронился в ущелье Хараун-хабчал. Затем, чтобы как-нибудь оттуда выбраться, ты подольстился к Меркитскому Тохтоа, отдав ему свою дочь Хучжаур-учжин. Когда же ты выбрался из Хараун-хабчала, ты явился к родителю моему, Есугай-хану, и говорил ему: "Спаси мой улус из рук дяди моего, Гур-хана". Приняв тебя и выслушав тебя, находившегося в таком бедственном положении, отец мой, Есугай-хан, снарядил войско и выступил во главе двух отрядов под командою Хунана и Бахарчжи, из Тайчиудцев. Я спасу для тебя твой улус! - сказал он. И, действительно, он спас твой улус и возвратил тебе, прогнав Гур-хана, всего с 20 - 30 его людьми, из Гурбан-телесутов, где он тогда находился, в страну Хашин. По возвращении из похода вы побратались с отцом моим, Есугай-ханом, в Тульском Темном Бору. И тогда, хан и отец мой, ты так выразил свои чувства признательности и почтения к отцу моему: да помогут мне Всевышнее Небо и Земля воздать благодеянием за твое благодеяние, воздать сынам твоим и сынам сынов их! Далее, Эрке-хара выпросил у Найманского Инанчи-Билге-хана войско, ополчился против тебя и подступил к твоим пределам. Ты же, спасая свою жизнь, покинул свой улус и бежал в Сартаульскую землю, на реку Чуй, к Хара-Китадскому Гурхану. Не усидев там и одного года, ты поднял вражду с Гурханом и, убежав от него, скитался по Уйгурским и Тангутским землям. В это время ты кормился тем, что до капли отдаивал пять коз да вытачивал из верблюда кровь. И вот ты опять явился к отцу на единственном кривом кауром. Узнав о столь бедственном прибытии твоем, хан и отец, я, ради прежнего братского соглашения твоего с отцом моим Есугай-Баатуром, выслал навстречу тебе Тахая и Сюкегая, а потом и сам вышел к тебе навстречу с Келуренского Бурги-эрги и свиделся с тобой на озере Гусеур-науре. В виду твоего бедственного положения, я произвел сбор с народа и вручил тебе. И разве в то время не состоялся у нас обряд усыновления, в Тульском Темном Бору, по примеру прежнего твоего братания с моим родителем? В ту зиму я включил тебя в свой курень и содержал на свой счет. Минули зима и лето, а осенью мы пошли на Меркитов, на Меркитского Тохтоа-беки. Битва произошла при Муруче-сеуле, у горного кряжа Хадыхлих. Мы прогнали Тохтоа-беки в страну Баргучжинскую и захватили у Меркитов все: и многочисленные табуны и княжеские юрты, и хлебные запасы. И все это я отдал своему отцу хану.
Не давал я тебе голодать
И до полудня.
Не давал я тебе бедовать.
И с полмесяца.
Потом мы с тобой загнали за Алтай из Улух-тахского Сохох-Усун загнали Гучугуртай-Буирух-хана. Преследуя его, мы спустились вниз. по реке Урунгу, и у озера Кичил-баши захватили и уничтожили его. На обратном пути, в Байдарик-бельчире, поджидал нас, с войском наготове, Найманский Коксеу-Сабрах. Из-за вечернего времени мы отложили сражение на утро и ночевали в строю. Но ты, мой хан и отец, велел зажечь огни на своей

стоянке и тою же ночью тронулся вверх но Хара-сеулу. Поутру, убедившись что на твоей стоянке никого нет и что ты, таким образом, покинул нас, я тоже ушел, промолвив лишь: "Они-то, оказывается, хотели вовлечь нас в беду!" Пройдя затем Эдер-Адтайским Бедьчиром, я расположился лагерем в Саари-кеере. Тебя же Коксеу-Сабрах стал преследовать. Он захватил Сангумову семью и весь его народ, да и у тебя, хан и отец, он полонил добрую половину людей и скота, которые находились в Телегетуйских падях. Забрал и ушел. При этом случае, находившиеся у тебя, с народом их, сыновья Меркитского Тохтоа - Худу и Чилаун - поднялись и ушли от тебя в страну Баргучжинскую на соединение со своим отцом. Тогда ты, отец и государь мой, прислал ко мне такую весть: "Найманский Коксеу-Собрах полонил мой народ. Сын мой, пришли мне на помощь своих четырех витязей-кулюков". Не мысля так, как ты, я тотчас же по твоей просьбе послал к тебе с войском четырех своих витязей-кулюков: Боорчу, Мухали, Борохула и Чилаун-Баатура. Еще до прибытия этих четырех витязей, Сангум завязал было бой в урочище Улан-хуте. Лошадь под ним была ранена в бедро, и его самого уже схватили, когда подоспели эти мои четыре витязя. Они отбили Сангума, отбили его семью и народ и все это вручили тебе. Тут, хан и отец мой, ты стал выражать свою глубокую признательность. Ты говорил: Вот я получаю в дар от сына своего Темучжина свой утраченный народ, который спасли присланные им его четыре витязя. За какую же вину мою прогневался ты на меня теперь, хан и отец мой? Пошли ко мне посла для объяснения твоего неудовольствия. Если пошлешь, то посылай Хулбари-Хури и Идургена. Если нельзя двоих" то посылай последнего".

§ 178. Выслушав эту речь, Ван-хан сказал: "О, погибнуть мне!
Сына ли только забыл я?
Правды закон я забыл.
Сына ли только отверг я?
Долг платежа я отверг.
Если теперь я увижу своего сына да умыслю против него худое, то пусть из меня вот так выточат кровь!" и с этими словами он, в знак клятвы, уколол свой мизинец зеркальным ножичком для сверления стрел и, выточив из ранки берестяной бурачок крови, попросил передать его своему сыну.

§ 179. Чжамухе же, анде своему, Чингис-хан наказывал сказать так: "Ты из ненависти разлучил меня с ханом и отцом моим. Бывало тому из нас, кто вставал раньше, полагалось пить из синей чаши хана и отца. Вставая раньше, я и получал право пить из нее. Вот ты и возненавидел меня с тех пор из зависти. Осушайте же теперь отцову ханскую синюю чашу! Не много отнимете у меня!" А Алтану с Хучаром он велел сказать: "Открыто ли вы хотите покинуть меня, или надумали покинуть коварно и лицемерно? Тебе, Хучар, как сыну Некун-тайчжия, мы предлагали быть ханом, но ты ведь сам отказался. И тебе, Алтан, мы предлагали: "Хутула-хан правил ведь всеми нами. Будь же и ты ханом, ведай всеми, как и отец твой!" - говорили мы. Но ты тоже отказался. Не мог же я повелеть и другим из более высоких по происхождению: "Будьте ханами вы, Сача и Тайчу, как сыновья Бартан-Баатура". Итак, не имея возможности возвести в ханы вас, я вами же был наречен ханом и вот правил вами. Но если бы ханами сели вы, то на всех врагов ваших я стремился бы в первых рядах, как алгинчи-передовой. И если бы, с божьей помощью, полонил врагов, то вот как я поступал бы:
Дев и жен прекраснощеких,
Меринов статей высоких
Вам послушный доставлял бы.
При охотничьих облавах
Зверя горного добычу
Я, стегно к стегну прижав,
Вам почтительно сдавал бы.
Зверя, что живет в берлогах,

Я, бедро к бедру прижав,
Вам бы полностью сдавал.
Зверя дикого степного,
Брюхо к брюху приложив,
Вам сдавал бы без изъяна.
* * *
Ныне ж хану и отцу
Верой правдой вам служить!
Вам, как будто, не к лицу
Нерадивыми прослыть.
Рот заткните болтовне,
Будто суть тут вся во мне.
А Трехречье, у истока,
Стерегите пуще ока".
["Я предоставлял бы вам прекрасноланитных дев и жен, прекрасных статей меринов. Когда бы вы посылали передовым в облаву на тенетного зверя, то я предоставлял бы вам горного зверя стегно к стегну; пещерного зверя - предоставлял бы ляжка в ляжку; степного зверя - доставлял бы, притиснув брюхо к брюху.
Ныне служите хорошенько отцу моему - хану. Поговаривают о вашей нерадивости. Не допускайте подобных толков: ведь вы родственники джаотхури (т. е. мои), | Никому не позволяйте стоять (располагаться кочевьем) у истоков Трех рек".]
Такие слова он приказал сказать им.
§ 180. Еще наказывал он передать младшему брату Тоорилу: "Причина прозвания "младший брат вот какова. Вернулись из похода некогда Тумбинай и Чарахай-Линху, вернулись с пленным рабом по имени Охда. У раба Охдая был сын - раб Субегай. Субегаев сын - Кокочу-Кир-саан. Кокочу-Кирсаанов сын - Егай-Хонтохор. Егай-Хонтохоров сын - ты, Тоорил. Чей же улус надеешься ты получить, что так угодничаешь? Ведь моего улуса Алтан с Хучаром, конечное дело, никому не дадут. Только потому ведь и зовут тебя младшим братом.
Только затем, что прапрадеду нашему
Предок твой был у порога рабом.
Только затем, что и прадеду нашему -
Стал по наследству рабом-вратарем.
Вот это я только и хотел сказать тебе".
§ 181. И еще наказывал он: "А вот что передайте вы другу Сангуму-анде:
Видно, в рубашке на свет я родился.
Ты ж голышом, как и все, появился.
Наш хан и родитель равно, заботился об нас обоих. Ты же, друг мой Сангум-анда, ревновал и гнал меня, лишь только я появлялся около отца. Теперь же ты обязан и утром и вечером, и входя и выходя от отца и хана вашего, должен ты веселить, а не терзать его сердце. Не мучь же и не расстраивай хана и родителя нашего, не отвращай лица его своими настойчивыми и неуклонными притязаниями стать ханом еще при жизни родителя!" А после этих слов присовокупите: "Когда ты, друг Сангум-анда, будешь снаряжать ко мне посольство, то шли двоих: Билге-беки и Тодоена. Итак, пусть шлют ко мне по двое от каждого: Родитель-хан, друг Сангум-анда, Чжамуха, Алтан, Хучар, Ачих-Ширун и Хачиун". Такие посольские речи возложил он на Архай-Хасара и Сукегай-Чжеуна. Когда же эти речи были выслушаны, Сангум сказал: "Когда это он имел в обычае говорить: хан-родитель? Не именовал ли он отца старым разбойником? А меня-то, когда он называл меня другом-андой? Не предрекал ли ты мне в будущем закручивать хвосты у туркестанских овец, Тохтоа-боо? Смысл этих его речей понятен, не требует пояснений. Дело идет о войне. (***Эти слова - начало (голова) войны***) Поднимайте же боевое знамя, Бильге-беки и Тодоен! Откармливайте коней - нечего судить-рядить". Тогда Архай-Хасар сейчас же стал собираться уезжать. А у Сукегай-Чжеуна семья, оказывается, находилась

здесь, у Тоорила. Не решаясь поэтому уехать, Сукегай-Чжеун отстал от Архая. Архай же приехал и сообщил Чингис-хану об этих речах.

§ 182. Тогда Чингис-хан тотчас же ушел с речки Тунге и расположился лагерем при озере Балчжуна. Во время здешней стоянки нам добровольно покорились Горлосцы, после того как Горлосский Цоос-Цаган вступил с нами в переговоры. Здесь же на водопое произошла встреча с Туркестанцем Асаном, который на белом верблюде гнал от Онгудского Алахуш-дагитхури тысячу кладеных баранов и попутно скупал соболей и белок у охотников вниз по течению реки Эргуне.

§ 183. На этой же стоянке при водопое подошел к Чингис-хану и Хасар. Он бросил у Ван-хана свою жену и троих сыновей - Егу, Есунке и Туху, и с несколькими товарищами ушел. В поисках своего старшего брата Чингис-хана он прошел наугад по его следам весь Хараун-чжидунский хребет, но не мог найти его. Далее шел он, питаясь с голоду сухими жилами, пока, наконец, не набрел на него у Балчжуна. На радостях, что с ним теперь Хасар, Чингис-хан предложил отправить к Ван-хану посла. И решили они послать Хариудара-Чжауредайца и Чахурхана-Урянхайца, которым поручили сказать хану-отцу, от имени Хасара, следующее:

"Брата родного я долго искал.
Видом, однако, его не видал.
Следом за ним неустанно следил,
След же его, надо думать, простыл.
Голосом громким к нему я взывал,
Но без ответа мой голос звучал.
Ночью, с рукой в изголовье, лежу,
В небо на звезды печально гляжу.
Если б у хана я милость снискал,
Он бы надежного мужа прислал,
К хану обратно помчался бы я:
Там ведь заждалась родная семья".

["Я потерял всякий след своего старшего брата, которого выглядывал-высматривал. Искал, но и следа (пути бега) его не мог сыскать. Взывал, но никто не внял моему голосу. Смотря на звезды, лежу я с рукою в изголовье вместо подушки. Жена и дети - у хана-отца. Если бы обрел (от хана) верного мужа, то отправился б к хану-отцу".]

Отправляя с этим поручением Хариудара и Чахурхана, разъяснили им вот что: "Сейчас же вслед за вами выступим и мы. Условным местом встречи будет урочище Аргал-гоуги на Келурене, куда вы и явитесь на обратном пути, по исполнении поручения". После того, пустив передовыми Чжурчедая и Архая, Чингис-хан выступил с войском вслед за ними и достиг урочища Аргал-гоуги на Келурене.

§ 184. Хариудар же с Чахурханом прибыли к Ван-хану и от имени Хасара передали ему то, что им было наказано. А Ван-хан в ту пору, оказывается, беспечно пировал, воздвигнув себе золотой терем. На речи Халиудара и Чахурхана он ответил: "Раз так, пусть себе Хасар приезжает!" И он приказал послать к нему, по общему согласию, верного человека, Итургена. Тотчас же их всех и отправили. Подъезжая к условленному месту, к урочищу Аргал-гоуги, Итурген сразу заметил там, как будто бы, большое скопление людей и круто поворотил назад, но у Хариудара была быстрая лошадь. Хариудар нагнал его, но, не решаясь схватить его, то забегал ему навстречу, то немного приотставал. Тут-то Чахурхан, у которого лошадь была не так хороша на бегу, выстрелом сзади осадил на круп Итургенову лошадь с золотым седлом. Тогда Хариудар с Чахур-ханом схватили Итургена и доставили к Чингис-хану. Но тот не пожелал с ним разговаривать, а только молвил: "Это - дело Хасара, отведите его к нему!" Отвели к Хасару, и тот, не проронив ни слова, тут же на месте изрубил его.

§ 185. Хариудар же и Чахурхан сказали Чингис-хану: "Ван-хан, в совершенной беспечности, пирует и веселится в золотом терему. Двигаясь без остановки день и ночь, мы можем накрыть его внезапным налетом". Одобрив это предложение, он послал с

передовым отрядом Чжаурчедая и Архая. Не делая даже ночных остановок, подошли и окружили Ван-хана в Чжер-кабчигайской пади Чжечжеерских высот. Три дня и три ночи шед бой. Наконец, окруженный со всех сторон, неприятель на третий день сдался. Недоумевали, каким образом Ван-хану с Сангумом ночью удалось спастись бегством. Оказалось, что это - дело рук известного храбреца, Чжиргинца Хадах-Баатура. Сдавшись, Хадах-Баатур явился к Чингисхану и сказал: "Мы бились три дня и три ночи. Увидав своего природного государя, я подумал: "Возможно ли схватить его и предать на смерть?" Нет! сказал я себе. Я не могу покинуть своего государя. Буду биться еще, чтобы дать ему возможность прорваться, налегке бежать и спасти свою жизнь. Теперь же, если повелишь умереть - умру, а помилуешь - послужу". Чингис-хану понравилась речь Хадах-Баатура, и он соизволил сказать в ответ следующее: "Разве не настоящий муж-воин тот, кто не мог покинуть своего природного государя, кто сражался для того, чтобы дать ему возможность налегке уйти и спасти свою жизнь? Это - человек, достойный дружбы". И не дозволил его казнить, но милостиво соизволил повелеть: "За жизнь Хуилдара пусть Хадах-Баатур и сто Чжиргинцев служат его семье. И сыновья их пусть служат детям и внукам Хуилдара. А дочерей своих родители, Чжиргинцы, не должны выдавать замуж по своей воле. Пусть они служат членам семьи Хуилдаровой, как предваряя, так и сопровождая их". И повелел при этом Чингис-хан, жалуя семью Хуилдара: "За то, что Хуилдар-Сечен раньше всех произнес слова преданности, повелеваю сиротам его, из поколения в поколение, потомственно пользоваться сиротским жалованьем-абулиха за службу Хуилдара".

VII. КЕРЕИТЫ И ИХ МОНГОЛЬСКИЕ СОЮЗНИКИ, ВО ГЛАВЕ С ЧЖАМУХОЙ ПЕРЕДАЮТСЯ НАЙМАНАМ. СМЕРТЬ ВАН-ХАНА. РАЗГРОМ НАЙМАНОВ И МЕРКИТОВ.

§ 186. Ниспровергнув таким образом Кереитский народ, он приказал раздавать его во все концы. Одну сотню Чжиргинцев он пожаловал за службу Сулдеспу Тахай-Баатуру. Отдавая дальнейшие распоряжения, Чингис-хан отдал Голую Сорхахтани-беки, младшую из двух дочерей Ван-ханова брата Чжаха-Гамбу, а старшую, по имени Ибаха-беки, взял себе. По этой-то причине он не только не позволил разорить Чжаха-Гамбу, но милостиво позволил ему, со всеми его наследственными крепостными, служить как бы второю оглоблей своей колесницы.
§ 187. И еще изволил повелеть Чингис-хан: "В награду за подвиг Бадая с Кишлыхом пусть будут у них сменной стражей, кешиктенами, Ван-хановы Кереиты, вместе с золотым теремом, в котором жил Ван-хан, с Винницей, утварью и прислугой при них. И пусть Бадай с Кишдыхом, в роды родов их, пользуются свободным дарханством, повелевая своим подданным носить свой сайдак и провозглашать чару на пирах. Во всяком военном деле пусть они пользуются тою военной добычей, какую только нашли!" И присовокупил: "Благодаря подвигу Бадая с Кишлихом, подвигу, . который спас мне жизнь, я, с помощью Вечного Неба, ниспроверг Кереитский народ и сел на высокий престол. Пусть же наследники мои на троне вечно, из рода в род, преемственно хранят память о тех, кто совершил подобный подвиг!" Всех вдоволь оделил он Кереитскими пленниками. Тумен-Тубегенцев разобрали дочиста. Целый день разоряли и разбирали Одон-Дунхаитов и все еще не покончили с ними. А кровавых разбойников Чжиргинских богатырей так и не могли полностью размельчить и разобрать. По таковом истреблении Кереитского племени, зазимовали в ту зиму на урочище Абчжя-кодегери.
§ 188. Непокорные же Ван-хан с Сангумом спасались бегством. Ван-хан, намереваясь напиться, подошел к речке Некун-усун в урочище Дидик-сахал и как раз наткнулся на караул Найманов под командой Хорису-бечи. Хорису-бечи схватил Ван-хана. Тот стал уверять его, что он Ван-хан, но Хорису-бечи, не зная его в лицо, не поверил и тут же убил.

Чтобы не попасть в Дидик-сахальский Некун-усун, Сангум пошел в обход и забрел в пустыню. В поисках за водой, Сангум увидал хуланов, которые стояли, отбиваясь хвостами от оводов. Он стал подбираться к ним. При Сангуме же был только его конюший Кокочу с женой. Только трое их и было всего. Тут-то Кокочу вдруг вскачь повернул домой, уводя с собою и Сангумова мерина. А жена говорит ему:
"Что ж от хана ты бежал?
"Мой Кокчу" тебя он звал.
Сладко ел ты, сладко пил,
Шитый золотом ходил!"
И стала, было, жена его отставать. "Уж не собралась ли ты спутаться с Сангумом?" - говорит ей Кокочу. - "Пусть же, - говорит она, - пусть я буду по вашему баба с собачьей мордой, но ты должен вернуть ему хоть золотую чашку его, в чем бы ему воды-то хоть напиться". Тогда Кокочу швырнул назад золотую чашку и поскакал дальше, крикнув лишь: "Получай свою золотую чашку!" Вскоре же они вернулись домой. Явившись к Чингис-хану, конюший Кокочу первым делом похвалился, что вот-де я вернулся, бросив Сангума в пустыне. Потом он рассказал все, как было. Государь же, взыскав своею милостью жену его, самого Кокочу приказал зарубить и выбросить. "Этот самый конюх Кокочу явился ко мне, предав так, как он рассказывал, своего природного хана! Кто же теперь может верить его преданности?" - сказал Чингис-хан.
§ 189. Гурбесу, мать Найманского Таян-хана, говорила: "Ван-хан ведь был древнего ханского рода. Пусть привезут сюда его голову. Если это действительно он, мы принесем ей жертву". Послали к Хорису-бечи, и тот отрезал и доставил его голову, которую и опознали. Разослали большую белую кошму и, положив на нее голову, стали совершать пред нею жертвоприношение, сложив молитвенно ладони и заставив невесток, совершая положенную для них церемонию, петь под звуки лютни-хура. Как вдруг голова при этом жертвоприношении рассмеялась: "Смеешься!" - сказал Таян-хан и приказал вдребезги растоптать голову ногами. Тогда Коксеу-Оабрах и говорит: "Вы же ведь приказывали отрезать голову покойного хана и доставить ее сюда; с чем же это сообразно самим же и попирать ее ногами? Недаром наша собака что-то не к добру начала лаять. Говаривал, бывало, Инанча-Билге-хан:
"Жена молода,
А я уж старик.
Таян же, мой сын,
Мне даром чудесным
Молитвы ниспослан.
Увы! Благодетельным духом
Торлуком ниспосланный сын мой!
И сонмом вельмож знаменитых
И смердов несметной семьею
Тебе ли, нездешнему, править?"
["Жена молода, а я состарился. Этого Таяна родила по молитвам. Ах, сын мой, которого произвел на свет Торлук (гений-хранитель). Сможешь ли ты пещись и править благородными, а также и многочисленными холопами-чернью моего улуса?"]
Не к добру что-то стада лаять у нас собака. Прозорливо правит наша государыня Гурбесу. Но ты, хан мой Торлук-Таян, ты больно изнежен. Нет у тебя других ни забот, ни сноровки, кроме птичьей охоты да звериных облав!" Стерпев эти слова, Таян-хан говорит: "Сказывают, что в северной стороне есть какие-то там ничтожные монголишки и что они будто бы напугали своими сайдаками древлеславного великого государя Ван-хана и своим возмущением довели его до смерти. Уж не вздумал ли он, Монгол, стать ханом? Разве для того существует солнце и луна, чтобы и солнце и луна светили и сияли на небе разом? Так же и на земле. Как может быть на земле разом два хана? Я вот выступлю и доставлю сюда этих, как их там, Монголов!" Тут мать его, Гурбесу, и говорит: "Еще чего не хватало!

Костюм у Монголов невзрачен на вид,
От них же самих нестермимо смердит.
Пожалуйста, подальше от них! Пожалуй, что их бабы и девки годятся "'еще доить у нас коров и овец, если только отобрать из них которые получше да велеть им вымыть руки и ноги!" - "Ну, хорошо! - говорит Таян-хан. - Каковы бы там ни были эти Монголы, мы пойдем и доставим сюда их сайдаки".

§ 190 На эти слова Коксеу-Сабрах заметил: "Очень уже надменно вы говорите! Ах, Торлух-хан! Надо бы воздержаться. Приличны ли такие речи?" И долго еще отговаривал его Коксеу-Сабрах, но он отправил к Онгудскому Алахуш-дигитхури посла, по имени Торбидата, с таким сообщением: "Оказывание что там на севере есть какие-то шчтожные Монголы. Будь же моей правой рукой. Я выступлю отсюда, и мы соединимся. Отберем-ка у этих, как их там, Монголов их сайдаки!" Алахуш-дигитхури ответил: "Я не могу быть твоею правой рукой". Дав ему такой ответ, Алахуш-дигитхури отправил к Чингис-хану посла, по имени Ю-Хунана, и сообщил: "Найманский Таян-хан собирается притти и отобрать у тебя сайдаки. Он присылал просить меня быть у него правой рукою, но я отказался. Теперь же посылаю тебя предупредить. А то, чего доброго, явится он, и не остаться бы тебе без сайдаков!" Как раз в это время Чингис-хан охотился в степи Темен-кеере. Когда пришел с вестями от Алахуш-дигитхури его посол Ю-Хунань, облавы шли вокруг урочища Тулкин-чеуд. Тут же на охоте стали совещаться, как быть, причем многие указывали на отощалость наших коней и недоумевали, что теперь делать. Тогда Отчигин-нойон говорит: "Так неужели можно отговариваться словами вроде того, что наши кони тощи? У меня кони - жирны! Ужели спокойно выслушивать подобные речи?" Затем слово взял Бельгутай-нойон. Он сказал вот что:

"Жизнь мне нужна ли, если с живого
Снял неприятель сайдак у меня?
Разве не лучше для воина-мужа
В битве погибнуть и кости сложить свои
Рядом с сайдаком и луком своим?
"Царство великое, подданных множество":
Найманов дерзость вот чем питается!
Если ж на эти надменные речи
Мы им ответим внезапным ударом,
Трудно ли нам их сайдаки отнять?
Выхолить надо несметный табун им:
Где же тут в срок к выступленью успеть?
Нужно дворцы да хоромы грузить:
Как же им срока не пропустить?
Разве спасаться в горы высокие
Толпы Найманские не побегут?
Раз попустили мы дерзкие речи,
Что же тут думать, что тут гадать?
Тотчас же на-конь, Монгольская рать!"

["Если, заживо, попустить "товарищу" отнять свой сайдак, то какая польза и живу быть? Не добро ли рожденному мужем лечь костьми рядом со своим луком и прахом витязей? Найманпы хвастают, уповая на то, что улус их велик и многолюден. А трудно ли нам у них у самих позабирать сайдаки, выступив в поход не мешкая. Если же выступят они, то не пристанут ли у них кони и не опозднятся ль они? Не опозднятся ль они, взваливая себе на плечи свои юрты-дворцы? Не побежит ли многолюдье их спасаться в высокие (горные) страны? Как можно усидеть при подобных надменных речах их? На коней не медля!"]

§ 191. Понравилось это слово Бельгутая Чингис-хану. Остановив охоту, он выступил из Абчжиха-кодегера и расположился лагерем по Халхе, в урочища Орноуйн-кельтегай-хада. Произвели подсчет своих сил. Тут он составил тысячи и поставил нойонов, командующих тысячами, сотнями и десятками. Тут же поставил он чербиев. Всего поставил шесть чербиев, а именно: Додай-черби, Дохолху-черби, Оголе-черби, Толун-черби, Бучаран-

черби и Сюйкету-черби. Закончив составление тысяч, сотен и десятков, тут же стад он отбирать для себя, в дежурную стражу, кешиктенов: 80 человек кебтеулов, - ночной охраны, и 70 человек турхаудов, - дневной гвардейской стражи. В этот отряд по выбору зачислялись самые способные и видные наружностью сыновья и младшие братья нойонов, тысячников и сотников, а также сыновья людей свободного состояния (уту-дурайн). Затем была отобрана тысяча богатырей, которыми он милостивейше повелел командовать Архай-Хасару и в дни битв сражаться пред его очами, а в обычное время состоять при нем турхах-кешиктенами. Семьюдесятью турхаудами поведено управлять Оголе-чербию, по общему совету с Худус-Халчаном.

§ 192. Кроме того, Чингис-хан издал такое повеление: "Стрельцы, турхауты, кешиктены кравчие, вратари, конюшие, вступая в дежурство утром, сдают должность кебтеулам перед закатом солнца и отправляются на ночлег к своим коням. Кебтеулы, расставив кого следует на дежурство при вратах, несут ночную караульную службу вокруг дома. Наутро, в ту пору, когда мы сидим за столом, вкушая суп-шулен, стрельцы, турхауты, кравчие и вратари, сказавшись кебтеулам, вступают каждый в свою должность и располагаются по своим постам. По окончании своего трехдневного и трехнощного дежурства, они сменяются указанным порядком и, по истечении трех ночей, вступают ночными кебтеулами и несут караульную службу вокруг". Итак, покончив с составлением тысяч, поставив чербиев, учредив отряд кешиктенов в 80 кебтеулов и 70 турхаудов, отобрав богатырей для Архай-Хасара, он выступил в поход на Найманский народ с урочища Орноуйн-кельтегай-хада на Халхе.

§ 193. Выступив, по окроплении знамени, 16-го числа первого летнего месяца, в красный день полнолуния года Мыши (1204), он послал передовыми-алхумчинами Чжебе и Хубилая вверх по реке Келурену. Достигли Саари-кеере, где в истоках Канхархи оказался уже Найманский караул. Начались столкновения караулов, причем Найманам удалось захватить у нашего караула одну пегую лошаденку с плохоньким на ней седлом. Тогда у Найманов пошли разговоры, что-де кони у Монголов совсем тощие. Наши же, задержавшись в степи Саари-кеере, стали совещаться, как быть дальше. Тут Додай-черби внес Чингис-хану такое предложение: "Наших-то мало. А сверх того, что мало, уже изрядно утомились. Давайте же широко развернемся и постоим в этой степи Саари-кеере, пока не войдут в тело кони. А тем временем пусть по ночам у нас, у каждой живой души, у каждого ратника, зажигается но пяти костров сразу в различных местах. Будем наводить на неприятеля страх множеством костров! Найманов-то, как слышно, много. Но для хана их, который еще никуда из дому не выходил, для хана их и малого довольно. Так мы и Найманов вгоним в пот кострами да и коней своих откормим. А как откормим коней, то сразу же обратим в бегство их караул, разобьем его, прижмем к главному среднему полку и в этой-то суматохе ударим на них. Что скажете на это?" Чингис-хан одобрил это предложение и тотчас отдал по войску приказ зажигать костры. Тотчас армия широко развернулась по степи Саари-кеере, и каждый человек зажег костры в пяти различных местах. Ночью, с высоты у истоков Канхархи Найманские дозорные увидали множество огней и говорят:

"Не сказывали ль нам, что Монголов мало? А костров-то у них больше, чем звезд!"

Представили они тогда к Таян-хану пегую лошаденку с плохоньким седлом и докладывают: (Монгольское войско запрудило уже всю степь Саари-кеере. Не прибывает ли их с каждым днем? Огней у них больше звезд!"

§ 194. Таян-хан находился в Канхайском Хачир-усуне, когда пришло это донесение. Получив его, он послал сообщить своему сыну, Кучулук-хану: "Монгольские кони, как видно, плохи. Но огней у них, доносят, больше звезд. Стало быть, Монголов-то много.

Если с Монголом сейчас нам связаться,
Просто ли будет от них отвязаться?
Если теперь же сойтись и сразиться,
Глазом ведь те не мигнут уклониться:

В щеку коли ты их острым копьем,
Черная кровь потечет с них ручьем -
С места, однако, Монгол не сойдет.
Стоит ли нам в настоящую пору
С диким Монголом в сраженье ввязаться?
["Если мы теперь же с ними сойдемся, то не будет ли трудно отступить? Стоит ли сейчас связываться с этими свирепыми Монголами, которые глазом не моргнут, когда их рубят в щеку; которые непоколебимы даже и тогда, когда струится их черная кровь? .."]
Известно, что кони у Монголов тощи. Давайте мы сделаем вот что: переправим свой народ на ту сторону Алтая, а сами, подтянувшись и двигаясь налегке, (***Подсучившись***) будем продвигать войска слева направо и завлекать их в засаду. Так, вовлекая их в мелкие стычки, мы дойдем до высот южного склона Алтая. За это время наши табуны откормятся. Тогда-то мы, изнурив таким образом Монголов и еще больше истощив их коней, тогда-то мы и ударим (***Плеснем***) им прямо в лицо!" Ознакомившись с этим планом, Кучулук-хан и говорит: "Ну, так и есть! (***Неисправим, опять за свое***) Эта баба Таян разглагольствует так из трусости. Откуда это у него появилось множество Монголов? Ведь большинство Монголов, с Чжамухой вместе, здесь, у нас!" И велел он через посла ответить отцу такою язвительной и обидной речью:
"Разве не трусости ради своей
Так разглагольствует баба Таян,
Та, что подальше еще не ходила,
Нежели до-ветру баба брюхатая.
Дальше еще и не хаживал он,
Нежели в поле теленок кружоный". (***Телячья "кружоная болезнь", или "вертячка***")
["Не из трусости ли прислал ты такое предложение, баба Таян, который не выходил из дому даже на расстояние отхожего места для беременной бабы; не доходил даже на расстояние бега кружоного теленка".]
Выслушав, как его обзывают бабой, Таян-хан и говорит:
"О мой могучий отважный Кучлук!
Пусть он отваги своей не покинет
В день, когда в битве сойдемся с врагом.
Сойтись-то мы сойдемся, а вот легко ли разойдемся!" Тут вступился подчиненный Таян-хана, великий нойон Хорису-бечи, и говорит: "Твой родитель, Инанча-Билге-хан, равному врагу не показывал ни молодецкой спины, ни конского тылу. Что же ты-то нынче теряешь голову перед завтрашним днем? Если б только знали, что ты такой трус, так лучше бы привезли сюда твою мать, - даром, что она женщина! Разве не управилась бы она с войском? Устарел у тебя бедняга Коксеу-Сабрах, и что за негодное управление стало у нашего войска! Разве не видно, что пробил час счастливой судьбы для Монголов? Ах ты, Торлук-хан, никчемный ты, видно, человек!" И он ударил по своему сайдаку и, показав тыл, ускакал.
§ 195. Разгневался на эти слова Таян-хан и говорит:
"Что смерть,
Что страданья,
Не все ли равно?
Итак - в бой!" И он тронулся с Хачир-усуна, прошел вниз по Тапиру, переправился через Орхон и, следуя нижним склоном Наху-гуна, подошел к Чахирмаутам. Тут приближение Найманов заметил Чингис-ханов дозор и тотчас послал ему извещение. Чингис-хан выступил против Найманов со словами: "Ведь и вреда же бывает от многих так много; а от немногих - аемного!" Наши погнали неприятельский караул. Строясь в боевой порядок наши ратники говорили друг другу:
"Бегом пробежим хоть по терниям,
А строем построимся хоть и в озере,
Битву же пробьемся хоть долотами!"

["Будем биться, хотя бы пришлось пролезать по тропам через заросли дикой акации - харагана; хотя бы пришлось строиться среди озера; хотя бы пришлось наносить удары долотом".]
Сам Чингис-хан пошел в передовом отряде, Хасару поручил главные силы центра, а Отчигину поручил тыл с заводными конями. Отойдя от Чахир-маудов, Найманы расположились по южному полугорью Наху-гуна. Наш караул, гоня перед собою Найманский караул, вплотную прижал его к их главным силам на полугорье Наху-гуна. Таян-хан, наблюдая за этим преследованием, обратился кЧжамухе, который принимал участие в походе на стороне Найманов: "Что это за люди? Они подгоняют так, как волк подгоняет к овчарне многочисленное стадо овец. Что это за люди, которые так подгоняют?" На это Чжамуха, ответил: "Мой анда Темучжин собирался откормить человеческим мясом четырех псов и привязать их на железную цепь. Должно быть, это они и подлетают, гоня перед собою наш караул. Вот они, эти четыре пса:
Лбы их - из бронзы,
А рыла - стальные долота.
Шило - язык их,
А сердце - железное.
Плетью им служат мечи,
В пищу довольно росы им,
Ездят на ветрах верхом.
Мясо людское - походный их харч,
Мясо людское в дни сечи едят.
С цепи спустили их. Разве не радость?
Долго на привязи ждали они!
Да, то они, подбегая, глотают слюну.
Спросишь, как имя тем псам четырем?
Первая пара - Чжебе с Хубилаем.
Пара вторая - Чжельме с Субетаем".
["У этих четырех псов лбы - бронзовые, морды - как долото, языки - что шила, сердца - железные, а плети - мечи. Питаются росою, а ездят верхом на ветрах. Во время смертных боев едят они мясо людей, а на время схваток запасаются для еды человечиной" Это они сорвались с цепей и ныне, ничем не сдерживаемые, ликуют и подбегают, брызжа слюной. Это они!" - "Кто же они, эти четыре пса?" - спросил хан. - "Это две пары: Джебе с Хубидаем, да Джельме с Субеетаем".]
- "Ну, так подальше, - говорит Таян-хан, - подальше от этих презренных тварей!" и, поднявшись выше остановился на полугорье. Тут заметил Таян-хан, что вслед за ними, ликуя, мчатся и окружают их витязи. И спросил Таян-хан Чжамуху:
"Кто же вон те и зачем окружают? Будто с зарей сосунков-жеребят К маткам своим припустили. Маток они обегают кругом, Жадно к сосцам приникая".
["А кто эти и зачем окружают их, наподобие жеребят, которые выпущены ране жоутру я теснятся вокруг своих маток, приникая к сосцам их".]
И Чжамуха отвечал так:
"То по прозванью Манхуд-Урууд.
Страшной грозой для злодея слывут.
Витязя, мужа с тяжелым копьем,
Им, заарканив, поймать нипочем.
Витязя ль, мужа с булатным мечом,
Или в крови своих жертв палача
Свалят, нагнав, и порубят с плеча.
Это с восторгом они обступают,
Это, ликуя, они подлетают".
["Это - так называемые Урууцы и Манхудцы, которые, настигая, валят с ног, убивают и ограбляют носящих мечи кровавых грабителей, которые осыпают проклятьями носящих копья: то приближаются они, ликуя и блистая".]
- "Лучше всего, - говорит Таян-хан, - лучше сего подальше от этих презренных! И поднимается еще выше на гору. И спрашивает тут Таян-хан у Чжамухи: "А кто же это

позади них? Кто это едет, выдавшись вперед и глотая слюну, словно голодный сокол?" Чжамуха же сказал ему в ответ:
"Тот, кто передним несется один,
То побратим мой, анда Темучжин.
Снизу доверха в железо одет:
Кончику шила отверстия нет.
Бронзой сверкающей весь он залит:
Даже иглою укол не грозит.
Это мой друг, мой анда Темучжин,
Словно голодная птица-ловец,
Мчится, глотая слюну, молодец.
["Это подъезжает мой анда Темучжин. Все тело его залито бронзой: негде шилом кольнуть; железом оковано: негде иглою кольнуть. Разве не видите вы, что это он, что это подлетает мой друг Темучжин, глотая слюну, словно голодный сокол..."]
Смотрите же, друзья Найманы. Не вы ль говорили, что только бы увидать вам Монголов, как от козленка останутся рожки да ножки?" Тогда Таян-хан говорит: "а ну, взберемся-ка по этой пади на гору". И взбирается повыше на гору и опять спрашивает Чжамуху: "А кто это так грузно двигается позади него?" Чжамуха "отвечает:
"Мать Оэлун одного из сынков
Мясом людским откормила.
Ростом в три сажени будет,
Трехгодовалого сразу быка он съедает,
Панцырь тройной на себя надевает,
Трое волов без кнута не поднимут.
Вместе с сайдаком людей он глотает:
В глотке у витязя не застревает.
Доброго молодца съест он зараз:
Только раздразнит охоту.
Если ж во гневе - не к часу сказать! -
Пустит, наладив стрелу-анхуа он -
Насквозь пройдя через гору, к тому ж
Десять иль двадцать пронзит человек.
Если ж повздорит он с другом каким -
Будь между ними хоть целая степь -
Кеибур-стрелу, ветряницу, наладив,
Все ж на стрелу он нанижет его.
Сильно натянет - на девять сотен алданов сшибет,
Слабо натянет - на пять он сотен достанет.
Чжочи-Хасар прозывается он.
То не обычных людей порожденье:
Сущий он демон - мангус Гурельгу".
["Мать Оэлун откормила одного своего сына человеческим мясом. Ростом он в три алдана, маховых сажени. Съедает трехлетнюю корову. Одет в тройной панцырь. Трех быков понукают везти его. Глотнет целого человека вместе с колчаном - в глотке не застрянет; съест целого мужика - не утолит сердца. Осердится, пустит стрелу свою, стрелу анхуа, через гору - десяток-другой людей на стрелу нанижет. Поссорится с приятелем, живущим по ту сторону степи, пустит стрелу свою кеибур-ветряницу, так и нанижет того на стрелу. Сильно потянет тетиву - на 900 алданов стрельнет. Слегка натянет тетиву - на 500 алданов стрельнет. Не человеком он порожден, а демоном Гуредыу-мангусом. По прозванью - Хасар. То, должно быть, он!"]
- "Раз так, - говорит Таян-хан, - давай-ка поспешим мы еще выше в гору!" Поднялся выше и спрашивает у Чжамухи: "А кто же это идет позади всех?" На это говорит ему Чжамуха:
"Будет, наверное, то Отчигин:
У Оэлуны он наименьший сын.
Смелым бойцом у Монголов слывет,

Рано ложится да поздно встает.
Из-за ненастия не подкачает,
А на стоянку - глядишь - опоздает!"
["А это - Отчигин, малыш матушки Оэлун. Слывет он смельчаком. Из-за непогоды не опоздает, из-за стоянки отстанет!"]
- "Ну, так давайте, мы взойдем на самый верх горы!" сказал Таян-хан.
§ 196. Наговорив таких слов Таян-хану, Чжамуха отделился от Найманов и, отойдя на особую стоянку, послал передать Чингис-хану следующее известие:
"Почти уморил я Таяна словами:
Все выше со страху он лез,
Покуда, до смерти напуган устами,
Он на гору все же не влез.
Дерзай же, анда мой! Ведь тут
Все в горы спасаться бегут.
["От слов моих падал в обморок, а потом спешил лезть повыше на гору. Разговорами до смерти напуган, на гору лезет. Дерзай анда! Они на гору лезут..."]
Никакой стыд не вынудит их больше к сопротивлению, почему я ныне и отделился от Найманов!" Тогда Чингис-хан, в виду позднего вечера, ограничился оцеплением горы Наху-гун. Между тем Найманы тою же ночью вздумали бежать, но, срываясь и соскальзывая с Наху-гунских высот, они стали давить и колоть друг друга на смерть: летели волосы и трещали, ломаясь, кости, словно сухие сучья. Наутро захватили совершенно изнемогавшего Таян-хана, а Кучулук-хан, который стоял отдельно, с небольшим числом людей успел бежать. Настигаемый нашей погоней, он построился куренем у Тамира, но не смог там удержаться и бросился бежать дальше. На Алтайском полугорье наши забрали весь Найманский народ, который находился в состоянии полного расстройства. Тут же сдались нам и все бывшие с Чжамухой: Чжадаранцы, Хатагинцы, Салчжиуты, Дорбены, Тайчиудцы и Унгираты. Когда же к Чингис-хану доставили Таян-ханову мать Гурбесу, он сказал ей: "Не ты ли это говоришь, что от Монголов дурно пахнет? Чего же теперь-то явилась?" Гурбесу Чингис-хан взял себе.
§ 197. В том же году Мыши (1204), осенью, Чингис-хан вступил в бой с Меркитским Тохтоа-беки при урочище Харадал-хучжаур. Он потеснил Тохтоая, и в Сара-кеере захватил весь улус его, со всеми подданными и жильем их. Но Тохтоа, вместе со своими сыновьями Худу и Чилауном, а также с небольшим числом людей, спасся бегством. Когда, таким образом, Меркитский народ был покорен, Хаас-Меркитский Даир-Усун повез показать Чингис-хану свою дочь, по имени Хулан-хатун. Встречая на пути всякие препятствия от ратных людей и увидав случайно нойона Баридайца Наяа, Даир-Усун сообщил ему, что везет показать свою дочь Чингис-хану. Тогда нойон Наяа и говорит ему: "Едем вместе и покажем твою дочь Чингис-хану". Задержал он их и продержал у себя три дня и три ночи. При этом задержку эту объяснял Даир-Усуну так: "Если ты поедешь как есть один, то в дороге, в такое-то смутное военное время, не только тебя самого в живых не оставят, но так же и с дочерью твоею может случиться недоброе". Когда же, потом, Даир-Усун, вместе с Хулан-хатун и нойоном Наяа, прибыли к Чингис-хану, он в страшном гневе обратился прямо к Наяа и сказал: "Как ты смел задержать их? Тотчас же подвергнуть его самому строгому допросу и предать суду!" Когда же его стали было допрашивать, Хулан-хатун говорит: "Наяа сказал нам, что состоит у Чингис-хана в больших нойонах. А задерживал нас объясняя, что поедем, мол, показать свою дочь хагану вместе. Потому что на дороге, говорит, неспокойно. Попадись мы в руки не нойона Наяа, а к другим каким военным, не иначе, что вышло бы недоброе. Кто знает? Может быть, встреча с Наяа нас и спасла. Если бы теперь, государь, пока опрашивают Наяа-нойона, соизволил вопросить ту часть тела, которая по небесному изволению от родителей прирождена"... Наяа же на допросе показал:
"Хану всегда я служил от души.
Жен ли прекрасных, иль дев у врага

Только завидев, я к хану их мчу.
Если иное что было в уме,
Я умереть тут всечасно готов".
["Что говорил при хане, то и сейчас скажу: нет у меня другого лица против того" что было при хане! Когда попадаются иноплеменные красавицы или добрых статей мерина" я всегда мыслю, что они хановские. Если есть что другое, кроме этого, в мыслях моих, то пусть умру я".]
Чингис-хану понравились слова Хулан-хатуны. Ее освидетельствовали тотчас же, и все оказалось, как она говорила намеком. Очень пожаловал Чингис-хан Хулан-хатуну и полюбил ее. А так как и слова Наяа-нойона оказались справедливыми, то Чингис-хан милостиво сказал ему: "За правдивость твою я поручу тебе большое дело".

VIII. КУЧУЛУК БЕЖИТ К ГУР-ХАНУ ХАРА-КИТАДСКОМУ НА РЕКУ ЧУЙ, А ТОХТОА - К КИПЧАКАМ. ЧЖЕБЕ ПОСЛАН ПРЕСЛЕДОВАТЬ КУЧУЛУКА, А СУБЕЕТАЙ - ТОХТОАЯ. СМЕРТЬ ЧЖАМУХИ. ВОЦАРЕНИЕ ЧИНГИСА. НАГРАДЫ И ПОЖАЛОВАНИЯ СПОДВИЖНИКАМ.

§ 198. При покорении Меркитов Огодаю была отдана Дорегене, дочь Худу, старшего сына Тохтоа-беки. У Худу было две дочери: Тугай и Дорегене. Половина же Меркитского улуса, засев в укреплении Тайхая, не сдавалась. Тогда Чингис-хан приказал осадить засевших в крепости Меркитов войском Левой руки под командою Чимбо, сына Сорган-Ширая. Сам же Чингис-хан выступил преследовать Тохтоа-беки, который бежал со своими сыновьями Худу и Чилауном и небольшим числом людей. Зимовал Чингис-хан на южном склоне Алтая. Затем, когда весною, в год Коровы (1205), он перевалил через Алтай и двинулся далее, то у истоков Эрдышской Бухдурмы оказалось стоящим наготове соединенное войско Тохтоа и Кучулука: Найманский Кучулук-хан, потеряв свой улус, решил присоединиться к Меркитскому Тохтоа в то время, когда тот сошелся с ним на пути своего бегства с небольшим отрядом людей. Подойдя к ним, Чингис-хан завязал бои, и тут же Тохтоа пал, пораженный метательной стрелой-шибайн-сумун. Сыновьяего, не имея возможности ни похоронить отца на месте боя, ни увезти его прах с собою, отрезали его голову и спешно отошли. Тут уж было не до общего отпора, и Найманы вместе с Меркитами обратились в бегство. При переправе через Эрдыш они потеряли утонувшими в реке большую часть людей. Закончив переправу через Эрдыш, Найманы и Меркиты с небольшим числом спасшихся пошли далее разными дорогами, а именно Наиманский Кучулук-хан пошел на соединение с Хара-Китадским Гур-ханом на реку Чуй, в страну Сартаульскую, следуя через землю Уйгурских Хурлуудов. А Меркитские Тохтоаевы сыновья, Худу, Гал, Чилаун, как и все прочие Меркиты, взяли направление в сторону Канлинцев и Кипчаудов. Возвратясь оттуда через тот же Арайский перевал, Чингис-хан расположился лагерем в Ауруутах. Тем временем Чимбо вынудил к сдаче Меркитов, сидевших в крепости Тайхал. Этих Меркитов, но повелению Чингис-хана, частью истребили, а частью роздали в добычу ратникам. Но тут попытались восстать и бежать из Ауруутов также и те Меркиты, которые ранее добровольно покорились. Находившиеся в Ауруу-тах наши кетченеры-домочадцы подавили это восстание. Тогда Чингис-хан приказал пораздавать всех этих Меркитов до единого в разные стороны. "Это им за то, - говорил он, - за то, что мы, ради покорности их, позволили им жить как раньше жили; а, они еще вздумали поднимать восстание!"

§ 199.
В том же, Воловьем, году Чингис-хан
Отдал приказ воеводе Субетаю
Всех сыновей Тохтоая Меркитского -
Гала, Худу с Чилауном - поймать.
Слал он его в колеснице окованной,

Требовал всех беглецов отыскать.
Слово ж в напутствие так говорил:
"Выйдя из боя бежали Меркиты.
Так иногда и с арканом хулан,
Так и олень со стрелою уйдет.
Пусть же хоть с крыльями будут они,
Пусть в поднебесье высоко летят,
Ты обернись тогда соколом ясным,
С неба на них, Субетай, ты ударь.
Пусть обернутся они тарбаганами,
В землю глубоко когтями зароются.
Ты обернися тут острой пешнёй,
Выбей из нор их и мне их добудь.
В море ль уйдут они рыбой проворной
Сетью ты сделайся, неводом стань,
Частою мрежей слови их, достань.
Ты перережь мне и горы высокие,
Вплавь перейди мне и реки широкие.
Но береги ты коней у служивых,
Помни о дальней дороге-пути.
Так же и харч сберегай им разумно.
Конь обезножит - так поздно жалеть
Кончится харч - его поздно беречь.,
Зверь в изобилии будет в пути.
Ты ж понапрасну народ не томи
И на облавы их зря не гони,
Чаще умом ты вперед забегай.
В меру такую должна быть облава,
К общим котлам чтоб была лишь приправа.
Кроме ж законных облав, не вели
Коням подхвостник к седлу ты вязать:
Люди пусть вольною рысью идут,
Оброти скинув, узду опустив.
Как же иначе ты сможешь скакать?
Если ж такой распорядок уставишь,
То виноватых нещадно ты бей.
Тех же, кто наши указы нарушит,
К нам ты и шли, коли знаем их мы.
Тех же, кто явственно нам неизвестен,
Там же на месте ты казнью казни.
Так поступайте, как будто бы вас
Только река от меня отделяет.
Вы и помыслить не смейте о том,
Будто бы горные дали меж нами.
Если же Вечное Синее Небо,
Силу и мощь вам умножа,
В руки предаст вам сынов Тохтоа,
К нам посылать их не стоит труда,
Там же на месте прикончить их".
Лично к Субетаю вновь обратись,
Молвил ему государь Чингис-хан:
"Вот почему посылаю тебя.

Есть три Меркитские рода. Из них
В детстве напуган я был Удуитским:
Трижды он гору Бурхан облагал.
Ныне же враг ненавистный бежал,
Клятвой поклявшись о мщеньи.
Пусть далеко - до конца достигай,
Пусть глубоко он - до дна доставай!
Вот для чего я, в поход снаряжая,
Всю из железа коляску сковал;
Вот для чего я, людей ободряя,
Строгий наказ сего года вам дал.
Так поступай ты у нас за глазами
Как поступал пред моими очами.
Так же служи ты, отъехав далеко,
Как и вблизи ты служил без упрека.
Будет тогда вам удачлив поход:
Помощь придет к вам с небесных высот!"

["В том же году Коровы (1205) отдавал Чингис-хан приказ. Посылал он Субеетая посылал в железной колеснице преследовать Тогтогаевых сынов, Худу, Гал, Чилауна и прочих. Посылая же, наказывал Чингис-хан Субеетаю: "Тогтогаевы сыны, Худу, Гал, Чилаун и прочие, в смятении бежали, отстреливаясь. Подобны они заарканенным диким коням-хуланам иди изюбрям, убегающим со стрелой в теле. Если бы к небу поднялись, то разве ты, Субеетай, не настиг бы, обернувшись соколом, летя как на крыльях. Если б они, обернувшись тарбаганами, даже и в землю зарылись когтями своими, разве ты,. Субеетай, не поймаешь их, обернувшись пешнею, ударяя и нащупывая. Если б они и в море ушли, обернувшись рыбами, разве ты, Субеетай, не изловить их, обернувшись сетью-неводом и ловя их. Велю тебе, потом, перевалить через высокие перевалы, переправиться через широкие реки. Памятуя о дальней дороге, берегите у ратников коней их, пока они еще не изнурены. Берегите дорожные припасы, пока они еще не вышли. Поздно беречь коней, когда те пришли в негодность; поздно беречь припасы, когда они вышли. На пути у вас будет много зверя. Заглядывая подальше в будущее, не загоняйте служивых людей на звериных облавах. Пусть дичина идет лишь на прибавку и улучшение продовольствия людей. Не охотьтесь без меры и срока. Иначе, как для своевременных облав, не понуждайте ратных людей надевать коням подхвостные шлеи. Пусть себе ездят они, не взнуздывая коней. Ведь в противном случае как смогут у вас ратные люди скакать? Сделав потребные распоряжения, наказывайте нарушителей поркою. А нарушителей наших повелений, тех кто известен нам, высылайте к нам, а неизвестных нам - на месте же и подвергайте правежу. Наступайте так, будто бы нас разделяет только река. Но не мыслите инако и особо, будто бы вас отделяют горные хребты (будто бы вы "за горами - заделами"). Не мыслите один одно, Другой - другое. Тогда Вечное Небо умножит силу и мощь вашу и предаст в руки ваши Тогтогаевых сыновей. К чему непременно хлопотать о доставке их к нам? Вы сами прикончите их на месте". И еще наказывал Чингис-хан Субеетаю: "Посылаю тебя в поход ради того, что в детстве еще я трижды был устрашаем: будучи обложен на горе Бурхан-халдун Удуитами, из трех Меркитов. Эти столь ненавистные люди ушли опять, произнося клятвы. Достигайте же до конца далекого, до дна глубокого". Так, возбуждая дух его к преследованию, приказал он выковать ему железную колесницу и в год Коровы напутствовал его в поход словами: "Если вы будете поступать и мыслить за глазами у нас так, как бы на глазах наших, вдали - как будто бы вблизи, то Вечное Небо будет вам покровительствовать!"]

§ 200. Когда было покончено с Найманами и Меркитами, то и Чжамуха, как бывший вместе с ними, лишился своего народа. И он также стал бродить и скитаться с пятью сотоварищами. Убили как-то, взобравшись на гору Танлу, убили дикого барана, зажарили его и ели. Тут Чжамуха и говорит своим сотоварищам: "Чьи и чьи сыновья, каких родителей сыновья кормятся теперь вот так охотой за дикими баранами!" Тогда пять спутников Чжамухи, тут же за едой, наложили на него руки да и потащили к Чингис-хану. Приведенный к Чингис-хану, Чжамуха сказал им: "Приказываю вам доложить государю вот как:

Собралася галка,
Загадала черная
Селезня словить.
Вздумал простолюдин,
Чернокостный раб,

На его владыку
Руку поднимать.
Друг мой, государь мой.
Чем же наградишь?
Мышеловка (***Хуллу - ленивый, заевшийся коршун***) серая
Курчавую утку
Собралась словить.
Раб и домочадец
Вздумал государя
Своего предать.
Друг ты мой священный,
За отцеубийство
Чем ты наградишь?"
["Черные вороны вздумали поймать селезня. Рабы-холопы вздумали поднять руку на своего хана. У хана, анды моего, что за это дают? Серые мышеловки вздумали поймать курчавую утку. Рабы-домочадцы на своего природного господина вздумали восстать, осилить, схватить. У хана, анды моего, что за это дают?"]
На эти слова Чжамухи, Чингис-хан изволил ответить: "Мыслимо ли оставить в живых тех людей, которые подняли руку на своего природного хана? И кому нужна дружба подобных людей?" И тотчас же повелел: "Аратов, поднявших руку на своего хана, истребить даже до семени их!" И тут же на глазах у Чжамухи предал казни посягнувших на него аратов. И сказал Чингис-хан: "Передайте вы Чжамухе вот что:
Вот и сошлись мы. Так будем друзьями.
Станем в одной колеснице оглоблями.
Разве помыслишь тогда своевольно отстать ты?
Напоминать мы забытое станем друг другу,
Будем друг друга будить, кто заспится.
Пусть ты иными путями ходил,
Все же ты другом священным мне был.
Если и бились подчас не на шутку,
Дружеским сердцем ты горько скорбел.
Пусть иногда не со мною ты был,
Все же в дни битв роковых
Сердцем, душой ты жестоко болел.
Вспомним, когда это было меж нами.
В ночь перед битвой в песках Харгальчжит,
Мне предстоявшей со всем Кереитом,
Ты мне Ван-хановы речи сполна
Передал, сил расстановку раскрыл мне.
Но и другая услуга твоя - первой не меньше была.
Помнишь, как образно ты извещал:
Наймана словом своим уморил я,
На смерть его своим ртом напугал!".
["Вот мы сошлись с тобою. Будем же друзьями. Сделавшись снова второю оглоблей у меня, ужели снова будешь мыслить инако со мною? Объединившись ныне, будем приводить в память забывшегося из нас, будить - заспавшегося. Как ни расходились наши пути, всегда все же был ты счастливым, священным другом моим. В дни поистине смертных битв болел ты за меня и сердцем и душой. Как ни инако мыслили мы, но в дни жестоких боев ты страдал за меня всем сердцем. Напомню, когда это было. Во-первых, оказал мне услугу во время битвы с Кереитами при Харахалджит-элетах, послав предупредить меня о распоряжениях (перед боем) Ван-хана; во-вторых, ты оказал мне услугу, образно уведомив меня о том, как ты напугал наймана, умерщвляя словом, убивая ртом".]
§ 201. Когда эти слова передали Чжамухе, он ответил так:
"Некогда в юные дни,
В счастливом Чжубур-хорхонаке,
Братство свое мы скрепили.

Трапезе общей вовек не свариться,
Клятвам взаимным вовек не забыться!
Помнишь одним одеялом с тобой
Ночью мы дружно делились.
Нас разлучили завистники злые,
Подлые слуги коварно поссорили.
Думал потом в одиночестве я:
"Мы же от сердца ведь клятвы твердили!"
Другу в глаза я не мог посмотреть -
Жег меня теплый очей его взгляд,
Будто бы к сдернутой коже с лица
Кто беспощадный рукою коснулся.
Думал я: "Клятвой ведь мы незабвенной клялись!
Будто мне кожу содрали с лица,
Жег меня взгляд проницательных глаз,
Глаз Темучжина правдивых.
Ныне пожалуй меня государь:
В путь проводи поскорее,
В путь невозвратно далекий.
Я и в дни дружбы с тобою не смог
Все же как должно сдружиться.
Ныне ж, народы окрест замирив,
Всех чужедальних к себе ты склонил.
Ханский престол присудили тебе.
Что тебе ныне от дружбы моей -
Мир пред тобою склонился!
Только ведь сны твои в темную ночь
Буду напрасно тревожить.
Только ведь думы твои белым днем
Я утруждать буду даром.
Вошью на шее я стал у тебя
Или колючкой в подкладке.
Велеречива жена у меня.
Дальше анды своей мыслью стремясь,
Стал я обузой для друга.
Ныне ведь в целой вселенной прошла,
С краю до края везде пронеслась
Слава об наших с тобой именах.
Мудрая мать у анды моего,
Младшие ж братья и витязи с виду
И с просвещенным умом.
Семьдесят три на конях орлука
Служат в дружине твоей.
Вот чем, анда, ты меня превзошел.
Я ж с малых лет сиротой,
Даже без братьев остался.
Сказывать были жена мастерица.
Верных друзей я не встретил.
Вот почему побежден я андой,
Взысканным милостью неба.
Если меня ты пожалуешь, друг,
Если меня поскорей ты отправишь,

Сердце тогда ты свое, о мой друг,
Сердце свое успокоишь.
Если казнишь, то казни ты меня
Лишь без пролития крови.
Смертным забудусь я сном.
Мертвые ж кости в Высокой Земле
Будут потомкам потомков твоих
Благословеньем во веки.
Ныне же весь я молитва.
Был одинок от рождения я.
Счастьем анды, одаренного всем.
Я побежден и раздавлен.
Этих последних речей моих вы, -
Буду просить - не забудьте.
Утром и вечером их вы всегда
В память мою повторите.
Ныне ж скорей отпустите меня!
Вот вам ответ мой последний".

["В далекой юности, на урочище Хорхонах-джубур, в ту пору, когда братались мы с ханом, другом моим, ели мы пищу, которой не свариться, говорили речи, которым не забыться, делились одним одеялом. Но вот подстрекнули нас противники, науськали двоедушные, и мы навсегда разошлись. "Мы ж говорили друг другу задушевные речи!" - думал я, и будто бы кожу содрали с темного лица моего, я не терпел к нему прикосновенья, я не мог выносить горячего взгляда хана, анды моего. "Говорили друг другу незабвенные слова!" - думал я, и будто бы содрана была кожа с моего кроваво-красного лица, я не мог выносить правдивого взгляда проницательного друга моего. Ныне, хан мой, анда, ты милостиво призываешь меня к дружбе. Но ведь не сдружился же я с тобою тогда, когда было время сдружиться. А теперь, друг, теперь ты замирил все окрестные царства, ты объединил разноплеменные народы, тебе присудили и царский престол. К чему ж тебе дружба моя, когда перед тобою весь мир? Ведь я буду сниться тебе в сновидениях темных ночей; ведь я буду тяготить твою мысль среди белого дня. Я ведь стал вошью у тебя за воротом или колючкой в подоле. Болтлива больно старуха у меня, и в тягость я стал, стремясь мыслью дальше анды. Теперь по всему свету разнеслась слава наших имен, от восхода до захода солнца. У друга моего - умная мать, сам он - витязь от роду; братья - с талантами; да стало у тебя в дружине 73 орлюка - 73 мерина: вот чем ты победил меня. А я, я остался круглым сиротой с одной лишь женой, которая у меня сказительница старины. Вот почему ты победил меня. Сделай же милость, анда, поскорей "проводи" меня, и ты успокоишь свое сердце. Если можно, мой друг, то, предавая меня смерти, казни без пролития крови. Когда буду лежать мертвым, то и в земле, Высокой Матери нашей, бездыханный мой прах во веки веков будет покровителем твоего потомства. Молитвенно обещаю это. Моя жизнь одинока с самого рождения, и вот я подавлен Великим Духом (Счастливым Духом) многосемейного друга моего. Не забывайте же сказанных мною слов, вспоминайте и повторяйте их и вечером и утром. Ныне поскорей отпустите меня".]

Выслушав эти слова, Чингис-хан сказал: "Как ни различны были наши пути, но не слышно было, как будто бы, ни об оскорбительных речах моего друга-анды, ни о покушениях на самую жизнь. И мог бы человек исправиться, да вот не хочет. Гадали уж о предании его смерти, но жребьем то не показано. Человек же он высокого пути. Не должно посягать на его жизнь без основательной причины. Пожалуй что, выставьте ему вот какую причину. Скажите ему: "Друг Чжамуха, помнишь ли ты, как некогда загнал меня в Цзереново ущелье и навел тогда на меня ужас? Ты тогда несправедливо и коварно поднял брань по делу о взаимном угоне табуна между Чжочи-Дармалой и Тайчаром. Ты напал, и мы бились в урочище Далан-бальчжут. А теперь - скажите - ты не хочешь принять ни предложенной тебе дружбы, ни пощады твоей жизни. В таком случае да позволено будет тебе умереть без пролития крови. Так скажите ему и, позволив ему умереть без пролития крови, не бросайте на позорище его праха, но с подобающей почестью предайте погребению". Тогда предали смерти Чжамуху и погребли его прах, "подняли кости его".

§ 202. Когда он направил на путь истинный народы, живущие за войлочными стенами, то в год Барса (1206) составился сейм, и собрались у истоков реки Онона. Здесь воздвигли девятибунчужное белое знамя и нарекли ханом - Чнгис-хана. Тут же и Мухалия нарекли

Го-ваном. И тут же повелел он Чжебею выступить в поход для преследования Найманского Кучулук-хана. По завершении устройства Монгольского государства, Чингис-хан соизволил сказать: "Я хочу высказать свое благоволение и пожаловать нойонами-тысячниками над составляемыми тысячами тех людей, которые потрудились вместе со мною в созидании государства". И нарек он и поставил нойонами-тысячниками нижепоименованных девяносто и пять нойонов-тысячников: 1) Мунлик-эциге; 2) Боорчу; 3) Мухали-Го-ван; 4) Хорчи; 5) Илугай; 6) Чжурчедай; 7) Хунан; 8) Хубилай; 9) Чжельме; 10) Туге; 11) Дегай; 12) Толоан; 13) Онгур; 14) Чулгетай; 15) Борохул; 16) Шиги-Хутуху; 17) Гучу; 18) Кокочу; 19) Хоргосун; 20) Хуилдар; 21)Шилугай; 22) Чжетай; 23) Тахай; 24) Цаган-Гова; 25) Алак; 26) Сорхан-Шира; 27) Булган; 28) Харачар; 29) Коко-Цос; 30) Суйкету; 31) Наяа; 32) Чжунсу; 33) Гучугур; 34) Бала; 35) Оронартай; 36) Дайр; 37) Муге; 38) Бучжир; 39) Мунгуур; 40) Долоадай; 41) Боген; 42) Худус; 43) Марал; 44) Чжебке; 45) Юрухан; 46) Коко; 47) Чжебе; 48) Удутай; 49) Бала-черби; 50) Кете; 51) Субеетай; 52) Мунко; 53) Халчжа; 54) Хурчахус; 55) Гоуги; 56) Бадай; 57) Кишлык; 58)Кетай; 59)Чаурхай; 60) Унгиран; 61) Тогон-Темур; 62) Мегету; 63) Хадаан; 64) Мороха; 65) Дори-Буха; 66) Идухадай; 67) Ширахул; 68) Давун; 69) Тамачи; 70) Хауран; 71) Алчи; 72) Тобсаха; 73) Тунгуй-дай; 74) Тобуха; 75) Ачжинай; 76) Туйгегер; 77) Сечавур; 78) Чжедер; 79) Олар-гурген; 80) Кинкиядай; 81) Буха-гурген; 82) Курил; 83) Аших-гурген; 84) Хадай-гурген; 85) Чигу-гурген; 86) Алчи-гурген; 87 - 89, (три тысячника на) три тысячи икиресов; 90) Онгудский Алахуш-дигитхури-гурген и 91 - 95) (пять тысячников на) пять тысяч Онгудцев. Всего, таким образом, Чингис-хан назначил девяносто пять (95) нойонов-тысячников из Монгольского народа, не считая в этом числе таковых же из Лесных народов.

§ 203. Однако в этом числе полагаются и ханские зятья. Учредив тысячи и назначив нойонов-тысячников, тут же Чингис-хан повелеть соизволил: "Пусть позовут ко мне нойонов Боорчи, Мухали и других, которых я намерен пожаловать за особые заслуги!" В юрте же оказался при этом случае один Шихи-Хутуху. Чингис-хан и говорит ему: "Сходи, позови!" Тогда Шихи-Хутуху ответил: "А эти Боорчу с Мухалием и прочие

Больше кого потрудились
Больше кого заслужили они?
Чем же я недостоин награды,
В чем недостаточно я послужил

* * *

Кажется я с колыбели
Вот до такой бороды
Рос у тебя за порогом высоким
И своего никогда не помыслил.

* * *

Помню в штаны еще крошкой пускал,
Но уж стоял у тебя за порогом златым
Вот и усами закрылись уста -
Разве роптал на усталость когда?

* * *

Ведь на коленях баюкая,
Сыном растили меня
Рядом постель постилали,
Братом считая родным

["Больше кого же они потрудились? А у меня разве не хватает заслуг для снискания милости? Разве я в чем-либо не довольно потрудился

С колыбели я возрастал у высокого порога твоего до тех пор, пока бородой не покрылся подбородок, и никогда, кажется я не мыслил инако с тобой.

С той поры еще, как я пускал в штаны, состоял я у золотого порога твоего, рос, пока рот не закрыли усы, и никогда, кажется, я не тяготился трудами (заботами)

На коленях укачивая, вырастили ведь меня здесь, как сына. Рядом спать постилали; вырастили ведь здесь меня как брата..."]
Итак скажи какую же награду пожалуешь ты мне?" На эти слова Чингисхан ответил Шиги-Хутуху: "Не шестой ли ты брат у меня? Получай в удел долю младших братьев. А за службу твою да не вменяются тебе в вину девять проступков!" - сказал он и продолжал. "Когда же с помощью Вечного Неба, будем преобразовывать всенародное государство, будь ты оком смотрения и ухом слышания! Произведи ты мне такое распределение разноплеменного населения государства: родительнице нашей, младшим братьям и сыновьям выдели из долю, состоящую из людей, живущих за войлочными стенами, так называемых подданных (ирген); а затем выдели и разверстай по районам население, пользующееся деревянными дверьми. Никто да не посмеет переиначивать твоего определения!" Кроме того он возложил на Шиги-Хутуху заведывание Верховным общегосударственным судом - Гурдерейн-Дзаргу, указав при этом.: "Искореняй воровство, уничтожай обман во всех пределах государства. Повинных смерти - предавай смерти, повинных наказанию или штрафу - наказуй". И затем повелел: "Пусть записывают в Синюю роспись "Коко Дефтер-Бичик", связывая затем в книги, росписи по разверстанию на части всеязычных подданных "гур-ирген", а равным образом и судебные решения. Я на вечные времена да не подлежит никакому изменению то, что узаконено мною по представлению Шиги-Хутуху и заключено в связанные (прошнурованные) книги с синим письмом по белой бумаге. Всякий виновный в изменении таковых подлежит ответственности". Говорил ему Шиги-Хутуху: "Как же может приемный брат, как, например, я сам, получать наследственную долю наравне с единокровными младшими братьями? Не благоугодно ли будет кагану выделить мне долю из городов с населением, пользующимся глинобитными стенами?" - "Сам будешь производить исчисление, сам и сделай это по своему усмотрению!" - ответил на это государь. Добившись для себя таких милостей, Шиги-Хутуху вышел, позвал и ввел нойонов Боорчи, Мухали и прочих.
§ 204. Тогда Чингис-хан, обратясь к Мунлику-отцу, сказал:
"У тебя на глазах я родился.
У тебя на глазах я и рос.
Сколько раз ты покровом мне был,
Благовещий, святой, мой Мунлик.
["Тот, с которым я, рождаясь, будто бы вместе родился; тот, при котором, возрастая будто бы, вместе возрастал, - благовещий, блаженный ты..."]
Напомню же. Не удержи меня ты, Мунлик-отец, когда я заночевал у тебя по дороге к заманившим меня хитростью отцу Ван-хану и другу Сангуму не отговори меня ты. отец Мунлик, попал бы я, как говорится, в полую воду да в жаркое полымя. И одну помянутую услугу как забыть и потомкам потомков? В память этой-то заслуги буду сажать тебя на самом высоком месте, вот в этом углу, и усердно буду думать о том, какою бы милостью или наградой взыскать тебя сообразно времени года или месяца. Многая лета тебе, исполать!"!
§ 205. Потом, обращаясь к Боорчи, Чингис-хан сказал: "Ты повстречался мне на дороге после трехдневного преследования ограбивших у нас восьми соловых меринов. Ты сказал тогда: "Я поеду в товарищах, ты ведь и так намучился один. И, не сказавшись даже отцу, ты спрятал в степи свои подойники и кадки, которые служили тебе при подое кобыл, пустил на пастьбу моего куцего светлосолового, посадил меня на своего черногривого белого, сам сел на своего быстрого буланого и, оставив на произвол судьбы свой табун, поспешил со мною. Вместе мы тронулись из степи и еще трое суток шли по следам, пока не подъехали к куреню похитителей соловых и не увидали их на краю куреня. Мы отбили их тут же, грабежом, с тобою вдвоем. Ведь отец твой - богач Наху, а ты у него единственный сын. Что такое знал ты обо мне, что поехал со мною в товарищах? Нет ты оказывал мне услугу, как рыцарь, как герой. Когда же потом, помня все времена об этом, я послал к тебе Бельгутая с предложением моей дружбы, ты и явился ко мне как друг:

На горбуна ты буланого сел,
Серый армяк за седло перекинул.
Как раз в это время пожаловали к нам и три Меркита. Трижды они облагали Бурхан, и ты был в осаде со мною. И еще. Ночевали мы в Далан-нэмургесе, стоя против Татар. День и ночь шел проливной дождь. И вот ночью, чтобы дать мне уснуть, ты, прикрывая меня своим плащом и не давая дождю попадать на меня, как вкопанный простоял до утра, и только единственный раз ты переменил ногу. Это ли не доказательство твоего рыцарства! И стоит ли после того перечислять другие твои рыцарские поступки? Боорчу с Мухалием так и влекли меня вперед, лишь только я склонялся к правому делу, так и тянули назад, когда я упорствовал в несправедливости своей: это они привели меня к, нынешнему сану моему. Сиди же ныне всех выше, и да не вменятся тебе девять проступков. Пусть Боорчу ведает тьмою Правого корпуса, прилегающей к Алтаю".
§ 206. Затем, обратясь к Мухали, Чингис-хан сказал ему: "Когда-то, в Хорхонак-чжубуре, мы расположились под тем развесистым деревом, где некогда плясал хан Хутула. По той печати Перста Небесного, которою были запечатлены в ту пору слова Мухали, я вспомнил отца его Гуун-гоа, и вот полностью сбываются слова Мухали. Потому при восшествии на престол и дан ему титул го-ван с тем, чтобы это звание го-вана, т. е. князя языков, усвоялось и потомкам потомков Мухали. Пусть же Мухали Го-ван ведает тьмою Левого корпуса, примыкающей к Хараун-чжидуну".
§ 207. Сказал Чингис-хан Хорчию: "Ты предсказал мне будущее, с юности моей и по сей день в мокроть мок со мною, в стужу - коченел. Ты, Хорчи, помнишь, говорил: "Когда сбудется мое предсказание, когда Небо осуществит твои мечты, дай мне' тридцать жен. А так как ныне все сбылось, то я и жалую тебя: выбирай себе тридцать жен среди первых красавиц этих покорившихся народов". И он повелел: "Пусть Хорчи ведает не только тремя тысячами Бааринцев, но также и пополненными до тьмы Адаркинцами, Чиносцами, Тоолесами и Теленгутами, совместно, однако, с (тысячниками) Тахаем и Ашихом. Пусть он невозбранно кочует по всем кочевьям вплоть до при-Эрдышских Лесных народов, пусть он также начальству! над тьмою Лесных народов. Без разрешения Хорчи Лесные народы не должны иметь права свободных передвижений. По поводу самовольных переходов - нечего задумываться!"
§ 208. Затем обратился Чингис-хан к Чжурчедаю: "Вот главная заслуга твоя. Перед битвой с Кереитами при Харахалчжит-элетах друг Хуилдар произнес обет. Исполнение же его принадлежит тебе, Чжурчедай. Исполняя его, ты, Чжурчедай, ударил на врага. Ты опрокинул всех и Чжиргинцев, и Тубеганцев, и Дунхаитов, и тысячу отборной охралы Хори-Шилемуна. Когда же ты продвинулся до Главного среднего полка, то стрелою -у чумах ты ранил в щеку румяного Сангума. Вот почему. Вечное Небо открыло нам двери и путь. Ведь неизвестно, как повернулось бы дело, если бы Сангум не был ранен. Вот это и есть главная заслуга Чжурчедая. После того, как мы, отступая оттуда, шли вниз по течению Халхи, я чувствовал себя с Чжурчедаем, как за сенью высокой горы. Далее пришли мы к водопою на озере Бальчжуна-наур. Потом, выступая в поход с Бальчжуна-наура, я выслал Чжурчедая с передовым отрядом. В Кереитском походе, мы, восприяв умножение сил от Неба и Земли, сокрушили и полонили Кереитский народ. Когда же мы, таким образом, выключили из объединения главнейший улус, то Найманы и Меркиты пали духом и не смогли уже оказать нам сопротивления. Они были полностью рассеяны и разорены. В погибельной судьбе Меркитов и Найманов уцелел Кереитский Чжаха-Гамбу с улусом своим, благодаря двум своим дочерям. Но он вторично возмутился и ушел. Чжурчедай же заманил его, искусным движением захватил его и прикончил. Таким образом улус Чжаха-Гамбу был отвоеван. Вот это - Другая заслуга Чжурчедая.
Жизнью он жертвовал в сечах кровавых,
Изнемогал он в боях роковых".
["За то, что он в смертном бою жертвовал жизнью своей; за то, что в кровавых сечах изнемогал (не щадил живота").]

И в воздаяние за эти заслуги Чингис-хан отдавая ему супругу Ибаха-беки, сказал ей: "Я не пренебрегал ни разумом твоим, ни красотою. И если я от сонма находящихся у лона моего и подножия ног моих отдаю тебя, как высшую милость мою к нему, отдаю тебя Чжурчедаю, то это потому, что я памятую о великом долге благодарности. Ведь
Чжурчедай
В дни боевые
Щитом мне служил,
А для врагов
Невидимкою был.
Разъединенный народ
Он воедино собрал,
А раздробленный народ
Он в одно тело спаял.
["В дни битв был щитом моим, был щитом моим против врагов; разделенное царство соединил, разъединенное царство собрал..."]
И вот за эти-то заслуги и памятуя о законе долга, я и отдаю тебя ему. В грядущие дни сядут на престол мой потомки мои. Пусть же помнят они об этих заслугах, пусть помнят о законе долга и да будут нерушимы мои слова! Сан Ибахи никогда не должен пресекаться!" Потом Чингис-хан обратился лично к Ибахе: "Твой отец, Чжаха-Гамбу, дал тебе в приданое двух поваров - Ашнк-Темура-бавурчи и Алчих-бавурчи, да две сотни крепостных-инчжес. Теперь ты уходишь к Уруутам. Подари ж мне на память своего Ашик-Темура и сотню людей!" И он принял этот подарок. Потом Чингис-хан сказал Чжурчедаю: "Вот я отдал тебе свою Ибаху. Не тебе ли и начальствовать над четырьмя тысячами своих Уруутов?"; И он соизволил отдать об этом приказ.

IX. ПРОДОЛЖЕНИЕ ПРЕДЫДУЩЕЙ. ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ГВАРДИИ.

§ 209. Потом говорил Чингис-хан, обратясь к Хубилаю:
"Сильным ты шею сгибал,
Борцов на лопатки ты клал.
["Сильным ты пригнетал выю, борцам пригнетал ягодицы..."]
А этих вот четверых моих дворовых псов - Хубилая с Чжельме да Чжебе с Субеетаем, когда бывало отправлял в поход, то
Им молвишь: "Вперед, на врага!"
И кремень они сокрушат.
Назад ли прикажешь подать -
Хоть скалы раздвинут они,
Бел-камень с налету пробьют,
Трясины и топи пройдут.
["Скажешь: "кюр!" (вперед, нападай) - кремень сокрушали. Скажешь "гар!" (выходи, отбой) - скалы разделяли, бел-камень дробили, топи пересекали..."]
И рассеивались, бывало, все мои тревоги и заботы, когда в надлежащее место я посылал вас, четырех моих дворовых псов Хубилая с Чжельме да Чжебе с Субеетаем, или когда в день битвы около меня четыре моих витязя-кулюка Боорчу с Мухали да Борохул с Чилаун-Баатыром, а впереди, со своими Уруутами и Мангутами, - Чжурчедай с Хуилдаром. Не тебе ль, Хубилай, и стать во главе всего военного дела?" - сказал он и дал повеление. "А Бедууном, - продолжал он, - Бедууном я недоволен за его упрямство, и потому не дал ему тысячи. Вразуми его ты сам, и пусть под твоим руководством начальствует над тысячью, а потом мы посмотрим!"
§ 210. Генигесскому же Хунану Чингис-хан сказал так: "Я скажу, чем был для вас этот Хунан. Для вас Боорчу с Мухалием и прочими нойонами, как и для вас Додай с Дохолху и прочими чербиями:

В черную ночь обернется он волком,
Белым же днем - черным вороном станет.
Коли стоянка - не тронется с места,
Коли поход - остановок не знает.
Перед высоким - не знал лицемерья,
Как откровенности - перед врагом.
["Черною ночью - черным вороном: белым днем - волчьим кобелем оборачивался. Кочевать - так не отжал; отдыхать - так не кочевал. С гордым (знатным) человеком - в другую личину не рядился (не менял лица). С человеком врагом - лица не ронял..."]
А потому ничего не предпринимайте, не посоветовавшись с Хунаном и Коко-Цосом!" - сказал он и продолжал: "Чжочи - мой старший сын, а потому тебе, Хунан, надлежит, оставаясь во главе своих Генигесцев в должности нойона-темника, быть в непосредственном подчинении у Чжочи". Так повелел он и сказал: "Эти четверо - Хунан с Коко-Цосом да Дегай с Усун-Евгеном - из таких людей они, которые виденного не скроют, слышанного не утаят".
§ 211. Обратился тогда Чингис-хан к Чжельмею и сказал: "При самом моем рождении спустился к нам с Бурхан-халдуна Чжардчиудай-Евген, с кузнечным мехом за плечами и со своим Чжелмеем, малюткой от колыбели. Он подарил для меня собольи пеленки.
Вступив в дружину мою вот с каких пор, Чжельме,
Рабом при пороге,
Моим вратарем ты служил.
И много заслуг у Чжельме!
О счастья предвестник святой,
В собольих пеленках рожден;
Родиться - со мной ты родился,
Расти - так со мною ты рос.
За девять проступков взысканья
Минуют тебя, мой Чжельме!"
["О блаженный счастливый Чжелме, родившийся в собольих пеленках! Когда родился я - и ты родился; я рос - и ты рос вместе. Будь же ты свободен от взысканий за девять проступков!"]
§ 212. Затем, обращаясь к Тулуну, Чингис-хан сказал: "Зачем вам, отцу с сыном, ведать отдельными тысячами? Ведь в собирании государства ты трудился словно второе крыло у отца твоего. За собирание царства ты и получил сан чербия. Ныне из тех людей, что стяжал ты своими трудами, составилась тысяча. Тебе и править ею общим советом с Туруханом". Сказал и отдал повеление.
§ 213. Потом сказал Чингис-хан Онгуру-кравчему: "Ты ведь был со мною одним куренем. Ты, Онгур, сын Мунгету-Кияна, со своими Чаншиутами и Баяутами, да еще три Тохураута да пять Тархутов. Ты, мой Онгур,
В туман не терял ты дороги,
А в смуту был верен ты мне.
Со мною ты мокнул в ненастье,
Со мною в мороз коченел.
["В туман - не терял дороги, в схватках не отставал ты. В мокроть - мокну! вместе со мной, в стужу - мерз вместе со мной ..."]
Какую же ныне награду ты хочешь?" - "Если мне дозволено, - отвечал Онгур, - если мне дозволено выбирать, то дозволь мне собрать воедино братьев моих Баяутов, которые разбросаны и разметаны по всем концам". - "Хорошо - изволил он повелеть, - разрешаю тебе собрать твоих братьев Баяутов. Будь у них тысячником". И еще сказал Чингисхан: "Когда вы, двое моих кравчих Онгур и Бороул, так раздаете яства направо и налево, что не обнесены ни те, что сидят направо, ни те, кто сидит налево, тогда я спокоен душой и не першит у меня в горле. Теперь вы будете распределять всем пищу и в походное время. Занимая положенное вам место, внимательно наблюдайте за раздачею яств направо и

налево от Великой винницы, сами же помещайтесь прямо напротив Толуна с его помощниками". И он сам указал им место.
§ 214. Обратился потом Чингис-хан к Борохулу: "Четверо вас у матери моей: Шиги-Хутуху с Борохулом да Кучу с Кокочуем.
Вас четверых на полу подобрали.
Мать же баюкала вас на коленях,
Словно родных сыновей пестовала.
За ворот каждого кверху тянула -
К людям равнять все старалась, родная.
За плечи каждого кверху тащила -
К мужам равнять все старалась, болезная.
["С полу поднятых на коленях своих нянчила; как родных детей пестовала. За шею тянула - с людьми равняла; за плечи тащила с мужами равняла..."]
Воспитывала же вас она с надеждою, что станете вы для ее сыновей дружеской сенью. За то и отблагодарили же вы мою мать! И вот каким другом был ты мне, Борохул:
В дальних походах ли,
В ночи ль ненастные
Лечь натощак не давал.
Враг ли напротив нас -
Супу не выпивши
Ты мне уснуть не давал.
["В спешных походах, в ненастные ночи не оставлял меня на ночь голодным. Стояли лицом к лицу с неприятелем, и ты не оставлял меня на ночь без похлебки-шолюна..."]
Потом, когда мы сокрушили ненавистных врагов Татар, этих убийц дедов и отцов наших, когда мы, в справедливое возмездие за их злодеяния, поголовно истребили Татарский народ, примеряя детей их к тележной оси, тогда спасся и скитался одиноким бродягой татарин Харгил-Шира. Но и его голод загнал к нам. Вошел он в материнскую юрту и говорит "Лишь подаянья прошу я". А мать говорит ему: "Раз ты просишь подаянья, то сядь там". И по ее указанию он сел на край скамьи, стоявшей направо, у дверей. В это время вошел со двора пятилетний Толуй. Когда же потом он стал опять выбегать на двор, Харгил-Шира встал, схватил ребенка под мышку, выскочил и, пошарив на ходу, выхватил нож. А Борохулова жена Алтани в ту пору сидела в материнской юрте, слева. Не успела мать вскрикнуть "погубит ребенка", как Алтани выскочила, бросилась за Харгил-Шираем, догнала и, ухватив его сзади за косу, другою рукой так рванула его за руку, заносившую нож, что нож выпал. В это время Чжетай с Чжельмеем за юртой резали, распялив, черную комолую корову. Услыхав крики Алтани, Чжетай с Чжельмеем бросились к ней на помощь с топорами в окровавленных руках. Тут же топорами и ножами своими они прикончили Харгил-Ширая. И заспорили тут все трое - Алтани да Чжетай с Чжельмеем. Заспорили о том, кто главный виновник спасения ребенка. Чжетай с Чжельме говорят: "Не будь нас да не подоспей мы прибежать и уложить его, что могла бы поделать с ним одна женщина, одна Алтани? Ясно, что он успел бы сгубить ребенка. Заслуга-то, выходит, наша!" Алтани же и говорит им:
"Не услышь вы моего крика о помощи, чего бы вам и бежать было? А вот если бы я не догнала его да не вцепилась ему в косу, да не рванула за руку, так что выпал уже занесенный нож, то он непременно успел бы погубить ребенка раньше, чем подоспели бы Чжетай с Чжельмеем". В конце концов заслугу спасения ребенка оставили за Алтани.
Итак, Борохулова жена, его вторая оглобля, спасла жизнь Толую. Далее, в битве с Кереитами при песках Хара-халчжит упал раненый в шейную артерию Огодай. Спешившись около него с отрядом, Борохул стал отсасывать у него из раны запекавшуюся кровь. Он провел ночь около раненого, а утром, так как Огодая невозможно было посадить на коня одного, он сел с ним вместе сундлатом. Обнимая Огодая сзади, он все время отсасывал запекавшуюся кровь, пока благополучно не доставил его на место, издали краснея окровавленными углами своего рта. Так, в благодарность за труды и

заботы моей матери, он спас жизнь двоим моим сыновьям! И был он мне таким другом, который не медлил откликнуться на призыв или вопль о помощи. Пусть же не вменяются в вину Борохулу девять проступков!"
§ 215. Затем он обещал пожаловать награды также и женщинам, членам ханского рода..
§ 216. Потом сказал Чингис-хан, обратись к старцу Усуну: "Усун, Хунан, Коко-Цос и Дегай - из таких людей, которые не скрывают и не таят слышанного и виденного и говорят то, что думают. По Монгольской Правде существует у нас обычай возведения в нойонский сан - беки. В таковой возводятся потомки старшего сына Бодончара, Баарина. Сан беки идет у нас от самого старшего в роде. Пусть же примет сан беки - старец Усун. По возведении его в сан беки, пусть облачат его в белую шубу, посадят на белого коня и возведут затем на трон. Итак, пусть назначает и освещает нам годы и месяцы!"
§ 217. Потом Чингис-хан повелел: "За то, что друг Хуилдар на брани живот свой положил, пусть получают сиротское пособие даже и потомки потомков его!"
§ 218. Сказал затем Чингис-хан Нарин-Тоорилу, сыну Чаган-гоа: "Твой отец, Чаган-гоа, пал в бою при Далан-балчжутах от руки Чжамухи, пал, ревностно сражаясь пред моими очами. Пусть же теперь Тоорил, за службу своего отца, получает сиротское пособие". Тогда Тоорил и говорит: "Как изволит то ведать государь, мои братья - племя Негус - рассеяны по всем концам. Не будет ли мне оказана милость - собрать воедино моих братьев - племя Негус?" - "Быть по сему" - отвечал Чингис-хан. "Не подобает ли тебе и править наследственно собранными воедино твоими братьями, племенем Негус?" - сказал и отдал повеление.
§ 219. Потом Чингис-хан обратился к Сорхан-Шираю и сказал ему: "В юности моей я был схвачен братоненавистником Таргутай-Кирилтухом. Зная, что я схвачен из-за братской зависти и ненависти, Сорхан-Шира, с сыновьями своими Чилауном и Чимбо, спрятал меня, поручив заботам своей дочери Хадаан. Об этой услуге, об этом вашем благодеянии я не забываю ни темною ночью - во сне, ни белым днем - наяву. Вы же поздновато перешли ко мне от Тайчиудов. Какая же награда вам будет теперь по душе?" Тогда Сорхан-Шира, с сыновьями своими Чилауном и Чимбо, сказал: "Не благоволишь ли разрешить, пожаловать нам дарханное кочевье? Не предоставишь ли нам в дарханное кочевье Меркитские земли по Селенге? Если же и другая какая милость будет, - на то воля государя Чингис-хана". На это Чингис-хан сказал: "Занимайте же вы своим кочевьем Селенгу, Меркитскую землю, и будьте вы ее невозбранными, дарханными пользователями. Дарханствуйте даже до потомков ваших и приказывайте носить свой сайдак и провозглашать у себя чару-оток. Будьте свободны от взысканий за девять проступков". И затем Чингис-хан обратился с милостивым словом к Чилауну и Чимбо: "Как мне отблагодарить вас, Чилаун и Чимбо, за те незабвенные слова, которые вы сказали когда-то, Чилаун и Чимбо! Если когда вам понадобится высказать мне свои пожелания, если когда вам придется попросить меня о какой нужде своей, никогда не обращайтесь ко мне через посредников. Сами лично приходите ко мне и сами лично с глазу на глаз высказывайте мне желания свои и просите о нуждах своих!" Так он повелел и присовокупил: "Дарханствуйте же вы Сорхан-Шира, как и Бадай с Кишлихом, а посему получайте в свое единоличное и нераздельное пользование всю ту добычу, которую найдете в походе ли на врага, или в облавах на дикого зверя. Кто был Сорхан-Шира? Крепостной холоп, арат, у Тайчиудского Тодеге. А кем были Бадай с Кишлыком? Цереновскими конюхами. Ныне же вы - мои приближенные. Благоденствуйте же в вашем дарханстве, велите носить свой сайдак и провозглашать у себя чару-оток".
§ 220. Потом обратился Чингис-хан к Наяа и сказал: "Когда Ширгету-Евген схватил, вместе со своими сыновьями Алахом и Наяа, схватил Таргутай-Кирилтуха и вез его к нам, то по дороге, в Кутухулноудах, Наяа сказал: "Как можно ехать со схваченным нами же природным своим ханом? И вот, по его совету, отпустили Таргутая, не причинив ему никакого зла. А когда затем Ширгету-Евген явился ко мне со своими сыновьями, Наяа-бильчиур сказал: "Мы наложили, было, руки на своего хана Таргутая-Кирилтуха и везли

его к тебе, но потом отпустили его, не смея причинить ему зла, а сами вот пришли предложить свою службу государю Чингис-хану". Тогда я сказал ему: "Если бы только вы пришли ко мне со своим ханом, на которого сами же наложили руки, то что бы иное можно было сказать про вас, кроме следующего: какое может быть доверие к крепостным людям после того, как они сами наложили руки на своего природного государя? Но раз вы уверяете, что не посмели причинить зла своему хану, то это значит, что вы памятовали о Законе, о Великой Правде, Еке-Торе". И я обещал тогда поручить тебе какое-нибудь дело. Теперь я поручил тьму Правого корпуса ведению Боорчу, а тьму Левого корпуса - Мухалию, коему присвоил звание го-ван. Ведай же ты, Наяа, Центральною тьмою". И он отдал повеление.

§ 221. "Пусть равно также и Чжебе с Субеетаем начальствуют над теми тысячами, которое они стяжали своими собственными трудами" - сказал он.

§ 222. Тысячу же поручил также и в ведение овечьего пастуха Дегая, приказав набрать ее с разных концов.

§ 223. Потом недоставало людей для плотника Гучугура. Тогда собрали по разверстке с разных концов и просто присоединили их к Мулхалху из племени Чжадаран. "Пусть Гучугур начальствует тысячей общим советом с Мулхалху" - приказал он.

§ 224. Итак, он поставил нойонами-тысячниками людей, которые вместе с ним трудились и вместе созидали государство; составивши же тысячи, назначил нойонов-тысячников, сотников и десятников, составил тьмы и поставил нойонов-темников; оказав милости нойонам-темникам и тысячникам, достойным этих милостей, о чем были изданы соответствующие указы, Чингис-хан повелеть соизволил: "В прежние времена наша гвардия состояла из 80 кебтеулсунов и 70 турхах-кешиктенов. Ныне, когда я, будучи умножаем, пред лицом Вечной Небесной Силы, будучи умножаем в силах небесами и землей, направил на путь истины всеязычное государство и ввел народы под единые бразды свои, ныне и вы учреждайте для меня сменную гвардию - кешиктен-турхах, образуя оную путем отбора изо всех тысяч и доведя таковую до полного состава тьмы (10000), считая в ее составе как кебтеулов, так ихорчннов итур-хахов". К сему повелению следовал указ государя Чингис-хана относительно избрания и пополнения кешиктенов: "Объявляем во всеобщее сведение по всем тысячам о нижеследующем. При составлении для нас корпуса кешиктенов надлежит пополнять таковой сыновьями нойонов-темников, тысячников и сотников, а также сыновьями людей свободного состояния, достойных при этом состоять при нас как по своим способностям, так и по выдающейся физической силе и крепости. Сыновьям нойонов-тысячников надлежит явиться на службу не иначе, как с десятью товарищами и одним младшим братом при каждом. Сыновьям же нойонов-сотников - с пятью товарищами и одним младшим братом при каждом. Сыновей нойонов-десятников, равно и сыновей людей свободного состояния, каждого, сопровождают по одному младшему брату и по три товарища, причем все они обязаны явиться со своими средствами передвижения, коими снабжаются на местах. В товарищи к сыновьям нойонов-тысячников люди прикомандировываются на местах, по разверстке от тысяч и сотен, для той цели, чтобы усилить составляемый при нас корпус. В том размере, в каком будет нами установлено, надлежит снабжать на местах, по разверстке, отправляющихся на службу сыновей нойонов-тысячников, вне всякой зависимости от того, какую кто из них наследственную долю получил от отца своего или от того имущества и людей, какие кто из них приобрел собственными трудами. По этому же правилу, т. е. независимо от принадлежащего им лично имущества, подлежат снабжению по разверстке также и сыновья нойонов-сотников и лиц свободного состояния отправляющихся на службу также в сопровождении трех товарищей". Так гласил указ, и далее: "Нойоны-тысячники, сотники и десятники обязуются довести об этом нашем указе до всеобщего сведения. После же надлежащего обнародования сего указа все виновные в его нарушении подлежат строгой ответственности. Буде окажутся люди, проявляющие нерадение в деле пополнения состоящей при нас гвардейской стражи или даже выражающие несогласие

состоять при нас, то в таковых случаях надлежит командировать к нам, вместо них, других людей, а тех подвергать правежу и ссылать с глаз долой в места отдаленные". Так повелевалось с присовокуплением: "Никоим образом не удерживать направляющихся к нам крепостных - аратов, которые хотели бы обучаться во дворце и состоять при нас".
§ 225. Во исполнение указа Чингис-хана произвели набор от тысяч отобрали также, согласно указу, сыновей сотников и десятников и откомандировали их. Раньше, как известно, было 80 человек кебтеулов - ночной стражи. Теперь их число довели до 800, а затем поведено было пополнить их до 1000. При этом поведено никому не возбранять вступления в кебтеулы. Командующим гвардейским полком кешиктенов ночной стражи был назначен Еке-Неурин. Еще прежде было набрано 400 кешиктенов-стрельцов, хорчи-кешиктен. По сформировании их, командующим стрельцами был назначен Есунтее, Чжельмеев сын, совместно с Тугаевым сыном, Букидаем. При этом было поведено: "Вместе с дневной стражей турхаутов, в каждую очередь вступают также и стрельцы-лучники в следующем порядке: в первую очередь вступает во главе своих стрельцов - Есунтее; во вторую - Бугидай; в третью - Хорхудак, и в четвертую - Лаблаха. Под своим же начальством они вводят в каждую очередь и смену турхаутов, носящих сайдаки. Отряд стрельцов пополнить до 1000 и передать под команду Есунтее".
§ 226. "Прежний отряд турхаутов, вступивший в службу вместе с чербием Оголе, пополнить до 1000 и передать под команду чербия Оголе же, из родичей Боорчу. Один тысячного состава полк торхаутов передать под команду Мухалиева родича - Буха; другую тысячу турхаутов передать под команду Алчидая, из родичей Илугая; третью - чербию Додаю; четвертую - чербию Дохолху; пятую - родичу Чжурчедая - Чанаю; шестую - Ахутаю, из родичей Алчи. В седьмой полк, из отборных богатырей, поставить командиром Архай-Хасара. Этому полку быть несменяемым, повседневным полком - гвардии турхаутов. В военное время быть ему передовым отрядом богатырей". Итак, командированные по избрадию от тысяч гвардейцы турхауты составили отряд в 8000. Ночной стражи - кебтеулов, вместе со стрельцами-лучниками, также стало 2000. И всего- - отряд в 10000 человек - тьма кешиктенов. Чингис-хан повелеть соизволил: "Наша личная охрана, усиленная до тьмы кешиктенов, будет в военное время и Главным средним полком".
§ 227. Старейшинами четырех очередей Дневной стражи турхаутов Чингис-хан назначил следующих лиц и установил следующий порядок дежурств: в первую очередь вступает со своими кешиктенами и командует ими - Буха; во вторую - Алчидай, в третью - Додай-черби и в четвертую - Дохолху-черби. По назначении старейшин очередей был назначен во всеобщее сведение следующий распорядок несения дежурной службы: "Вступив в дежурство, дежурный начальник делает перекличку дежурным кешиктенам и сменяется затем по истечении трех суток с момента вступления в дежурство. За пропуск дежурства пропустившего оное дежурство наказывать тремя палочными ударами. Того же дежурного за вторичный пропуск дежурства наказывать семью палочными ударами. Того же дежурного за пропуск дежурства в третий раз, если при этом он был здоров и не испросил разрешения на отлучку у дежурного начальника, наказать тридцатью м семью палочными ударами и, по признании его не желающим состоять при нас, сослать в места отдаленные. Дежурные старейшины обязуются объявлять этот приказ каждой трехдневной смене. Если приказ не объявлялся, ответственность за последствия будут нести дежурные старейшины. Кешиктены же подвергаются законным взысканиям лишь в том случае, если они пропускают дежурства вопреки объявленному им приказу. Дежурные старейшины, невзирая на их старшинство, не должны учинять самовольной расправы, без особогонашего на то разрешения, над теми моими кешиктенами, которые вступили на службу одновременно со мною, с ровесниками моими по службе. О случаях предания кешиктенов суду надлежит докладывать мне. Мы сами сумеем предать казни тех, кого следует предать казни, равно как и разложить и наказать палками тех, кто заслужил палок. Те же лица, которые, уповая на свое старшинство, позволят себе пускать

в ход руки или ноги, такие лица получат возмездие: за палки - палки, а за кулаки - кулаки же!"
§ 228. И еще повелел государь Чингис-хан: "Мой рядовой кешиктен выше любого армейского начальника-тысячника. А стремянной моего кешиктена выше армейского начальника - сотника или десятника. Пусть же не чинятся и не равняются с моими кешиктенами армейские тысячники: в возникающих по этому поводу ссорах с моими кешиктенами ответственность падет на тысячников".
§ 229. И еще повелел государь Чингис-хан: "Ко всеобщему сведению дежурных офицеров. Вступив в дежурство и отбыв каждый на своем посту дневную службу, стрельцы-турхауты еще засветло сменяются кебтеулами и проводят ночь вне дворца. При нас же ночной караул несут кебтеулы, которым, при своей смене, и сдают: стрельцы - свои сайдаки. а повара-бавурчины - свою посуду. Проведя ночь вне дворца, стрельцы-турхауты и повара-бавурчины, пока мы кушаем бульон-шилюн, размещаются сидя у коновязи и договариваются с кебтеулами. После завтрака они расходятся по своим местам: стрельцы - к своим сайдакам, турхауты - к своим помещениям, бавурчины - к своей посуде. По этому правилу и в том же порядке вступает в дежурство каждая очередь. Тех людей, которые после заката солнца будут ходить без разрешения сзади или спереди дворца, кебтеулы обязаны задерживать на ночь, а утром подвергать допросу. Кебтеулы, сменяя друг друга, вступают в дежурство по сдаче своих значков. По сдаче же таковых они и уходят, сменяясь с дежурства. На ночь кебтеулы размещаются на своих постах вокруг дворца. Кебтеулы, стоящие на страже у ворот, обязаны рубить голову по самые плечи и плечи на-отвал всякому, кто попытался бы ночью проникнуть во дворец. Если кто явится ночью с экстренным сообщением, обязан сказаться об этом кебтеулам и затем, вместе с кебтеулом же, передавать сообщение, стоя у задней стены юрты. Никто не смеет садиться выше места расположения кебтеулов, никто не смеет входить, не сказавшись кебтеулам. Никто не должен ходить мимо постов кебтеулов. Никто не должен ходить и возле кебтеулов. Не дозволяется также расспрашивать о числе кебтеулов. Проходящего мимо кебтеулов последние обязаны задержать, равно как и того, кто ходил возле кебтеулов. У того, кто расспрашивал о числе кебтеулов, кебтеулы должны отобрать лошадь, на которой тот ехал в тот день, вместе со всей сбруей и одетым на нем платьем. Помните, как был задержан за хождение ночью мимо кебтеулов даже и сам верный наш Элчжигидай".

X. ГВАРДИЯ ЧИНГИС-ХАНА. ПОХВАЛА ГВАРДИИ. ПОКОРЕНИЕ УЙГУРОВ И ЛЕСНЫХ НАРОДОВ. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ УДЕЛОВ. РАСПРАВА С ВОЛХВОМ ТЕБ-ТЕНГРИЕМ.

§ 230. "Тучами небо ночное закрыто,
Ты ж на посту, моя верная стража:
С дымником юрту мою стережешь ты,
Плотным ее облегаешь ты кругом -
Сон навеваешь на вежды мне крепкий.
Ты ведь и в сан возвела меня царский.
* * *
Звездами, небо ночное горит.
Ты же мой сон безмятежный в постели
Чутко блюдешь, моя стража ночная,
Юрту-дворец мой кругом обступая.
К сану высокому ныне меня
Ты, благовещая стража, взнесла!
* * *

Сетью ль сплетутся дожди в непогоду,
Иль все живое мороз цепенит,
Ливень ли льет непрерывным потоком -
Ты ж - все вокруг моей юрты сетчатой,
О благоверная стража ночная.
Сердцу ты радость, моя легкокрылая,
Стража ночная моя, Кебтеул!
В радостный сан ты меня вознесла.
В бурю-невзгоду военную
Юрту с подолом мою окружала
Ты, во мгновение ока встающая,
Верная стража моя, Кебтеул!
* * *
Берестяного сайдака
Только рукою коснись -
Вся во мгновение ока встает
Бодрая стража моя, Кебтеул.
* * *
Звучным колчаном из ивы
Только ударь еле слышно -
Медлить не станешь ты,
Быстрая стража моя,
О благовещий ты мой, Кебтеул!
* * *
Славьте же старою стражей ее!
И турхаутом великим зовите
Семьдесят тех турхаутов, что вместе
С чербием Оголе в службу вступили.
* * *
Славьте же старыми богатырями
Богатырей под началом Архая!
Также Хорчином Великим зовите
Есунтее с Бугидаем стрельцов!"
["В пасмурные облачные ночи юрты мои, имеющие дымники, кругом облегала ты крепко убаюкивала меня во дворце, старая стража моя. Ты и на этот трон возвела меня.
"В звездные ночи дворцы мои кругом облегала, на постели моей не давала метаться в тревоге, благословенная стража моя. На высокий престол возвела меня ты!
"В переплетающиеся дожди, в трескучие морозы, в проливные дожди решетчатые юрты мои окружала ты, во мгновение ока поднималась, верная стража моя, упокоившая сердце. Ты и на радостный трон возвела меня.
"Среди коварных врагов, окружая юрты мои с подолами, ты во мгновение ока поднималась на защиту, верная стража моя!
"На малейший стук берестяного колчана немедлительно откликавшаяся стража моя!
"На едва заметный стук березовых луков не запаздывавшая, быстроходная стража моя, благословенная стража моя!
"Называйте ж ее старою стражей, называйте Великим Турхаутом - тех 70 турхау-тов, которые вступили в службу вместе с Оголе-чербием.
"Называйте же старыми богатырями Архаевых богатырей. Зовите великими стрель-дами Есунтеевых и Бугидаевых стрельцов!"]
Так он изволил говорить.
§ 231. "Пусть же и потомки потомков моих, которые некогда будут снимать мой престол, пусть они берегут как память обо мне от всяких забот и горя тот десятитысячный корпус моих личных кешиктенов, которые избраны от девяноста и пяти тысяч, чтобы состоять лично при мне. Разве не превыше добрых гениев хранителей были мне эти десять тысяч кешиктенов!" Так он изволил говорить.

§ 232. Еще говорил Чингис-хан: "В ведении кебтеулов состоят придворные дамы-чербин и девушки, домочадцы, верблюжьи пастухи - темечины и коровьи пастухи - хукерчины;на попечении тех же кебтеулов находятся и дворцовые юрты-телеги. Знамена, барабаны и копейные древка также хранят кебтеулы. Они же имеют наблюдение и за нашим столом. Равным образом кебтеулы имеют наблюдение за тем жертвенным мясом и пищей, которые предназначаются для тризн на могильниках. Всякие растраты продовольственных припасов взыскиваются с заведывающих таковыми кебтеулов. При раздаче питья и кушаний, стрельцы-хорчины обязаны начинать раздачу с кебтеулов, самую же раздачу производить не иначе, как по разрешению кебтеулов. Кебтеулы имеют наблюдение за всеми входящими л выходящими из. дворца. При дверях должен постоянно дежурить дверник-кебтеул, около самой юрты. Двое из кебтеулов состоят при Великой Виннице. От кебтеулов же назначается кочевщик-нунтуучин, который устраивает на стоянку и дворцовые юрты. Когда мы отбываем на соколиную охоту или звериную облаву, в таковых наших занятих принимают участие и кебтеулы, оставляя, однако, известную часть кебтеулов, соображаясь с обстоятельствами и временем, при юртовых телегах".
§ 233. И еще говорил Чингис-хан: "Если мы самолично не выступаем на, войну, то и кебтеулы без нас да не выступают на войну. При таковом нашем ясном повелении будем привлекать к строжайшей ответственности тех ведающих военными делами чербиев, которые пошлют кебтеулов на войну, злонамеренно нарушив наше повеление. Вы спросите, почему же не подлежат посылке на войну кебтеулы? Прежде всего потому, что именно кебтеулы пекутся о нашей златой жизни. А легко ли проводить ночи, охраняя нашу особу? Легко ли попечение о Великом Аурухе и во время И ночевок и на стоянках? Итак, без нас самих не отправлять на войну людей. обремененных столь сложными и многоразличными обязанностями. Быть по сему!"
§ 234. И еще повелеть соизволил государь Чинтис-хан: "Кебтеулы принимают участие в разрешении судебных дел в Зарго, совместно с Шиги-Хутуху. Под наблюдением кебтеулов производится раздача сайдаков, луков, панцырей и пик. Они же состоят при уборке меринов и погрузке вьючной клади. Совместно с чербиями кебтеулы распределяют ткани. При назначении стоянки для стрельцов-хорчинов и Дневной стражи турхаутов, с правой стороны от дворца надлежит располагать Есунтеевых и Букидаевых стрельцов и Алчидаеву, Оголееву и Ахутаеву Дневную стражу. С левой стороны от дворца располагаются турхауты Буха, Додай-чербия, Дохолху-чербия и Чаная. Архаевы богатыри должны занимать пост перед дворцом. Кебтеулы, на попечении которых находятся дворцовые юрты-телеги, держатся возле самого дворца, с левой стороны от него. Додай-черби, управляя дворцовыми делами, заведует также и всеми окружающими дворец кешиктенами-турхаутами, дворцовыми домочадцами, конюхами, овчарами, верблюжьими и коровьими пастухами. Заведуя всем этим, Додай-черби располагается в тылу. Он, как говорится, "отбросом питается, конским пометом отепляется"".
§ 235. Нойону Хубилаю было повелено отправиться к Харлуутам. Харлуутский хан Арслан явился к Хубилаю с выражением покорности. Взяв с собою Арслан-хана, Хубилай-нойон представил его государю Чингис-хану. Во внимание к его добровольной покорности, Чингис-хан милостиво принял его и обещал выдать за него дочь.
§ 236. Преследуя по повелению государя сыновей Тохтоа Меркитского - Худу, Чилауна и других, Субеетай, в своей кованой из железа колеснице, настиг их на реке Чуй, уничтожил и возвратился.
§ 237. Чжебе, преследовавший Найманского Кучулук-хана, настиг его в Сарик-хуне, уничтожил и возвратился.
§ 238. Уйгурский Идуут прислал к Чингис-хану посольство. Через послов Аткираха и Дадая он извещал: "С великой радостью слышу я о славе Чингис-ханова имени! Так ликуем мы, когда рассеются тучи и явит себя матерь всего - солнце. Так радуемся мы, когда пройдет дед и откроются вновь воды реки. Не пожалует ли меня государь Чингис-хан. Не найдет ли и для меня хоть шнурка от золотого пояса, хоть лоскута от своей

багряницы. Тогда, стану я твоим пятым сыном и тебе отдам свою силу!" На эти речи послов Чингис-хан милостиво соизволил передать такой ответ: "Дочь за него отдам, и быть ему пятым сыном моим. Пусть Идуут приезжает, взяв с собой золота, серебра, жемчугов, перламутров, златотканной парчи, узорчатых штофов и шелковых тканей". Обрадованный такою милостью к нему, Идуут набрал золота, серебра, жемчугов, перламутров, шелков, златотканной парчи, штофов узорчатых и, явившись, представился Чингис-хану. Чингис-хан пожаловал Идуута и выдал за него Ал-Алтуну.

§ 239. В год Зайца (1207) Чжочи был послан с войском Правой руки к Лесным народам. Проводником отбыл Буха. Прежде всех явился с выражением покорности Ойратский Худуха-беки, со своими Тумен-Ойратами. Явившись, он стал провожатым у Чжочия. Проводил его к своим Тумен-Ойратам и ввел в Шпхшит. Подчинив Ойратов, Бурятов, Бархунов, Урсутов, Хабханасов, Ханхасов и Ту басов, Чжочи подступил к Тумен-Киргязам. Тогда к Чжочи явились Киргизские нойоны Еди, Инал, Алдиер и Олебек-дигин. Они выразили покорность и били государю челом белыми кречетами-шинхот, белыми же меринами да белыми же соболями. Чжочи принял под власть Монгольскую все Лесные народы, начиная оттуда по направлению к нам, а именно народы: Шибир, Кесдиин, Байт, Тухас, Тешек, Тоелес, Таси Бачжиги. Взял он с собою Киргизских нойонов-темников и тысячников, а также нойонов Лесных. народов и, представив Чингис-хану, велел бить государю челом своими белыми кречетами да белыми ж меринами, да белыми ж соболями. За то, что Ойратский Худуха-беки первый вышел навстречу Чжочия с выражением покорности, вместе со своими Ойратами, государь пожаловал его и выдал за сына его, Инальчи, царевну Чечейген, Царевну же Олуйхан выдал за Инальчиева брата - Торельчи, а царевну Адаха-беки отдали в замужество к Онгудцам. Милостиво обратясь к Чжочи, Чингис-хан соизволил сказать: "Ты старший из моих сыновей. Не успели выйти из дому, как в добром здравии благополучно воротился, покорив без потерь людьми и лошадьми Лесные народы. Жалую их тебе в подданство",
И повелел так.

§ 240. Борохул же был послан против Хори-Туматского племени, Хори-Туматами правила, по смерти своего мужа, Дайдухул-Сохора, - Ботохой-Толстая. Достигнув их пределов, Борохул-нойон, с тремя людьми, пошел вперед своего войска. Когда он поздно вечером пробирался по невообразимо трудной лесной тропинке, Туматские дозорные в тылу у него устроили засаду на этой самой тропе, захватили его и убили. Узнав об убийстве Борохула, Чингис-хан очень разгневался и стал сам собираться в поход на Туматов. Насилу его отговорили Боорчу с Мухалием. Тогда он послал Дорбетского Дорбо-Докшина и наказал ему: "В строгости держи войско и попробуй, молясь Вечному Небу, покорить Туматское племя". Дорбо отрядил часть войска к той самой охранявшейся Туматским караулом тропе, по которой хотел пройти перед тем отряд Борохула, и, обманув неприятеля этим ложным движением, сам направил войска по тропе, проложенной дикими буйволами. Когда же и лучшие из ратников стали колебаться, он приказал отборным ратникам нести наготове по десяти прутьев для понукания отстающих. Вооружив ратников топорами, тесаками, пилами и долотами и всяким потребным инструментом, он приказал прорубать просеку по следу буйволов, пилить и рубить деревья. И вот, поднявшись на гору, он внезапным ударом обрушился на пировавших беспечно Туматов и полонил их.

§ 241. Тут же, у Ботохой-Толстой, в плену у Туматов находились и Хорчи-нойон с Худуха-беки. Пленение же Хорчи произбшло при следующих обстоятельствах. Чингис-хан разрешил ему взять себо в жены тридцать самых красивых Туматских девушек. Он и поехал за Туматскими девушками. Тогда покорившиеся было перед тем Туматы восстали и захватили нойона Хорчи в плен. Узнав о пленении Хорчи, Чнигис-хан послал к Туматам Худуху, как хорошего знатока Лесных народов. Но и Худуха-беки был также схвачен. Замирив окончательно Туматский народ, Дорбо отдал сотню Туматов семейству Борохула

в возмещение за смерть его. Хорчи набрал себе тридцать девиц, а Ботохой-Толстую он отдал Худуха-беки.
§ 242. Порешив выделить уделы для матери, сыновей и младших братьев, Чингис-хан произвел такое распределение. Он сказал: "Матушка больше всех потрудилась над созиданием государства. Чжочи - мой старший наследник, а Отигин - самый младший из отцовых братьев". В виду этого он, выделяя уделы, дал 10000 юрт матери совместно с Отчигином. Мать обиделась, но смолчала. Чжочию выделил 9000 юрт, Чаадаю - 8000, Огодаю - 5000, Толую - 5000, Хасару - 4000, Алчидаю - 2000 и Бельгутаю - 1500 юрт. Потом говорит: "А Даритай (-отчигин) был на стороне Кереитов. Долой его с глаз моих! Истребить". Тогда Боорчу, Мухали и Шиги-Хутуху стали говорить ему: "Это ли не значило бы угашать свой собственный очаг или разрушать свой собственный дом! Ведь он единственный дядя твой и заветная память твоего блаженного родителя. Уничтожить его - как можно допустить подобное? Прости же неразумному, и пусть вьется дымок над детским кочевьем твоего блаженного родителя!" Долго они уговаривали его, один за другим, и так горячились и сокрушались, что дым шел из ноздрей. Наконец, вспомнил он своего блаженного родителя и, успокоенный речами Боорчу с Мухалием, сказал: "Ну пусть будет так!"
§ 243. Чингис-хан продолжал: "Отдавая в удел матери с Отчигином 10000 юрт, я приставляю к ним четырех нойонов: Гучу, Кокочу, Чжунсая и Аргасуна. К Чжочию приставляю троих: Хунана, Мункеура и Кете. К Чаадаю - троих: Харачара, Мунке и Идохудая". И еще говорил Чингис-хан: "Чаадай крут и скрытен характером. Пусть же Коко-Цос вместе с ним обсуждает задуманное, состоя при нем и навещая его и утром и вечером". К Огодаю он приставил двоих: Илугея и Дегея. К Толую - Чжедая и Бала и к Алчидаю - Чаурхана.
§ 244. У Хонхотанского Мунлик-эчиге было семеро сыновей. Старший из семерых, по имени Кокочу, был Теб-Тенгри, волхв. Эти семеро Хонхо-танцев стакнулись как-то и избили Хасара. Тот пал на колени перед Чингисханом и стал ему жаловаться. Но попал он как раз под сердитую руку. и говорит ему Чингис-хан: "Слывешь непобедимым, а вот и оказался побежденным". Роняя слезы, Хасар поднялся и ушел. В сердцах он три дня не был у Чингис-хана, а тем временем Теб-Тенгри говорит Чингис-хану: "Вечный Тенгрий вещает мне свою волю так, что выходит временно править государством Темучжину, а временно Хасару. Если ты не предупредишь замыслы Хасара, то за будущее нельзя поручиться". Под влиянием этих наговоров, Чингис-хан в ту же ночь выехал, чтобы схватить Хасара. Но Гучу с Кокочу ем предупредили об этом мать, и она тотчас же, следом за ним, выехала в крытом возке, запряженном белым верблюдом. Проехав всю ночь без остановки, на восходе солнца доехала она до места и захватила Чингисхана в тот самый момент, как он, завязав у Хасара рукава и отобрав у него шапку и пояс, подвергал его допросу. Будучи так накрыт матерью, Чингисхан смутился. А мать, пылая гневом, вышла из возка и подходит к ним. Развязала она у Хасара рукава, отдала ему шапку с поясом и, не в силах унять своего раздражения, присела на корточки, растегнулась и, выложив обе груди на колени свои, говорит: "Видите? Вот груди, которые сосали вы. О пожиратели матерней утробы, о братоубийцы! Что сделал вам Хасар? Темучжин опорожнял когда-то одну полную грудь. Хачиун с Отчигином вдвоем не могли опорожнить и одной. А Хасар успокаивал меня и ублажал, опорожняя обе груди мои. Вот почему .мой Темучжин взял умом, а Хасар - меткой стрельбой и силой.
Кто в перестрелку вступал
Тех покорял он стрельбою.
Тех, кто робел перед битвой
Выстрелом вверх забирал!
Не за то ли и возненавидели вы Хасара, что это он раздавил врагов!" Успокоив мать, Чингис-хан сказал: "Страшно и стыдно мне материнского гнева. Дарай уедем!" И они уехали. Однако потом он, тайно от матери, отобрал у Хасара людей, оставив ему только

1400 юрт. Но мать узнала, и огорчение этим поступком ускорило ее кончину. А Чжалаирский Чжебке с испугу бежал в страну Баргузинскую.

§ 245. После этого случая стали собираться к Теб-Тенгрию подданные всех девяти языков. Тут и от Чингис-хановой коновязи многие подумывали уйти к Теб-Тенгрию. Уходили к Теб-Тенгрию и крепостные Темуге-Отчигина в таковом народном движении. Тогда Отчигин отправил своего посла Сохора потребовать обратно своих беглых холопов. Но Теб-Тенгрий, всячески надругавшись над послом Сохором, отослал его обратно пешком, заставив нести на спине свое седло, и сказал при этом: "Будешь послом как раз под пару Отчигину!" Вынужденный принять обратно своего посла к таком уничижении, Отчигин на другой же день отправился к Теб-Тенгрию сам и сказал: "Посла Сохора вы с поношением отправили обратно пешим. Требую своих крепостных!" При этих его словах семеро Хонхотанцев соступили его со всех сторон и говорят: "А в праве ты был посылать своего посла Сохора?" В страхе, как бы они чего над ним не сделали, Отчигин-нойон ответил: "Да, я тут поступил неправильно, виноват!" - "А раз виноват, то проси прощения на коленях!" И велели ему стать на колени сзади Теб-Тенгрия. Крепостных, конечно, ему не отдали, и Отчигин на следующее утро чуть свет отправился к Чингнс-хану. Когда он вошел, Чингис-хан еще лежал в постели. Отчигин пал на колени и со слезами сказал: "К Теб-Тенгрию стали стекаться крепостные всех девяти языков. И вот я послал к Теб-Тенгрию своего посла Сохора потребовать обратно своих собственных крепостных. Когда же он, всячески оскорбив моего посла Собора, выслал (то обратно пешим с седлом на спине, я сам отправился требовать их. Но семеро Хонхотанцев обступили меня со всех сторон и заставили просить прощения у Теб-Тенгрия, стоя сзади него на коленях". Рассказывая все это, он рыдал. Чингис-хан не успел еще произнести ни слова, как Борте-"кин привстала на постели и села, прикрывая грудь свою концом одеяла. Слезы закапали у нее из глаз. как только увидала она, что Отчигин в самом деле плачет. И она заговорила: "Что же это они делают, эти Хонхотанцы! Только на днях стакнулись и избили Хасара, а теперь опять. Как смеют они ставить позади себя на колени Отчигина? Что это за порядки такие?

Так, пожалуй, они изведут всех твоих братьев, подобных лиственницам или соснам. Ведь несомненно, что долго ли, коротко ли:

Падет как увядшее древо
Тело твое, государь.
Кому же дадут они править
Царством смятенным твоим?
Столпом сокрушенным падет
Тело твое, государь.
Кому же дадут они править
Царством разбитым твоим?

["Когда, подобно высохшему дереву, падает твое - тело, кому дадут они править твоим царством, которое уподобится разметанной конопле? Когда, подобно колонне, обрушится твое тело, кому дадут они править твоим царством, которое уподобится стае птиц".]

Как дадут они мне, худо-бедно, вырастить трех-четырех малюток моих, эти люди, способные извести даже и братьев твоих, подобных лиственницам или соснам? Что же это такое творят Хонхотанцы! И как можешь ты спокойно смотреть на такое обращение с своими же братьями?" После этих слов Борте-учжины Чингис-хан сказал Отчигину: "Теб-Тенгрий ужо явится. Я разрешаю тебе поступить с ним по своему усмотрению". Тогда Отчигин встал, отер слезы и, выйдя, поставил наготове трех борцов-силачей. Вскоре же является Мунлик-отец со своими семерыми сыновьями. Все входят, причем Теб-Тенгрий усаживается справа от Винницы. Но тут же Отчигин хватает его за ворот: "Вчера ты, - говорит он, - вчера ты заставлял меня молить о прощении. Давай же попытаем жребия!" И, держа его за ворот, поволок к дверям. Теб-Тенгри, в свою очередь, схватил его за ворот, и началась борьба. Во время борьбы Теб-Тенгриева шапка упала перед самым очагом. Мунлик-отец поднял шапку, поцеловал и сунул к себе за пазуху. Тут Чингис-хан и

говорит: "Ступайте мериться силами на дворе!" Отчигин потащил Теб-Тенгрия, а тем временем стоявшие наготове, в сенях к за порогом, трое борцов переняли у него Теб-Тенгрия, выволокли на двор и разом переломив ему хребет, бросили у края телег на левой стороне двора. Отчигин же вернулся в юрту и говорит: "Теб-Тенгрий заставляет меня молить о пощаде, а сам не хочет принимать моего приглашения попытать жребья: притворяется лежачим. Видно, что друг он на час!" Сразу понял Мунлик-отец, в чем дело, слезы покапали из глаз его, и он говорит: "Нет у Великой Матери Земли-Эген столько камьев, нет у моря и рек столько ручьев, сколько было моих дружеских услуг!" При этих словах шестеро его сыновей, Хонхотанцев, загородив дверь, стали кругом очага, засучив рукава. Все более теснимый ими Чингис-хан, со словами "Дай дорогу, расступись!", вышел вон. Тут Чингис-хана обступили стрельцы и дневной караул гвардии. Он увидал Теб-Тенгрия, который валялся с переломленным хребтом с краю телег. Приказав принести с заднего двора запасную серую юрту, он велел поставить ее над Теб-Тенгрием, а затем, приказав заложить подводы, укочевал с этого места.

§ 246. Людям было приказано сторожить юрту, поставленную над Теб-Тенгрием, закрыв дымник и заперев двери. И вот в третью ночь, на рассвете, дымник раскрылся, и он вознесся телесно. Стали дознаваться по приметам, и дознались, что тут дело в его волховстве. Чингис-хан сказал при этом: "Теб-Тенгрий пускал в ход руки и ноги на братьев моих. Он распускал между ними неосновательные и клеветнические слухи. Вот за что Тенгрий не взлюбил его и унес не только душу его, но и самое тело!" Потом Чингис-хан гневно стал выговаривать отцу Мунлику: "Ты не удерживал нрава своих сыновей, и вот они, возомнив себя равными, поплатились головой Теб-Тенгрия. Давно бы с вами было поступлено по образу Чжамухи да Алтана с Хучаром, знай я о таких ваших повадках!" Долго бранил он отца Мунлика, а под конец и говорит: "Было бы недостойно и стыдно утреннее слово менять вечером, а вечернее слово менять утром. Так уж и быть: данное слово крепко!" И уже милостиво присовокупил: "Кто мог бы равняться с Мунликовой породой, не будь у нее таких широких замашек". Когда не стало Теб-Тенгрия, Хонхотанцы присмирели.

XI. ПОКОРЕНИЕ СЕВЕРНОГО КИТАЯ, СИ-СЯ, ТУРКЕСТАНА, БАГДАДСКОГО ХАЛИФАТА И РУСИ.

§ 247. Затем, в год Овцы, Чингис-хан выступил в поход против народа Китад. После занятия Фу-чкоу и переправы через Хунегенский перевал (Ехулин, в 30 ли к западу от Калгана) он занял Сюнь-дэ-фу и выслал далее передовой отряд под командою Чжебе и Гунгунека. Достигнув Чабчияла (Цзюй-юн-гуань), который оказался сильно укрепленным, Чжебе отступил с намерением вызвать этим способом выступление неприятеля и дать ему бой. Заметив его отступление, Китадское войско на самом деле двинулось его преследовать, выступив из крепости и запрудив до самой горы всю долину реки. Между тем Чжебе, дойдя до Сюнь-дэ-фуского мыса, повернул обратно и стремительной лавиной обрушился на рассыпавшегося в беспорядке неприятеля. В это время на Китадцев вслед за Чжебе ударил с главными силами Чингис-хан и погнал их. Он разбил самые лучшие части неприятельского войска, состоявшие из Хара-Китадцев, Чжурчедов и Чжуинцев. Тут до самого Чабчияла пошло такое истребление, что кости трещали словно сухие сучья. Когда Чжебе взял крепость Чабчиял и перешел перевал, Чингис-хан расположился лагерем в Ширадеке (совр. Нань-коу). Он осадил Чжунду (совр. Пекан или Бей-пин), а для осады других городов послал особые отряды. Чжебе был отряжен для осады Дун-чана (Дун-цзин, т.е. Восточная столица). Подойдя к Дун-чану и осадив его, Чжебе в виду невозможности его прямого захвата, отступил на расстояние в шесть суток пути, внезапно повернул назад и, пройдя это расстояние ускоренным ходом, при заводных конях, захватил город Дун-чан внезапным нападением.

§ 248. По взятии города Дун-чана, Чжебе возвратился обратно и присоединился к Чингис-хану. Во время осады Чжунду Алтан-хановский вельможа, Вангин-чинсян, представил

своему государю такой доклад: "Не пробил ли час падения династии соизволением на то неба и земли? Монголы, чрезвычайно усилившись, разбили наши главные части Хара-Китадские, Чжурчедские и Чжуинские и полностью их истребили. Они захватили и наш опорный пункт Чабчиял. Если теперь мы вновь соберем и снарядим войско и оно опять будет разбито Монголами, то несомненно рассеется но своим городам и деревням. Дальнейшие сборы окажутся невозможными в такой же мере, в какой невозможным станет и заключение мира с неприятелем. Не соблаговолит ли посему Алтан-хан согласиться на временное перемирие с Монголами. А когда Монголы примут наши мирные предложения и уйдут, тогда мы поведем с ними иные речи. Кстати же у Монголов, как слышно. и люди и лошади сильно страдают от непривычно жаркого климата. Дадим же их хану царевну, а военноначальникам и ратным людям золота, серебра тканей и товаров, сколько им под силу увезти. Кто знает, не прельстятся л они на такие мирные предложения?" Одобрив и утвердив этот доклад Вангин-чинсяна резолюцией "быть по сему", Алтан-хан вступил с Чингис-халом в мирные переговоры. Он отправил к Чингис-хану для ведения переговоров Вадгин-чинсяна, выслав с ним из Чжунду царевну, или гун-чжу, для Чингисхана, а также золота, серебра, тканей и всяких товаров для войска в таком количестве, какое только им было под силу увезти с собою. Согласившись на эти мирные предложения, Чингис-хан снял осаду городов и, отозвав войска, ушел, причем Вангин-чинсян провожал его до мыса; называемого Мочжоу-Фучжоу. Наши солдаты так нагрузились шелками и вещами, что даже вьюки перевязывали шелковыми кипами.

§ 249. В этот же поход побывали и у народа Хашин (Хэ-син, Си-ся). Когда подступали к .его пределам, Хашинский Бурхан, вступив в мирные переговоры, выслал для Чингис-хана царевну, по имени Чаха, и предложил свои услуги быть у Чингис-хана правой рукой. Кроме этого, Бурхан сообщал: "Ужасались мы слухом о славном имени Чингис-хана. Ныне же мы пребываем в страхе перед величием самоличного пришествия твоего. Тангутский народ готов стать твоею правой рукой и отдать тебе свои силы. Но как их отдалъ? Кочуем мы недалеко, (***То есть живем мы оседло***) а, городища у нас глинобитные. Если взять нас в товарищи, то мы

Быстрый налет учинить ли,
В жаркой ли сече рубиться,
В быстром набеге твоем
Явно врага не нагнать нам;
В жарких же сечах подавно
Нам устоять невозможно!

["Когда случатся спешные походы или жаркие боевые схватки, то мы в спешном походе - не в силах угнаться, а в жарких схватках не в силах противостоять..."]

А потому вот о чем мы, Тангуты, просили бы соизволения государя Чингис-хана:

Сделай-ка нас ты своею прислугою.
Много верблюдов тебе мы пригоним.
Вырастив их на ковыльных просторах.
Сукон и тканей тебе мы доставим,
Соколов будем прилежно учить мы.
Лучшую птицу к тебе высылая".

["Среди высоких дересунов-ковылей откормим и пригоним тебе множество верблюдов; будем служить у тебя оруженосцами - хя, будем ткать для тебя сукна и прочие ткани; будем добывать ловчих птиц, обучать их и наилучших поставлять тебе".]

Так докладывал Бурхан. И он сдержал свое слово: собрал со своих Тангутов столько верблюдов, что с трудом их доставили к нам.

§ 250. В один поход были приведены к покорности Китадский Алтан-хан, с которого взято множество тканей, и Хашинский Бурхан, доставивший нам множество верблюдов. Итак, в год Овцы (1211) Чингис-хан, покорив Китадского Алтан-хана, по имени Ахутая, и Талгутского Илаху-бурхана, расположился кочевьем в Саари-кеер.

§ 251. Затем, Чингнс-хан вторично выступил в поход против Китадского Алтан-хана Ахутая за то, что он учинил препятствия нашему посольству во главе с Чжубханом, посланному для мирных переговоров с Чжао-Гуанем (т, е. государем династии Сун, по фамилии Чжао). Он говорил: "Как смели они, находясь с нами в мире, не пропускать нашего мирного посольства к Чжао-Гуаню?" Выступив в поход, Чингис-хан направился к Тунгуаньскому проходу, а Чжебея отрядил через Чабчиял. Узнав, то Чингис-хан намерен пройти через Тунгуаньскую заставу, Алтан-хан возложил командование войсками на трех военачальников: Иле, Хада и Хобегетура. Выслав передовой заслон под командою Улаан-дегиленя, он приказал Иле, Хадаю и Хобегетуру итти спешным походом и, таким образом, не допустить взятия Тунгуаньского проходаи перехода Монголов через его перевал. Китадские войска подоспели как раз к тому времени, как мы подходили к Тунгуаньскому проходу. Тогда Чингис-хан вступил в бой с войсками Хадая, Иле и Хобегетура и потеснил Иле и Хадая. Тулуй же с Чугу-кургеном ударили наперерез (с фланга) и вынудили к отступлению Удаан-дегиленя. Тесня войска Иле и Хадая, наши разбили их, и началось такое истребление Китадцев, как будто бы мы ломали сухие сучья. Узнав о полном поражении своих войск, Алтан-хан бежал из Чжунду в Наньгин (Бянь-лян, т. е. Южная столица). Уцелевшие Китадские войска испытывали такой голод, что умирающие с голоду солдаты, убивая друг друга, ели человеческое мясо. "Толуй с Чугу-кургеном действовали прекрасно!" - сказал Чингис-хан и оказал обоим великие милости.

§ 252. Остановившись в Хэ-си-ву, (***По П. Кафарову, местечко между современным Пекином и Тяньцзинем***) Чингис-хан расположил войска в Шара-кеере, близ Чжунду, Чжебе же, разрушив Чабчияльские укрепления и взяв Чабчиял, отвел войска и присоединился к Чингис-хану. Оказалось, что, покидая Чжунду, Алтан-хан оставил в нем своим наместником (Лю-шоу) вельможу Хадая. Чингис-хан отправил в Чжунду Онгура-бавурчи, Архай-Хасара и Шиги-Хутуху, поручив им подсчитать наличность золота и серебра, а также поштучно проверить наличность тканей. Когда они подъезжали, Хада вышел к ним навстречу, захватив с собою из Чжундуских кладовых шитые золотом узорчатые ткани для встречных подношений. Тут Шиги-Хутуху сказал Хадаю: "Раньше эти вещи, как и самый Чжунду, были ведь Алтан-хановы. А ныне Чжунду - Чингисханов. Как же ты смеешь, крадучись как вор, раздавать Чингис-ханово добро?" И сказав так, Шиги-Хутуху не принял подарков, а Онгур-бавурчи с Архай-Хасаром приняли. Проверив поштучно наличность запасов, все трое вернулись, и когда Чингис-хан стал спрашивать у Онгура, Архая и Хутуху, не дарил ли им чего Хада, то Шиги-Хутуху и говорит: "Он принес и одаривал нас златотканными травчатыми шелками. Но я сказал ему: "Прежде этот Чжунду был Алтан-ханов, а теперь - Чингис-ханов. Зачем же ты, Хада, крадучись как вор, раздаешь Чингнс-ханово добро?" И я не принял подарков, но Онгур с Хасаром приняли его подношения". Тогда Чингис-хан сделал очень строгий выговор Онгуру с Архаем, а Шиги-Хутуху милостивейше соизволил сказать: "Ты держишь в мыслях твоих Великую Ясу - Еке-Иосу. Не ты ли, Шиги-Хутуху, - око смотрения моего и ухо слышания моего!"

§ 253. Вступив в Наньгин, Алтан-хан отправил к Чингис-хану посольство, униженно прося мира и выслав своего сына с сотнею дружины его для службы в гвардии Чингис-хана. Приняв его мирные предложения, Чингис-хан, предполагая сам возвратиться через Чабчиял, отрядил Хасара с войском Левого корпуса, дав ему такое поручение: "Следуя вдоль но берегу моря, привести к покорности город Бегин (Да-дин-фу, т. е. Северная столица). Далее следовать через земли Чжурчедского Фухано и, в случае его сопротивления, покарать, а в случае миролюбивого приема пройти мимо его пограничных городов, направиться по берегу рек Ула и Нау, затем перейти в ее верхнем течении реку Таоур и присоединиться к главным силам, в Великом Аурухе". Вместе с Хасаром из нойонов были отряжены Чжурчедай, Толун-черби и Алчи. Приведя к покорности город Бегин, замирив Чжурчедского Фухало путем переговоров, Хасар, покорив попутные города, перешел в верховьях реку Таоур и соединился на стоянке с Великим Аурухом.

§ 254. Затем, когда Сартаульцы задержали и перебили сто человек наших посольских людей, отправленных к ним во главе с Чингис-хановым послом Ухуна, государь Чингис-хан сказал: "Пойду войною на Сартаульский народ и законною местью отомщу за сотню .своих посольских людей во главе с Ухуна. Можно ли позволить Сартаульскому" народу безнаказанно обрывать украшенья моих златоцарственных поводьев?" Перед тем как ему выступить в поход, ханша Есуй обратилась к нему с таким словом: "Государь, каган!
О благе народном все мысли твои:
Проходишь ли ты перевалом высоким,
Широкие ль реки ты вплавь переходишь,
Иль в дальний поход ты, как ныне, идешь.
Но в мире не вечно ведь все, что родилось.
Как семя, народ твой развеется,
Когда, упадешь ты, владыко,
Как падает в бурю высокое древо.
Кому же ты царство свое завещаешь?
Как стая испуганных птиц, разлетится
Народ твой, когда, пошатнувшись,
Падет его царственный столп и опора.
Кому же ты царство свое завещаешь?
["Высокие перевалы переваливая, широкие реки переходя, долгие походы исхаживая, помышлял ты заботливо о многолюдном царстве своем. Кто рождался, тот не был вечным среди живых. Когда же и ты станешь падать, как увядающее дерево, кому прикажешь народ свой, уподобившийся развеваемой конопле? Когда покачнешься и ты, подобный столпу, кому прикажешь народ свой, уподобившийся стае птиц ?.."]
Чье имя назовешь ты из четверых твоих витязями родившихся сыновей? Просим мы о вразумлении твоем для всех нас: и сыновей твоих и младших братьев, да и нас недостойных. Да будет на то твое царское изволение!" Когда, она так представила государю, Чингис-хан соизволил сказать: "Даром что Есуй - женщина, а слово ее справедливее справедливого. И никто-то ведь, ни братья, ни сыновья, ни вы, Боорчу с Мухалием, подобного мне не доложили!
Сам же я видно забылся.
Будто за предками мне не итти!
Сам же я видно заспался.
Будто бы смерть и меня не возьмет!
["А я-то забылся: будто бы мне не последовать вскоре за праотцами. А я-то заспался: будто бы никогда не похитит меня смерть!.."]
Итак, - продолжал он, - итак старший мой сын - это Чжочи. Что скажешь ты? Отвечай!" Не успел Чжочи открыть рта, как его предупредил Чаадай: "Ты повелеваешь первому говорить Чжочию. Уж не хочешь ли ты этим сказать, что нарекаешь Чжочия? Как можем мы повиноваться этому наследнику Меркитского плена?" (***Трудно передаваемый намек иносказанием***) При этих словах Чжочи вскочил и, взяв Чаадая за ворот, говорит: "Родитель государь еще пока не нарек тебя. Что же ты судишь меня? Какими заслугами ты отличаешся? Разве только одной лишь свирепостью ты превосходишь всех. Даю на отсечение свой большой палец, если только ты победишь меня даже в пустой стрельбе вверх. И не встать мне с места, если только ты повалишь меня, победив в борьбе. Но будет на то воля родителя и государя!" И Чжочи с Чаадаем ухватились за вороты, изготовясь к борьбе. Тут Боорчи берет за руку Чжочия, а Мухали - Чаадая, и разнимают. А Чингис-хан - ни слова. Тогда заговорил Коко-Цос, который стоял с левой руки: "Куда ты спешишь, Чаадай? Ведь государь, твой родитель, на тебя возлагал надежды изо всех своих сыновей. Я скажу тебе, какая жизнь была, когда вас еще на свете не было:
Небо звездное бывало Поворачивалось -
Вот какал распря шла
Всенародная.
На постель тут не ложилися,

Все добычей поживлялися,
Мать широкая земля
Содрогалася -
Вот какая распря шла
Всеязычная.
В одеяло тут не кутались,
Все мечами переведывались.
Друг на друга всяк посягал
Вольной волею никто не живал.
В общей свалке ли кому уйти,
В смертной сече ли кому сдобровать?
Губишь ты речами ядовитыми
Масло благости царицы-матери!
Молоко ее сердечное
Квасишь дерзостью бесчинною!
Не одно ли чрево материнское
Вас вынашивало?
Не одна ли породила
Вас утроба материнская?
Вас под сердцем своим она выносила!
Коли мать прогневишь,
То ничем не согреть
Охладевшей души.
Всех вас чревом своим породила она!
Коли мать огорчишь,
Не развеять ничем
Материнского горя.
Родитель твой, царь,
Великий улус созидая,
Черной своей головы не щадил,
Черную кровь свою ведрами лил;
Черных очей никогда не смежая,
Тонких ушей на подушку не клал,
На рукаве он при нужде дремал,
Жажду слюною своей утоляя,
Голод десной промеж зуб унимал.
Пот ото лба до подошв доходил,
А от подошв и ко лбу поднимался.
В те поры как государь подвизался,
Вместе трудилась и мать ваша с ним.
Высоко бывало причешется,
Пояс повыше подтянет.
Плотно бывало причешется,
Пояс потуже затянет,
Вот как бывало растит она вас:
Что взглотнуть бы самой -
В рот половину вам сунет.
В рот положить бы себе -
Все вам одним отдаст.
Голодом ходит бывало.
Дума-забота одна у нее:
Как бы за плечи вас вытянуть,

С мужами в ровень поставить,
Как бы за шею вас вытянуть,
Людям в обиду не дать вас.
Мыла все вас она, чистила,
Крепко вас на ноги ставила.
До молодецких плечей дотянула,
К конской стати пригнала.
Наша священная мать и царица
Светлому солнцу душою подобна,
Мыслью ж, как море, она широка".
["Звездное небо поворачивалось - была всенародная [распря. В ;постель свою не ложились - все друг друга грабили (забирали добычу). Вся поверхность земли содрогалась - всесветная брань шла. Не прилечь под свое одеяло - до того шла общая вражда. Некогда было раздумывать - надо было вместе дело делать. Некогда было бежать - надо было вместе биться. Некогда было миловаться - приходилось смертным боем биться. * Ты же так говоришь, что у своей матери убавляешь масло ее благоволения; так говоришь, что у священной государыни сквашиваешь молоко ее сердца. Не родились ли вы из одного и того же чрева, не поднялись ли вы от одного и того же лона? Если вы оскорбите свою мать, которая носила вас под сердцем, то душа ее охладеет к вам, никогда того не исправить. Если вы огорчите свою мать, из чрева которой родились, то скорби ее никогда уж не развеять. Государь ваш родитель вот как созидал всенаррдное царство: черной головы своей не щадил (?), черную кровь свою щедро лил (?), черным очам своим мигнуть не давал, сплюснутых ушей своих на подушку не клал - рукав клал вместо подушки, полу подстилал; слюной своей жажду утолял, десной между зубов голод унимал, со лба его пот лил до самых подошв, а от подошв до лба поднимался. Б упорных трудах его, с подтянутой всегда подпругой, страдала с ним заодно и мать же наша; плотно-наплотно косы стягивала, туго-натуго подпоясывалась, крепко-накрепко косы стягивала, сильно-насильно подпоясывалась и вот как растила вас: что самой проглотить - половину вам отдаст; что кусок откусить - то все про вас пойдет, сама голодная будет ходить. И все-то думает, бывало, как бы вас за плечи вытянуть, да с мужами поровнять; как бы вас за шею вытянуть да с людьми сравнять. Тела ваши обмывала-обчищала, пяту вашу возвышала, доводила вас до богатырских плечей, до мериновых статей. Разве не помышляет она: теперь только и нагляжусь на своих деток. Священная государыня наша светла душой - словно солнце, широка мыслию - словно озеро".]
Так сказал Коко-Цос.
§ 255. Тогда обратился к сыновьям Чингис-хан: "Как смеете вы подобным образом отзываться о Чжочи! Не Чжочи ли старший из моих царевичей? Впредь не смейте произносить подобных слов!" Улыбнулся при этих словах Чаадай и говорит: "Никто не оспаривает ведь ни заслуг Чжочиевых, ни его достоинств, но ведь и то сказать: за убийство на словах не полагается тяжкого наказания, точно так же как за причинение смерти языком с .живого человека кожи не дерут. Ведь оба мы с Чжочием старшие сыновья,. Вот и будем мы парою служить батюшке-государю. И пусть каждый из нас руку по самое плечо отхватит тому, кто будет фальшивить, пусть ногу по жилам отхватит но самую голень тому, кто" отставать станет. Огодай у нас великодушен, Огодая бы и наречь. Добро быть Огодаю при особе батюшки-государя, добро государю и батюшке преподать ему наставление о Великой темной шапке!" На эти слова Чингис-хан заметил:
"А ты, Чжочи, что скажешь?" Чжочи, говорит: "Чаадай уж сказал. Будем служить парой с Чаадаем. Высказываемся за Огодая!" - "К чему же, - говорит Чингис-хан, - -к чему же непременно парой? Мать-земля велика. Много на ней рек и вод. Скажите лучше - будем отдельно друг от друга править иноземными народами, широко раздвинув отдельные кочевья. Да смотрите же вы оба, Чжочи с Чаадаем, крепко держитесь только что данного друг другу слова! Не давайте подданным своим поводов для насмешек или холопам - для пересудов. Помните, как некогда было поступлено с Алтаном и Хучаром, которые точно так же давали крепкое слово, а потом его не сдержали! Что с ними сталось тогда, помните? Теперь же вместе с вами будут выделены в ваши уделы и некоторые из потомков Алтана и Хучара. Авось не сойдете с пути правого, постоянно имея их перед глазами!" Так сказав, он обратился к Огодаю: "А ты, Огодай, что скажешь? Говори-ка!" Огодай сказал: "Как мне ответить, что я не в силах? Про себя-то я могу сказать, что постараюсь осилить. Но после меня. А что как после меня народятся такие потомки, что, как говорится"хоть ты их травушкой-муравушкой оберни": - коровы есть не станут, хоть

салом обложи - собаки есть не станут!" Не выйдет ли тогда дело по пословице: "Лося-сохатого пропустил, а за мышью погнался!" Что еще мне сказать? Да только всего я и могу сказать!" "Вот это дело говорит Огодай - сказал Чингис-хан. - Ну. а ты, Толуй, что скажешь? Говори!" Толуй отвечал:
"А я, я пребуду возле того из старших братьев, которого наречет царь-батюшка. Я буду напоминать ему то, что он позабыл, буду будить его, если он заспится. Буду эхом его, буду плетью для его рыжего коня. Повиновением не замедлю, порядка не нарушу. В дальних ли походах, в коротких ли стычках, а послужу!" Чингис-хан одобрил его слова и так повелеть соизволил: "Хасаровым наследием да ведает один из его наследников. Один же да ведает наследием Алчидая, один - и наследием Отчигина, один же - и наследием Бельгутая. В таковом-то разумении я и мое наследие поручаю одному. Мое повеление - неизменно. И если оное не станете как-нибудь перекраивать, то ни в чем не ошибетесь и ничего никогда не потеряете. Ну, а, уж если у Огодая народятся такие потомки, что хоть травушкой-муравушкой оберни - коровы есть не станут, хоть салом окрути - собаки есть не станут, то среди моих-то потомков ужели так-таки ни одного доброго и не родится?" Такон соизволил повелеть.
§ 256. Собираясь в поход, Чингис-хан отправил к Тангутскому Бурхану посла с такою просьбой: "Ты обещал быть моею правой рукой. Так будь же ею теперь, когда я выступаю в поход на Сартаульский народ, который порвал мои златые бразды". Не успел еще Бурхан дать ответу, как Аша-Гамбу и говорит: "Не имеешь силы, так незачем и ханом быть!" И не дали они подкрепления, воротив посла с высокомерным ответом. Тогда Чингис-хан сказал: "Мыслимо ли стерпеть подобное оскорбление от Аша-Гамбу? За подобные речи, что стоило бы прежде всего пойти войною на них? Но отставить это сейчас, когда на, очереди другие задачи! И пусть сбудется это тогда, когда, с помощью Вечного Неба, я ворочусь, крепко держа золотые бразды. Довольно!"
§ 257. Вслед затем, в год Зайца (1219), Чингис-хан через Арайский перевал пошел войною на Сартаульский народ. С собою в этот поход он взял из ханш Хулан-хатуну, а управление Великим Аурухом возложил на младшего брата, Отчигин-нойона. Чжебе был послан во главе передового отряда, вслед за ним - отряд Субеетая, а за Субеетаем - отряд Тохучара. Отправляя этих трех полководцев, он дал им такой наказ: "Идите стороною, в обход, минуя пределы Солтана, так чтобы по прибытии нашем вы вышли к нам на соединение". Чжебе так и пошел. Он обошел стороною, никак не задевая города Хан-Мелика. Вслед за ним точно так же прошел и Субеетай, никого не затронув. Но следовавший за ними Тохучар разорил пограничные Хан-Меликовы города и полонил его землепашцев. Вследствие разорения его городов, Хан-Мелик открыл военные действия и двинулся на соединение с Чжалалдин-солтаном. Соединенными силами Чжалалдин-солтан и Хан-Мелик двинулись навстречу Чингис-хану. В передовом отряде Чингис-хана шел Шиги-Хутуху. Вступив с ним в бой, Чжалалдин-Солтан и Хан-Мелик потеснили отряд Шиги-Хутуху и, преследуя его, уже подошли к Чингис-хану, когда Чжебе, Субеетай и Тохучар общими силами ударили на Чжалалдин-солтана и Хан-Мелика с тыла и в свою очередь нанесли им полное поражение, гоня дх и не давая им соединиться ни в городе Бухаре, ни в Несгябе или Отраре; по пятам преследуемые до самой реки Шин, те стремительно бросились в реку, и тут в реке Шин погибло множество Сартаульцев. Спасая свою жизнь, Чжалалдин-солтан и Хан-Мелик бежали вверх по течению реки Шин. Чингисхан же, пройдя вверх по течению реки Шин и разорив Баткесен, ушел. Достигнув речек Эке-горохан и Геун-горохан, он раскинул стан в степи Баруан-кеер. Преследовать Чжалалдин-солтана и Хан-Мелика он послал Чжалаирского Бала. Всемилостивейше он похвалил Чжебе с Субеетаем и сказал: "Помнишь, Чжебе, ты именовался когда-то Чжирхоадаем. Но, перейдя ко мне от Тайчиудцев, ты стал ведь Чжебе-Пикой!" Тохучара же за то, что он самочинным разорением городов втянул в войну Хан-Мелика, Чингис-хан совсем уж было приговорил к смертной казни, но потом, сделав ему строжайший выговор, отставил от командных должностей и тем ограничил его наказание.

§ 258. Затем, на обратном пути из степи Баруан-кеер Чингис-хан отправил Чжочи, Чаадая и Огодая, приказав им переправиться через реку Амуй и, расположившись лагерем у города Урунгечи, осадить его. Толуя же он послал осаждать города Иру, Исебур и многие другие города. Когда Чжочи, Чаадай и Огодай, донося Чингис-хану о том, что наши войска сосредоточены у города Урунгечи, просили указаний, под чьей командою им состоять, Чингис-хан ответил им, что следует им состоять под командой Огодая.
§ 259. Тем временем, покорив город Отрар, Чингис-хан двинулся оттуда и осадил город Семисгяб. А отсюда пошел осаждать город Бухар. Затем, в ожидании прибытия Бала, он проводил лето в летней резиденции Солтана, в горах у речки Алтан-горохан. Оттуда он послал Толую извещение: "Время жаркое. Расположи должным образом войска, а сам присоединяйся к нам". Как раз в эту пору Толуй взял города Иру, Исепур и Другие. Разгромив город Систен, он громил город Чухчерен, когда прибыл посол с этим известием. Разрушив город Чухчерен, он вернулся на стоянку и присоединился к Чингис-хану.
§ 260. Царевичи Чжочи, Чаадай и Огодай, взяв город Орунгечи, поделили между собою, на троих, и поселения и людей, причем не выделили доли для Чингис-хана. Когда эти царевичи явились в ставку, Чингис-хан, будучи очень недоволен ими, не принял на аудиенцию ни Чжочи, ни Чаадая, ни Огодая. Тогда Боорчу, Мухали и Шиги-Хутуху стали ему докладывать: "Мы ниспровергли непокорствовавшего тебе Сартаульского Солтана и взяли его города и народ. И все это ведь Чингис-ханово: и взятый город Орунгечи и взявшие его и делившиеся царевичи. Все мы, и люди твои и кони, радуемся и ликуем, ибо небеса и земля умножили силы наши, и вот мы сокрушили Сартаульский народ. Зачем же и тебе, государь, пребывать во гневе? Царевичи ведь сознали свою вину и убоялись. Пусть будет им впредь наука. Но как бы тебе не расслабить воли царевичей. Не признаешь ли ты за, благо, государь, принять теперь царевичей!" Когда они так доложили, Чингис-хан смягчился и повелел Чжочию с Чаадаем и Огодаем явиться и принялся их отчитывать. Он приводил им древние изречения и толковал старину. Они же, готовые провалиться сквозь землю, не успевали вытирать пота со лбов своих. До того он гневно стыдил их и увещевал. Тут обратились к Чингнс-хану стрельцы Хонхай, Хонтохор и Сормаган: "Государь! Царевичи еще ведь только обучаются бранному житью. наподобие тех серых соколов, которых только еще начинают напускать на хватку. Добро ли смущать их подобным образом? Не впали бы они со страху в нерадение. А ведь у нас - всюду враг от заката солнца и до восхода его. Натравил бы ты лучше нас, Тибетских псов своих, направил бы на вражеский народ, и мы, умножаемые в силах небесами и землей, мы доставили б тебе и вражеского золота с серебром и тканей с товарами, и людей с жилищами их. Ты спросишь, что это за народ такой? А есть. говорят, в западной стороне Халибо-Солтан Багдадского народа. На него бы мы и пошли!" Когда они так, докладывали, государь все возражал, но при . :)тих последних словах смягчился Чингис-хан и стал отдавать им приказания. Он милостиво обошелся со всеми троими и повелел Адаркидайду Хонхаю и Долунгирду Хонтохору оставаться при нем; а Сормахона отправил в поход на Багдадский народ, на Халибо-Солтана.
§ 261. Затем, он отправил в поход и Дорбетца Дорбо-Докшина на город Абту, принадлежащий народу Ару-Мару-Мадасари, в земле, лежащей между двумя народами: Хиндус и Багдад.
§ 262. А Субеетай-Баатура он отправил в поход на север, повелевая дойти до одиннадцати стран и народов, как-то: Канлин, Кибчаут, Бачжигит, Оросут, Мачжарат, Асут, Сасут, Серкесут, Кешимир, Болар, Рарал (Лалат), перейти через многоводные реки Идил и Аях, а также дойти и до самого города Кивамен-кермен. С таким повелением он отправил к поход Субеетай-Баатура.
§ 263. После окончательного покорения Сартаульского народа Чингис-хан стал ставить по всем городам охранных воевод, даругачинов. В это время явились к нему из города Урунгечи двое Сартаульцев, по фамилии Хурумши, по именам Ялавачи и Масхут, отец с

сыном. Они беседовали с Чингис-ханом о городских законах и обычаях, и он убедился в их сходстве с Законом-Иосун. Посему он и поручил сыну его, Масхут Харумшию, совместно с нашими даругачинами, ведать городами Бухар, Семисген, Урунгечи, У дан, Кисхар, Уриян, Гусендарил и прочими. А Ялавачия увез с собою и поручил ему ведать Китадским столичным городом Чжунду. Из Сартаульскнх же людей он поставил советников-соправителей при Монгольских даругачинах в Китае, так как они имели возможность получить указания о городских законах и установлениях у Ялавачия с Масхутом.

§ 264. Среди Сартаульского народа Чингис-хан провел семь лет. Тут он дождался возвращения Чжалаиртайского Бала, который, переправясь через реку Шин, преследовал Чжалалдин-Солтана и Хан-Мелика до самой Хиндусской земли. Потеряв с ними соприкосновение, в поисках беглецов он дошел даже до середины Хиндусской страны, но будучи не в силах вести дальнейшее преследование, он повернул назад и, разорив и полонив пограничный Хиндусский народ и набрав множество верблюдов и легченых козлов, прибыл к Чингис-хану. Тогда государь Чингис-хан вернулся на родину, проведя на пути одно лето на Эрдиши, и на седьмой год похода, в год Курицы (1225), расположился в царских дворцах; в Тульском Темном Бору - Хара-тун.

XII. СМЕРТЬ ЧИНГИС-ХАНА. ЦАРСТВОВАНИЕ ОГОДАЯ

§ 265. Порешив итти на Тангутов по окончании зимнего периода тою же года, Чингис-хан провел новый переучет войска и осенью года Собаки (1226) выступил в поход на Тангутов. Из ханш за государем последовала Есуй-хатун. По пути во время облавы на Арбухайских диких лошадей-хуланов, которые водятся там во множестве, Чингис-хан сидел верхом на коричнево-сером коне. При налете хуланов, его коричнево-серый поднялся на дыбы, причем государь упал и сильно расшибся. Поэтому сделали остановку в урочище Цоорхат. Прошла ночь, а на утро Есуй-хатун сказала царевичам и нойонам: "У государя ночью был сильный жар. Надо обсудить положение". Тогда царевичи и нойоны собрались на совет, и Хонхотайский Толун-черби подал такое мнение: "Тангуты - люди оседлые, живут в глинобитных городищах. Ужели они могут куда уйти, взвалив на спины свои глинобитные городища? Ужели они решатся бросить свои насиженные места? Поэтому нам следовало бы отступить, а по излечении государя от недуга, снова выступить в поход. Все царевичи и нойоны одобрили это мнение. Когда же представили его на усмотрение государя, Чингис-хан сказал: "Тангуты чего-доброго подумают, что мы ушли из трусости. Поэтому мы, возможно, и отступим, но не ранее, чем пошлем к Тангутам посла и тут же в Цоорхатах дождемся от них ответа и сообразим его". Тут же он продиктовал послу следующее: "Некогда ты, Бурхан, обещал быть со своими Тангутами моею правой рукой, вследствие чего я и звал тебя в поход на Сартаулов, которые нарушили условия мирного договора. Но ты, Бурхан, не только не сдержал своего слова и не дал войска, но еще и ответил мне дерзкими словами. Занятый другими мыслями, я решил посчитаться с тобою потом. Ныне, совершив Сартаульский поход и, с помощью Вечного Неба, обратив Сартаульский народ на путь правый, я возвратился и иду к тебе, Бурхан, потребовать отчета". На это послание Бурхан отвечал послу: "Оскорбительных слов я не произносил!" Но тут вмешался Аша-Гамбу и говорит: "Это я произнес оскорбительные слова! А теперь, если вы, Монголы, как любители сражений, хотите сражаться, то есть у меня для этого Алашайское кочевье, есть и решетчатые юрты, есть и вьючные верблюды. Ступайте в Алашай и жалуйте ко мне. Там и сразимся мы. Если же вам нужны золото с серебром да ткани с товарами, то идите в Эрихай (Нин-ся), в Эричжоу (Си-лян)". Такой ответ он дал послу. Когда этот ответ доложили Чнигис-хану, он все еще больной, сказал: "Довольно! Как можно думать об отступлении, снеся такие оскорбительные речи? Меня и мертвого стали бы преследовать эти надменные слова. За них и идем. Да будет воля Вечного Неба!" Стремительно двинувшись на Алашай, он разбил в сражении Аша-Гамбу, загнал в Алашайские горы и там захватил его самого и в

прах развеял и полонил его народ с решетчатыми юртами и вьючными верблюдами. Истребив Тангутских витязей и Бинсайдов их, он отдал всех прочих Тангутов на поток и разграбление войску

§ 266. Проводя лето в снежных горах, Чингис-хан, разослав отряды, приказал до конца выловить тех Тангутов с решетчатыми юртами и вьючными верблюдами, которые при отступлении Аша-Гамбу вместе с ним забрались в горы. Боорчу с Мухалием он при этом милостиво разрешил брать, сколько хватит сил. Сверх того повелеть соизволил: "Я жаловал Боорчу с Мухалием, но еще не давал им доли из Китадской добычи. Разделите же вы между собою пополам Китадских Чжуинцев. Их благородных юношей берите себе в сокольничие и в свиту свою. А благородных девиц приучайте служить сенными девушками при женах ваших. Ведь Харакиданьские Чжуинцы были излюбленными и доверенными людьми у Китадского Алтан-хана. Ну, а у меня излюбленными и доверенными людьми состоите вы, Боорчу с Мухалием!"

§ 267. Из снежных гор Часуту Чингис-хан двинулся к городу Урахай и осадил его. Выступив же из Урахая, он предпринял осаду города Дормехай (Лин-чжоу), когда явился к нему просить аудиенции Бурхан. Готовясь к представлению Чингис-хану, Бурхан подобрал для подношения государю, подобрал по мере, цветам и мастям всяких предметов и вещей в девятикратном числе, как то: золота с серебром, посуды с утварью, юношей с девушками, меринов с верблюдами и, во главе всего этого, золотые кумирни. И вот, разрешив ему представиться, государь принял Бурхана в сенях, за дверьми. Во время же этой аудиенции Чингис-хан почувствовал себя дурно. На третий день после аудиенции Чингис-хан соизволил повелеть: "Переименовать Илуху-Бурхана в Шидургу-Честного. А так как вместо Илуху-Бурхана будет теперь на свете Шидургу-Честный, то Чингис-хан и повелевает проводить на тот свет Илуху. Проводить же его на тот свет повелевается лично Толун-чербию!" Когда Толун-черби доложил государю, что он наложил руки на Илуху и покончил с ним, Чингис-хан соизволил повелеть: "Когда я шел потребовать отчета у Тангутского народа и но дороге предпринял известную облаву на Арбухайских хуланов, то никто иной, как Толун-черби, подал мнение о необходимости прежде всего излечить мою болезнь. Так он болел душою о моем здоровье! Ныне Вечное Небо умножило мои силы и предало в руки мои такого друга, который прислал мне яду в речах своих. Мы совершили свое отмщение. пусть же возьмет Толун себе в дар тот походный дворец, вместе со всею утварью, который доставил сюда Илуху".

§ 268. Разгромив Тангутскнй народ и покончив с Илуху-Бурханом, переименованным в Шидургу, государь соизволил повелеть: "Так как я истребил Тангутов до потомков потомков их и даже до последнего раба - мухули-мусхули угай болган, то пусть напоминают мне о таковом поголовном истреблении за каждым обедом, произнося слова: "Мухули-мусхули угай!" Дважды ополчаясь на Тангутский, народ за нарушение данного слова. Чингис-хан, после окончательного разгрома Тангутов, возвратился и восшел на небеса в год Свиньи (1227). Из Тангутской добычи он особо щедро наградил Есуй-хатун при самом отшествии своем.

§ 269. В год Мыши (1228) в Келуренском Кодеу-арале собрались все полностью: Чаадай, Бату и прочие царевичи Правой руки; Отчигин-нойон, Есунге и прочие царевичи Левой руки; Толуй и прочие царевичи Центра; царевны, зятья, нойоны-темники и тысячники. Они подняли на ханство Огодай-хана, которого нарек Чингис-хан. Старший его брат Чаадай, возведя своего младшего брата Огодая на ханский престол, вместе с Толуем, передал во власть его телохранителей государя и отца своего - кебтеулов, стрельцов и 8000 турхаутов: "Состоявшую при особе моего родителя и государя тьму собственных его кешиктенов". Точно" таким же образом он передал во власть Огодая и Голун улус (удел центра).

§ 270. Будучи, в качестве младшего брата, возведен на престол и поставлен государем над тьмою императорской гвардии кешнктенов и Центральною частью государства, Огодай, по предварительному соглашению со своим старшим братом Чаадаем, отправил Оготура и

Мункету в помощь Чормахану, который продолжал военные действия против Халибо-Солтана, не законченные еще при его родителе, Чингис-хане. Точно также он отправил в поход Бату, Бури, Мунке и многих других царевичей на помощь Субеетаю, так как Субеетай-Баатур встречал сильное сопротивление со стороны тех народов и городов, завоевание которых ему было поручено еще при Чингис-хане, а именно-народов Канлин, Кибчаут, Бачжигит, Орусут, Асут, Сесут, Мачжар, Кешимир, Сергесут, Булар, Келет, а также и городов за многоводными реками Адил и Чжаях, как то: Мекетмен, Кермен-кеибе и прочих. При этом на царевича Бури было возложено начальствование над всеми этими царевичами, отправленными в поход, а на Гуюка - начальствование над выступившими в поход частями из Центрального улуса. В отношении всех посылаемых в настоящий поход было повелено: "Старшего сына обязаны послать на войну как те великие князья-царевичи, которые управляют уделами, так и те, которые таковых в своем ведении не имеют,_ Нойоны-темники, тысячники, сотники и десятники, а также и люди всех состояний, обязаны точно так же выслать на войну старшего из своих сыновей. Равным образом старших сыновей отправят на войну и царевны и зятья". При этом Огодай-хан присовокупил: "Точно так же и настоящее положение, о посылке на войну старшего из сыновей, исходит от старшего брата, Чаадая. Старший брат, Чаадай, сообщал мне: царевича Бури должно поставить во главе отрядов из старших сыновей, посылаемых в помощь Субеетаю. По отправке в поход старших.сыновей получится изрядное войско. Когда же войско будет многочисленно, все воспрянут и будут ходить с высоко поднятой головой. Вражеских же стран там много, и народ там свирепый. Это - такие люди, которые в ярости принимают смерть, бросаясь на собственные мечи. Мечи же у них, сказывают, остры. Вот почему я, Огодай-хан, повсеместно оповещаю о том; чтобы нам, со всею ревностию к слову нашего старшего брата Чаадая, неукоснительно выслать на войну, старших сыновей. И вот на основании чего отправляются в поход царевичи Бату, Бури, Гуюк, Мунке и все прочие".

§ 271. Затем, Огодай-хан послал испросить совета у старшего своего брата, Чаадая, которому сообщал: "Воспринял я все уготованное родителем Чингис-ханом. И спрашивается: ради каких же достоинств своих? Посему, я испрашивал бы совета и согласия у брата своего Чаадая, не выступить ли мне в поход на Китай, так как государь наш батюшка оставил незаконченным дело покорения Алтан-хана Китадского". Одобряя это Чаадай отвечал: "Зачем откладывать дело в долгий ящик? Поставьте хорошего человека в Ауруке и выступайте, а я пошлю войско отсюда". Тогда Огодай-хан оставил Олдахара правителем Великой орды-Еке Ордос.

§ 272. Сам же Огодай-хан, в год Зайца (1231), выступил в поход на Китай, Чжебе был отправлен передовым. Огодай-хан сразу же разгромил Китадскую рать и, ломая ее как сухие сучья, перешел через Чабчияльский перевал и разослал в разные стороны отряды для осады различных Китадских городов. Но тут Огодай-хана постигла болезнь: у него отнялся язык. В великом беспокойстве созвали китадских шаманов и приказали им ворожить. Ворожба показала, что это жестоко неистовствуют духи, владыки Китадских земель и вод, неистовствуют вследствие захвата их людей и жилищ, а, также вследствие разрушения принадлежащих им городов и деревень. Пробовали посредством гадания по внутренностям животных вопрошать духов, не желают ли они принять в качестве выкупа - дзолик - золота с серебром, или скота и всякого съестного. Но было отвечено, что на этих условиях не только не успокоятся, но еще сильнее будут неистовствовать день и ночь. Когда же затем, посредством того же гадания, поставили вопрос, не примут ли духи в качестве выкупа родственника больного, то в это самое время хан открыл глаза и попросил воды. Выпил он и спрашивает: "Ну, что же вышло?" Тогда шаманы доложили ему:

"Духи, владыки Китадских земель и вод, жестоко неистовствуют вследствие захвата их людей и жилищ. Мы предложили им в качестве выкупа все, что только они могли бы пожелать. Но они соглашаются перестать только за выкуп родным человеком, а иначе

угрожают поднять еще более свирепое неистовство. Докладываем об этом на усмотрение его величества". Когда они так доложили, государь спросил: "А кто при мне из царевичей?" Был же при нем Толуй, который и сказал ему: "Блаженной памяти родитель наш, государь, Чингис-хан, выбрав тебя, старший брат мой и царь, выбрав, как выбирают мерина, и ощупав, как ощупывают барана, тебе лично указал на великий царский престол и на твое величество возложил всенародное бремя. А мне ведь поведено только быть возле хана, старшего брата, чтобы будить его от сна и напоминать позабытое. И еслиб теперь я не уберег тебя, то кого же стал бы будить от сна и напоминать позабытое. И именно сейчас я заступлю своего брата и государя, когда на самом деле с ним еще ничего не случилось, но все Монголы уже полны сиротской скорби, а китайцы - ликования. Я ломал хребет у тайменя, я сокрушал хребет у осетра. Я побеждал пред лицом твоим, я сражался и за глазами. Высок я станом и красив лицом. Читайте ж, шаманы, свои заклинания, заговаривайте воду!" Когда он так сказал, шаманы, произнеся заклинания, заговорили воду, а царевич Толуй выпил и говорит, посидев немного молча: "Опьянел я сразу! Побереги же, государь и старший брат мой. побереги до тех пор, пока очнусь я, малых сирот своего младшего брата и вдову его Беруде, побереги до тех пор, пока я не приду в себя. Все, что хотел сказать, я, сказал. Опьянел!" И проговорив эти слова, он вышел вон. Дело же обстояло так, что в действительности (кончины Толуя) не доследовало."

§ 273. Вскоре же после того Огодай-хан ниспроверг Алтан-хана и дал ему новую кличку - Сяосы, т. е. половой, прислужник. Набрав золота, серебра, златотканных узорчатых штофов, тканей и товаров, коней и прислуги, поставив всюду разведчиков - алгинчинов и воевод - баскаков-танмачинов, а в столичных городах, Наньгин и Чжунду, поставив даругачинов, Огодай-хан благополучно возвратился на родину и поселился в Хара-хоруме.

§ 274. Между тем Чормахан-хорчи привел к покорности Багдадский народ. Получив известия, что тамошняя земля хороша и славится хорошими товарами, Огодай-хан повелел Чормахан-хорчину оставаться там в должности баскака-танмачи и ежегодно поставлять ему следующие местные произведения: желтое и литое золото, златотканные парчи и штофы с золотыми вышивками, жемчуга, перламутры, длинношеих и длинноногих западных коней, темногнедых верблюдов-элеут, павлинов, верблюдов-кичидут, вьючных мулов-хачидут и обыкновенных мулов-луусут. Посланные в помощь Субеетаю царевичи Бату, Бури, Гуюк, Мунке и все другие царевичи, покорив народы Канлин. Кипчаут и Бачжигит, разрушили города Эчжил, Чжаях и Мегет, а также совершенно разгромили и полонили Орусутов. Они полностью покорили Асутов и Сесутов, а также население городов Белерман, Керман-кива и прочих городов, поставили даругачинов и танмачинов и возвратились на родину. Относительно Есудер-хорчина, который был послан в помощь Чжалаиртай-хорчину, уже давно находившемуся в походе против Чжурчжетских Солонгосцев, относительно Есудер-хорчина последовало повеление о назначении его тамошним баскаком танма.

§ 275. Из Кипчакского похода Батый прислал Огодай-хану следующее секретное донесение: "Силою Вечного Неба и величием государя и дяди мы разрушили город Мегет и подчинили твоей праведной власти одиннадцать стран и народов и, собираясь повернуть к дому золотые поводья. порешили устроить прощальный пир. Воздвигнув большой шатер, мы собрались пировать, и я, как старший среди находившихся здесь царевичей, первый поднял и выпил провозглашенную чару. За это на меня прогневались Бури с Гуюком и, не желая больше оставаться на пиршестве, стали собираться уезжать, причем Бури выразился так: "Как смеет пить чару раньше всех Бату, который лезет равняться с нами? Следовало бы протурить пяткой да притоптать ступнею этих бородатых баб, которые лезут равняться!" А Гуюк говорил: "Давай-ка мы поколем дров на грудях у этих баб, вооруженных луками! Задать бы им!" Эльчжигидаев сын Аргасун добавил:

"Давайте-ка мы вправим им деревянные хвосты!" Что же касается нас. то мы стали приводить им всякие доводы об общем нашем деле среди чуждых и враждебных народов, но так все и разошлись непримиренные под влиянием подобных речей Бури с Гуюком. Об изложенном докладываю на усмотрение государя и дяди".

§ 276. Из-за этого Батыева доклада государь до того сильно разгневался, что не допустил (старшего своего сына) Гуюка к себе на прием. Он говорил: "У кого научился этот наглец дерзко говорить со старшими? Пусть бы лучше сгнило это единственное яйцо. Осмелился даже восстать на старшего брата. (***Бату — старший сын Чжочи, старший двоюродный брат Гуюка***) Вот поставлю-ка тебя разведчиком-алгинчином, да велю тебе карабкаться на городские стены, словно на горы, пока ты не облупишь себе ногтей на всех десяти пальцах! Вот возьму да поставлю тебя танмачином-воеводой, да велю взбираться на стены крепко кованые, пока ты под корень не ссучишь себе ногтей со всей пятерни! Наглый ты негодяй! А Аргасун у кого выучился дерзить нашему родственнику и оскорблять его? Сошлю обоих: и Гуюка и Аргасуна. Хотя Аргасуна просто следовало бы предать смертной казни. Да, скажете вы, что я не ко всем одинаков в суде своем. Что касается до Бури, то сообщить Батыю, что он отправится объясняться к (своему отцу) Чаадаю, нашему старшему брату. Пусть его рассудит брат Чаадай!"

§ 277. Тогда приступили к нему с докладом царевич Мангай, нойон Алчидай-Хонхортай-цзанги и другие нойоны, и сказали: "По указу твоего родителя, государя Чингис-хана, полагалось: полевые дела и решать в поле, а домашние дела дома решать. С вашего ханского дозволения сказать, хан изволил прогневаться на Гуюка. А между тем дело это полевое. Так не благоугодно-ли будет и передать его Батыю? Выслушав этот доклад, государь одобрил его и, несколько смягчившись, позвал Гуюка и принялся его отчитывать: "Говорят про тебя, что ты в походе не оставлял у людей и задней части, у кого только она была в целости, что ты драл у солдат кожу с лица. Уж не ты ли и Русских привел к покорности этою своею свирепостью? По всему видно, что ты возомнил себя единственным и непобедимым покорителем Русских, раз ты позволяешь себе восставать на старшего брата. Не сказано ли в поучениях нашего родителя, государя Чингис-хана, что множество - страшно, а глубина - смертоносна То-то вы всем своим множеством и ходили под крылышком у Субеетая с Бучжеком, представляя из себя единственных вершителей судеб. Что же ты чванишься и раньше всех дерешь глотку, как единый вершитель, который в первый раз из дому-то вышел, а при покорении Русских, и Кипчаков не только не взял ни одного Русского или Кипчака, но даже и козлиного копытца не добыл. Благодари ближних друзей моих Мангая да Алчидай-Хонхотай-цзангина с товарищами за то, что они уняли трепетавшее сердце, как дорогие друзья мои, и, словно большой ковш, поуспокоили бурливший котел. Довольно! Дело это, как полевое дело, я возлагаю на Батыя. Пусть Гуюка с Аргасуном судит Батый!" И с этими словами, он отослал его, а Бури передал в распоряжение старшего брата Чаадая.

§ 278. Затем, Огодай-хан изволил повелеть: "Подтверждаем к неуклонному исполнению все опубликованные ранее указы и распоряжения нашего родителя и государя Чингис-хана относительно состоявших при его особе кебтеулах, хорчинах, турхаутах и всей гвардии кешиктенов, а именно: хорчины и турхауты по-прежнему несут свою дневную службу на установленных постах, каковые передают еще засветло кебтеулам и ночуют вне дворца. Ночью кебтеулы занимают посты вокруг нашего дворца. После заката солнца кебтеулы задерживают на всю ночь всех прохожих. Кебтеулы, которые остановят человека, пытающегося проникнуть самовольно за ограду дворца в то время, когда все люди уже разошлись по домам, обязаны срубить тому человеку голову по самые плечи. Если кто придет ночью по спешному делу, то обязан, сказавшись предварительно кебтеулам, говорить свое дело в присутствии их, стоя с задней стороны юрты. За входом и выходом из дворца наблюдают, совместно с кебтеулами, ясаулы Хонхортай и Ширахан с товарищами. Надежен только тот кебтеул, который ни на шаг не отступает от слов приказа. Как ни был верен Эльчжигидай, но все же был схвачен кебтеулами за то, что

вечером проходил мимо кебтеулов! Не дозволяется расспрашивать о числе кебтеулов. Не дозволяется проходить мимо кебтеулов или между ними. Подлежит задержанию всякий, кто попытается пройти мимо или через кебтеулов. У того, кто будет расспрашивать о числе кебтеулов, отбирается Кебтеулами лошадь с седлом и обротью, а также и платье. Никто не смеет помещаться выше кебтеульских постов. Кебтеулы заведуют хранением знамен, барабанов, пик, посуды и утвари, а также распоряжаются мясом для поминальных тризн. Они же хранят дворцовые юрты-телеги. Когда мы не выступаем в поход, то без нас не должны выступать и кебтеулы. Когда мы отправляемся на соколиную охоту или звериную облаву, с нами отправляется и известная часть кебтеулов, оставляя при дворцовых юртах-телегах потребное количество кебтеулов, смотт по обстоятельствам. Распорядители кочевьями, из числа кебтеулов, отводят места для стоянки Двора государева. У дверей дворца дежурят кебтеулы-дверники. Все кебтеулы находятся под ведением Хадаана-тысячника. Порядок кебтеульских очередей устанавливается следующий:
в первую очередь вступают на, дежурство и располагаются равными частями, справа и слева от дворца, Хадаан с Булхадаром, во вторую очередь - Амал с Чанаром, которые располагаются также, в третью - Хадай с Хори-Хачаром, располагаясь в том же порядке, в четвертую - Ялбах с Хариу даром - в том же порядке. Первые две очереди - Хадаана с Булхадаром и Амала с Чанаром - выступают на дежурство со своих квартир, находящися слева от дворца, а вторые две очереди - Ха,дая с Хори-Ха,чаром и Ялбаха с Хариударом - выступают на дежурство со своих квартир, находящихся справа от дворца. Всеми этими четырьмя очередями кебтеулов ведает Хадаан, Располагаясь постами вокруг дворца, кебтеулы имеют особое наблюдение за дверьми. Хорчины-стрельцы Есун-теея, Бугидая, Хорхудаха и Лаблахая, также составляя четыре очереди, вступают в дежурство совместно с подлежащими четырьмя командами турхаудов для ношения сайдаков. Точно так же по-прежнему распределяются и очереди назначенных на прежних основаниях из принцев крови старейшин турхаудских дежурств, а именно: в первую очередь вступают в дежурство со своими турхаудами старые командиры Алчидай с Хонгор-Тахаем, по взаимному соглашению; во вторую очередь, в таком же порядке, - Темудер с Гучжеем. Мангутай, имея в своем подчинении запасную команду, вступает со своими турхаудами в третью очередь. Во главе всех нойонов стоит Эльчжигидай, распоряжениям которого подчиняются все. Дежурный, пропустивший дежурство, согласно прежнему указу, наказуется тремя палочными ударами. Тот же дежурный, пропустивший дежурство во второй раз, наказуется семью палочными ударами. Тот же дежурный, в третий раз пропустивший дежурство без разрешения старейшины или не по болезни, а по другим не заслуживающим уважения причинам, признается нежелающим служить у нас и, по отбытии наказания в тридцать и семь палочных , ударов, подлежит высылке в места отдаленные, с глаз долой. Если пропуск дежурства произошел вследствие несоблюдения дежурными старейшинами правила об обязательной перекличке, то ответственность падает на старейшину. Старейшины обязаны в каждую третью очередь, при смене, объявлять кешиктенам настоящий приказ. Законному взысканию подлежат лишь те провинившиеся кешиктены, которые слушали приказ. За необъявление же приказа несут ответственность старейшины. Старейшины дежурств, невзирая на свое высокое положение, не имеют права чинить каких-либо самоуправств по отношению к ровесникам нашим кешиктенам, не доложив нам. О привлечении виновных к ответственности они обязаны представлять нам. Мы сами покараем смертною казнью тех, кто повинен смерти, и подвергнем должному наказанию тех, кто его заслужил. Но те лица, которые, уповая на свое высокое положение, вместо доклада нам, будут прибегать к рукоприкладству, те получат должное возмездие: за кулак - кулак, и за палки - палки. Мой кешиктен по положению своему выше армейского нойона-тысячника, а котчин-оруженосец кешиктена - выше армейских нойонов-сотников и десятников. Поэтому подлежит ответственности всякий тысячник, который вздумает тягаться с моим кешиктеном".

§ 279. Затем Огодай-хан сообщил на одобрение брата Чаадая о нижеследующем: "Не будем обременять государство, с такими трудами созданное родителем нашим и государем Чингис-ханом. Возрадуем народ тихим благоденствием, при котором, как говорится, ноги покоятся на полу, а руки - на земле. Получив все готовое от государя родителя, введем порядки обременительные для народа. Пусть взнос в государственную продовольственную повинность - шулен - будет отныне в размере одного двухгодовалого барана со стада. Равным образом по одной овце от каждой сотни овец пусть взыскивают в налог в пользу неимущих и бедных. Затем, как можно допускать такой порядок, когда с народа же в каждом отдельном случае, взимается и питьевая натуральная повинность - ундан - при сборах с него очередных нарядов людьми и лошадьми. В устранение этого необходимо повсюду от каждой тысячи выделить кобыл и установить их подои; поставить при табунах доильщиков, выставить постоянно сменяемых распорядителей кочевьями, нунтукчинов, которые одновременно будут и унгучинами, заведующими конским молодняком. Далее, при каждом созыве сейма князей надлежит раздавать подарки. Для этой цели мы учредим охраняемые городища с магазинами, наполненными тканями серебряными слитками, сайдаками, луками, датами и прочим оружием. Для несения охраны выделим отовсюду городничих - балагачинов и интендантских смотрителей - амучинов. В дальнейшем необходимо произвести по всему государству раздел земельно-кочевых и водных угодий. Для этого дела представлялось бы необходимым избрать от каждой тысячи особых нунтуучинов - землеустроителей по отводу кочевий. Затем, в нашем гобийском районе - Цоль гачжар - ныне никто, кроме диких зверей, не обитает. Между тем там на широком просторе могли бы селиться и люди. Посему следовало бы, по надлежащем изыскании, устроить в гобийском районе колодцы, обложенные кирпичом, возложив это дело на нунтуучинов, во главе с Чанаем и Уйгуртаем. Далее, при настоящих способах передвижения наших послов, и послы едут медленно и народ терпит немалое обременение. Не будет ли поэтому целесообразнее раз навсегда установить в этом отношении твердый порядок: повсюду от тысяч выделяются смотрители почтовых станций - ямчины и верховые почтари - улаачины; в определенных местах устанавливаются станции - ямы, и послы впредь обязуются, за исключением чрезвычайных обстоятельств, следовать непременно по станциям, а не разъезжать по улусу. Я полагал бы правильным возложить доклады нам по этому делу на Чаная и Болхадара, как на людей, понимающих это дело, представляя об изложенном на усмотрение старшего брата Чаадая и на его одобрение в случае признания им предложенных мероприятий целесообразными". Все эти предложения брат Чаадай, после надлежащих вопросов, одобрил и ответил: "Так именно и сделайте". При этом он присовокупив с своей стороны: "Я тоже озабочусь учреждением ямов, поведя их отсюда навстречу вашим. Кроме того, попрошу Батыя провести ямы от него навстречу моим. Из доложенных мне мероприятий я считаю самым правильным учреждение ямов".

§ 280. Тогда Огодай-хан издал следующий указ: "Нижеследующее полностью одобрили: старший брат Чаадай, Батый и прочие братья, князья Правой руки; Отчигин-нойон, Егу и прочие братья, князья Левой руки; царевны и зятья Центра, а также нойоны-темники, тысячники, ситники и десятники. Слушали и полностью одобрили вопросы: относительно целесообразности выдела по одной двухлетней овце с каждого стада в год в натуральную повинность - шулен - для государя, Далай-хагана; о желательности сбора по одной годовалой овце с каждой сотни овец в качестве налога в пользу неимущих и бедных; об ускорении движения послов а вместе с тем и облегчении тягот для населения государства посредством установления ямов и выдела ямчинов и улаачинов. В виду этого, высочайшим указом моим, по соглашению с братом Чаадаем и с его одобрения, вводится ежегодная натуральная повинность, со всего народа, со всех тысяч, по одному двухлетнему барану со стада на царское продовольствие и по одной годовалой овце с каждой сотни овец в пользу неимущих и бедных. Учреждается выдел кобыльего стада и прикрепление к нему унгучинов - надсмотрщиков за молодняком. Учреждаются

должности унгучинов, балагачинов и амучинов. Начальствующими лицами над учреждением ямов поставлены Арацян и Тохучар, которые, сообразно с местными условиями, установят станционные пункты и укомплектуют их ямчинами и улаачинами. При этом на каждом яме должно быть по двадцати человек улаачинов. Отныне впредь нами устанавливается для каждого яма определенное число улаачинов, лошадей, баранов для продовольствия проезжающим, дойных кобыл, упряжных волов и повозок. И если впредь у кого окажется в недочете хоть коротенькая веревочка против установленного комплекта, тот поплатится одной губой, а у кого недостанет хоть спицы колесной, тот поплатится половиною носа".

§ 281. Огодай-хан говорил: "Взойдя на родительский великий престол, вот что совершил я после деяний государя и родителя. Я окончательно покорив Лихудский народ (Гиньское царство) - это во-первых. Во-вторых, я учредил почтовые станции для ускорения передвижения наших послов, а также и для осуществления быстрейшей доставки всего необходимого. В-третьих, я приказал устроить колодцы в безводных землях, чем доставлю народу воду и корма, и, наконец, учредив должности алгинчинов и танмачинов, установил полный покой и благоденствие для всего государства. Итак, я прибавил четыре своих дела к деяниям своего родителя, государя. Но вот и погрешности мои. Будучи возведен на государев родительский великий престол и восприяв на плечи свои все государственное бремя, бываю я одолеваем темным вином. Вот первая моя вина. А вторая вина моя состоит в тех упущениях, которые проистекли от захватов по наущению беспутных женщин, девиц из улуса дяди Отчигина. Непристойно было императору впадать в беззаконные упущения и пороки. Вы спросите затем, что за вина такая извести, как я извел тайно, Дохолху. Да, это было тяжкое преступление погубить Дохолху, который всегда шел впереди всех пред очами своего государя, моего родителя-хана. Кому же теперь предварять всех, указуя путь, на глазах мои? Признаю вину свою в том, что по неразумной мести погубил человека, который пред очами хана-родителя опережал всех в ревностном исполнении Правды-Торе. Наконец, есть и еще вина. Из жадности я все боялся, как бы дикий зверь, который плодится изволением Неба и Земли, как бы этот зверь не перебежал к моим братьям. И вот, чтобы создать для него преграды, я приказывал строить глинобитные стены и выслушивал упреки от братьев. Итак, я прибавил четыре дела к деяниям государя-отца и в четырех же делах погрешил".

§ 282. Написано во время пребывания Двора в урочище Долоан-болдах Келуренского Кодее-арала, что между двумя урочищами (?) Шильгим и Цек, в седьмой месяц Хуран-сара, года Мыши (1240), во время происходившего там Великого сейма - Хурил.